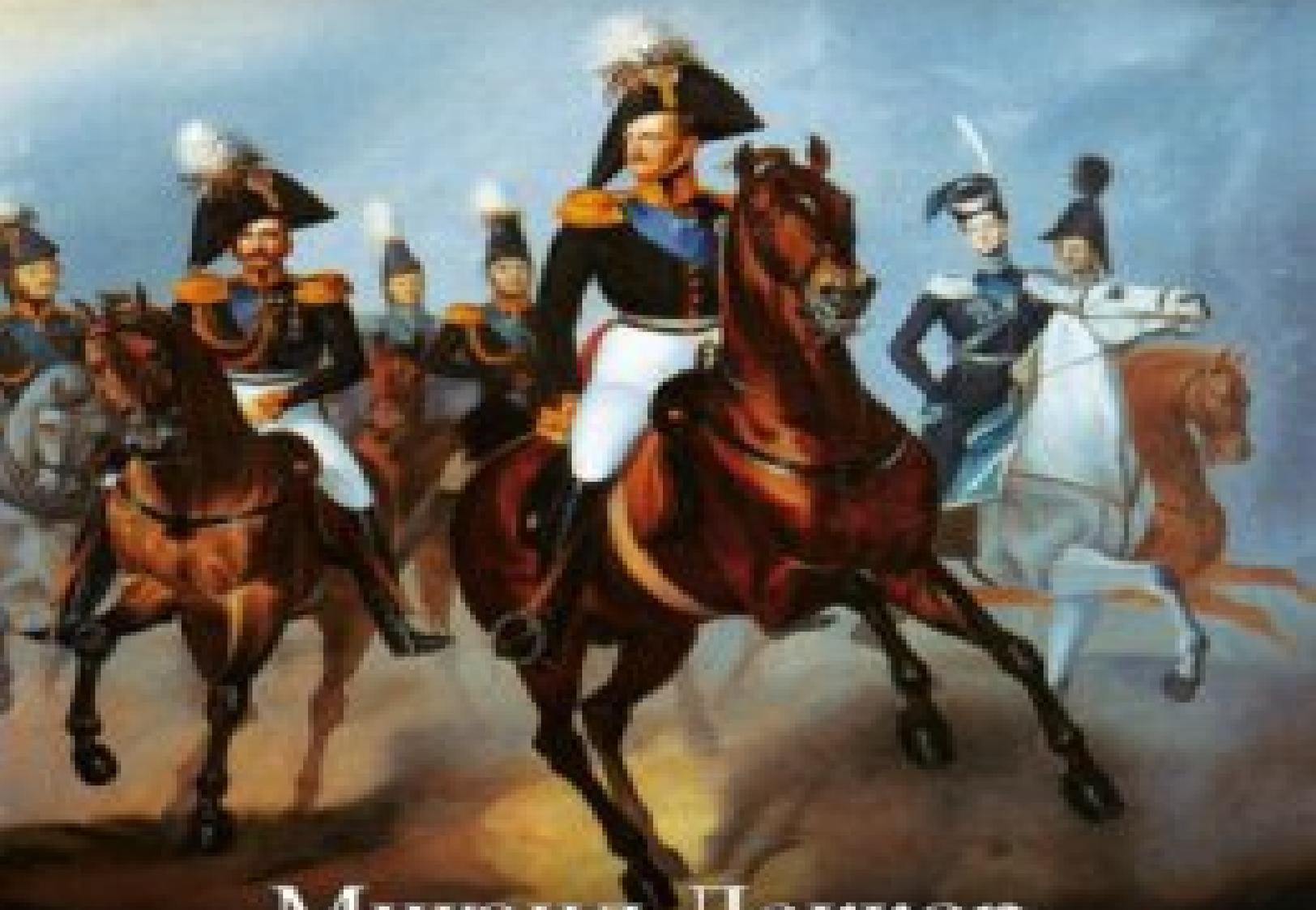

попаданец

ГОДИНИ

Михаил Леккор

**ПОПАДАНЕЦ
XIX ВЕКА**

Попаданец из XXI века Андрей Игоревич Макурин сумел твердо закрепиться в этом веке. Он уже делопроизводитель и почти фаворит императора Николая Павловича. Но оказалась вдруг большая проблема (а любимая женщина — это, конечно, проблема). И ему пришлось стать помещиком!

Михаил Леккор

**Колхозный помещик образца XIX века (попаданец
XIX века — 2)**

Глава 1

В зимнюю дорогу Андрей Георгиевич поехал на новой, добротной работы и хорошего состояния, но все же бричке. А она осенне-летнего сезона, на колесах, хотя и утепленная. Вот же ж! А ничего себе собирать по мнению императора в дорогу всякую мелочь! Купил бы себе сани и не мучился!

Никодим качестве оправдания сказал, что до пасхи недолго, а там даже и в этих краях тепло, снег растает. Вообще говоря убедительно. Но ведь тепло будет, а есть надо сейчас и по снегу! И как еще добраться?

Однако же надо ехать. Попрощался с Никодимом и поехал, взирая на такие знакомые и незнакомые виды Санкт-Петербурга. На облучке трудился, подгоняя пару лошадей, кучер Федор. С одной лошадежкой он бы поехал проще и с работниками меньше.

Но не дали. Noblesoblige говорят. То есть говорил Никодим по-другому, но смысл был таким же. Две лошади и кучер, тот же крепостной, отданный Макурину в полную собственность — вот минимум путешествующего помещика по мнению Никодима. Макурин саркастически фыркнул, но смирился.

Императорская семья и тем более Николай не вышли. Все-таки кто он и кто они. Андрей Георгиевич на них был не обижен. Тем более и Николай I и, немного, Александра Федоровна, даже цесаревич Александр милостиво поговорили и пожелали доброй дороги. От если бы еще Анастасия Татищева пришла, его невеста разнесчастная, но увы! Как он не выглядывал заветное окошко, как не выворачивал голову, она не была видна. Вот ведь женщины, сначала обдурят мужскую башку, а потом милостиво бросают! Что б он еще раз с нею целовался!

Макурин думал бы по-другому, быть он повнимательней. Его ненаглядная невеста в самом деле старательно за ним выглядывала, чуть дырки в нем не прожгла, но в другом окне. А этот так сказать опытный и циничный попаданец в этот момент думал окончательно разорвать с ней амурные отношения.

Ха, именно где-то в это время Настя выглядела, а когда надо, они все очень дотошно выглядывают, что ее избранник весьма смотрит на окошко ее комнаты и очень хочет ее увидеть. С этого момента их любовные отношения окончательно сошлись.

Это ведь наивные мужчины думают, что они все решают, а их девушкам только остается, покраснев, сказать в церкви «ДА». Нет, природой (в XIX веке Бог) был вознамерено, что именно они рожают детей, а потому и должны выбирать их отца.

А мужчины пусть пыжатыся, надуваясь, как индюки. Что им еще остается, бедн Андрей Георгиевич ым и сильным?

Андрей Георгиевич, между тем, как бы окончательно разошелся с Настей. Но ему было легко. Так, как это бывает с человеком, бросившим тяжелый мешок с мукой. Будет легко и холодно, ну и пусть!

Стараясь забыть про черные думы и про прелестную увертихвостку, он философски размышлял о новом пути в старинной жизни, о не только многочисленных проблемах в поместье, но и о многих достоинствах. А еще он подумал, что, кажется, в его поместье нет церкви, что весьма и весьма плохо. Ведь что не говори, а в XIX веке церковь является идеологией, а без идеологии человеческие институты не выживут. И он, как помещик, то есть в данном случае пастырь несколько тысяч душ человеческих, должен не только

подумать, но и решать об этом.

Сказано — сделано. Андрей Георгиевич заехал в заведение к местному архиерею со звонким титулом архиепископом Санкт-петербургским. И с ходу... обломился. Архиерей — старичок возрастом за семьдесят лет — встретил его по-доброму, но очень уж равнодушно. К его полному изумлению, епархия не нуждалась новых приходах, и вообще свободных священников не было, денег не существовало, а его императорское величество относится к этим изменениям очень нехорошо.

Макурин зло подумал, что пастырь, скорее всего, просто уже стар и больше находится не на этом свете, а на небесах, а потому ко всему земному безразличен. Но ведь не будешь настолько жестоким и злым к пожилому человеку?

Видимо, проблем будет больше, чем он думал. С другой стороны, он столбовой дворянин и за ним помощь самого императора! Что ты еще хочешь? А жизнь всегда будет трудным, это он еще понял при рождении в далеком будущем.

Заставил себя подумать о своем трудовом будущем, как помещике. Конечно, сам он видит себя, прежде всего, как чиновника. Но ведь зачем-то Андрея Георгиевича потащило сельское хозяйство и попаданец имеет большие надежды на него?

Итак, что он хочет? Разница между аграрной сферой XIX и XXI веков есть главным образом, социальная форма. Для XIX века это помещичье поместье. Вот от этого Макурин и будет отталкиваться. Он не либерал какой и не революционер, что бы самому что-то изобретать. Благо государство в лице императора уже само определило его роль — он помещик.

Но поскольку эти обязанности попаданец знал очень плохо, а, точнее, совсем не знал, то ему придется опираться на структуру и порядки не поместий, а колхозов. Этим последним он тоже никогда не видывал, но, по крайней мере, слышал от стариков, читал в книгах и смотрел в телевизорах. Так что будет Макурин колхозный помещик, а? хе-хе, смешно, а ведь председатель колхоза был такой же организатор, как и помещик. В общем, посмотрим, дружище!

В этот же день приехал в поместье. Вначале бричка лихо катила по столичной мостовой из брусчатки, потом по ехала по гравийному можно сказать шоссе. В конце уже плелась по плохой деревенской дороге. Вот уж действительно российская глушь! Зимой еще проедешь, но и то с трудом. А в весенне-летний период совсем сядешь. Ямы, ухабы, между ними сильная трясина. Бедные лошадки — кобыла Ромашка и мерин Догоняйло — даже зимой буквально с трудом дотащили их повозку до окончательной цели так сказать экскурсии.

Что сказать, поместье Андрею Георгиевичу, в целом, понравилось. Прекрасная прибалтийская природа, не поврежденная еще «хорошей» человеческой цивилизацией XX–XXI веков. Рощицы у селения, быстро переходящие в леса на несколько верст поодаль. Поля с зерновыми, в основном рожь и овес, луга с крестьянской животинкой, опять же коровы, реже козы, речка с обязательной запрудой и зеркалом пруда и гоготаньем гусей. Здорово, наверное, здесь летним вечером, пить чай и любоваться всей этой обстановкой.

Зимой, конечно, все это есть только теоретически, но, тем не менее, хотя бы так. ведь перспектива будущего тоже радует.

С другой стороны, справа, на взгорке от деревни, стоял господский дом, настоящий большой дворец. С классическим портиком, немалой площадью и высотой хотя и в два этажа.

«Что же, хоть сам себя мой преемник сумел обеспечить!» — саркастически подумал

попаданец и приказал кучеру править к помещицкому дому.

Правда, в здание ощутимо очень неприятно отдавалось затхлостью и сыростью — все те запахи, которые начинают господствовать в нежилом доме.

«Помилуй Бог, — даже забеспокоился Андрей Георгиевич, — уж не зажила ли здесь какая нечисть? Возможность, разумеется, очень маловероятная, но все-таки».

Он кивнул кучеру, — мол, давай, трудись, мужик, а не то тоже останешься голодным и холодным. Ведь зима, и в не протопленном доме будет очень неприятно.

Кучер думал также и гаркнул, как голодная ворона:

— А ну, сволочи, отзовись — покажись, вельможный хозяин приехал, его высокоблагородие!

Называть его можно и нужно было, конечно, иначе! Но Андрей Георгиевич не обозлился. С простонародье-то какой толк?

Между тем массивная уличная дверь со скрипом медленно открылась. Небольшая бойкая старушка в козлиной душегрейке с очень испуганным лицом перекрестилась и только после этого заговорила:

— Господи, помилуй, матушка богородица отвели от греха! Ключница я Авдотья, барина своего ждем.

— Барин прибыл, — с нажимом повторил кучер, — старая карга, разве не видишь? Смотри веселей, радость у вас пришла!

Смотреть старушка еще не разучилась. Она пригляделась к Макурину, кучер с дешевой поддевке на дворянина никак не тянул. Воскликнула благоговейно-восторженно, как будто вдруг увидела на крыльце ангела в божеских лучах:

— Господи, счастье-то какое к нам пришло, как будто солнце второй раз за день поднялось на небе! Андрей Георгиевич, отец наш родной, с прибытием в свои долгожданные владения!

Она низко — до земли — поклонилась, благоговейно попросила:

— Позволь, отец родной, руку твою поцеловать.

Макурину, честно говоря, сразу и до тошноты приелись эти крепостнические штучки. Он сначала хотел резко ее оборвать, но вовремя остановился. Он-то откажет и ему будет все равно, а что о старушке скажут, — дескать, барин даже руку не дал поцеловать!

— Черт с тобой, целуй, — подал он поднос старушке, — да веди уже в дом, а то все держишь на холоде у двери!

Явный попрек старуха пропустила мимо ушей. Блаженно взяла двумя руками дворянскую конечность Макурина, медленно сначала поцеловала губами, потом прижалась левой щекой, правой щекой. Похвасталась:

— Как будто у алтаря побывала во время большого первопрестольного праздника. Благодать-то какая!

— Ну хорошо, = согласился Макурин такой трактовке поцелуя и уже потребовал:

— Веди уже к тепло, к столу, заморить хочешь здесь? И кучера моего отведи в людскую, обедать давно пора.

Старушка кивнула, плавно обоими руками показала путь в господскую столовую. Уже кратко и сухо добавила, обращаясь к кучеру:

— А ты, мил человек, пройди в людскую, это здесь же вправо, там уже едят мужики да бабы. Скажешь что ключница Авдотья — это я — тебя направила к столу.

— Ага, — согласился кучер, но посмотрел на помещика. Просит одобрения, понял

Макурин.

— Поди, — разрешил он кучеру. А сам с ключницей Авдотьей медленно пошел по лестнице на второй этаж. Медленно, потому что кушать он хотел не очень, а вот любопытство его, как и любого обычного человека, просто задало. Макурин крутил головой, смотрел вначале на большую яркую картин на потолку. Вроде бы что-то из библейского сюжета и Андрей Георгиевич даже видел пару репродукций в XXI веке. Но что это конкретно он уже не знал, а спрашивать у ключницы не считал целесообразным.

Потом акцентировал свое внимание на лестницу. Прекрасно выполненная из мрамора, она поражала своим великолепием. Даже не поверишь, что она стоит в скромном поместье. Кстати, вот про это можно и спросить:

— Скажи, Авдотья, а как появилась такая роскошь? — поинтересовался Андрей Георгиевич небрежно.

Ответ буквально убил своей простотой:

— Дак тогдашний хозяин покойный Аркадий Митрофанович за полгода до смерти в карты выиграл. В этом доме и играли. Аркадий Митрофанович поставил пятерых девок, а гость, не помню уж кто, заморский камень. Хозяин выиграл.

— Мда-с! — выдохнул Андрей Георгиевич на эту специфику данной эпохи.

Вошли в столовую. Помещичий дом все больше поражал своим варварским великолепием. А ведь простоит не долго — до 1917 года, когда восставший народ (по иному — взбунтовавшаяся чернь) все это разгромит. Зачем? Почему?

Вот и столовая очень сильно поразила попаданца своей красотой и роскошью. Обшита красным деревом, украшенная полудрагоценным камнем, она буквально цвела и переливалась даже под неярким позднезимним солнцем.

Правда, на этом великолепие пока и закончилось. Во всем доме было довольно холодно и столовая не была исключением. И хотя Авдотья поспешила заявить, что все три печи уже затопили, но пока положительного влияния это не приносило. Приходилось ждать. Печи действительно были затоплены, судя по дыму. Однако на этом все и заканчивалось.

И Андрей Георгиевич подозревал, что на этом плохое положение не закончится. Давно уже не было в поместье настоящего хозяина. Очень давно, больше десяти лет. И это было видно во всем, даже в пище.

Ключница Авдотья, тихо, как мышка, шедшая за ним позади, будто прочитала его мысли, стыдливо произнесла:

— Кормилец, только господской еды пока нетути. Мишка повар сейчас придет, приготовит к ужину.

Макурин скосил на ее глаза. И по интонации слов, и по выражению морд... физиономии чувствовалось — ей стыдно. Хотя ее особой вины этом не было. Попаданцу уже сообщили — петербургские чиновники с какого-то лешего вдруг сказали местным крестьянам, что новый хозяин приедет к ним только через три дня приблизительно.

Вот они и не торопились, не спеша убирались в помешечьем доме, натаскали туда добротных сухих дров к печкам да запасы продовольствия в погреб. Но тепла в дом еще не нагнали и закусок не нажарили. А барин вдруг появился, хотя благодетели вон они, сами ступоре.

Андрей Георгиевич на это заранее решил, что наказывать своих крепостных он будет только за реальные проступки. А вот за подобные будет лишь злословить. Пусть видят — барин уже злой и повторять непотребства не стоит — попадет кнутом на конюшне.

Так и теперь — губы сжал, глаза сердитые, но даже слова никому не сказал. Не за что потому что! И Авдотья от того пропеллером летает, а иные слуги и не покажутся. Даже кучер от греха подальше укрылся.

Пицца, кстати, была нормальная. Пусть простая и без мяса, так он в XXI веке всегда такую ел. Среди закусок была рубленая соленая капуста с луком и постным маслом. Потом щи на рыбном бульоне и, наконец, рассыпчатая гречневая каша, удобренная для барина животным маслом прямо при нем.

В общем, сытно поел. Хорошо бы еще что-то мясное, но не так что же. Попил чай с ситным хлебом и вкусным малиновым вареньем. И хватит на пока.

В качестве аванса прибежал повар Мишка — смуглый небольшой татарчонок. Почтительно поинтересовался, что его высокоблагородие будет на ужин. На ответный вопрос барина — «а что он умеет», предложил такую диету:

— на закуску — салат из рачьих шеек, первым блюдом пойдет луковый суп, на второе — печеное в майонезе, с моркови и луке курица. Больше пока не успеет, господская кухня не готова.

Макурин частично одобрил, частично не одобрил. К рачьим шейкам дополнил понравившийся салат из капусты, а также соленые огурцы. К курице были положен нарезанный картофель. Очень же вкусно.

На картофеле они остановились. Как и многие россияне в XXI веке он любил этот продукт и, конечно, поинтересовался, как с этим в поместье. Оказалось, что нормально. Почти все хозяйства садят, пусть и немного и даже потребляют, хотя и не так значительно, как в будущем.

— Я в бытность в Пруссии привык к картофелю, поэтому мне в пищу клади его побольше, — потребовал барин, — и жареное, и вареное. Не жалея давай!

После обеда в качестве отдыха совершил дополнительную экскурсию по дому. А то неудобно как-то — хозяин, а дом не знает.

Вначале второй этаж, который, как понял попаданец, он был у хозяина, у него то есть, в качестве личных покоев. Кроме уже обозначенной столовой, здесь была небольшая спальня с приличной кроватью. Этим Андрея Георгиевича было удивить трудно, а вот роскошная перина, большая подушка и даже одеяло все в пуху, заставили его задержаться. После XXI века с его ватным ширпотребом это было что-то роскошью. И это постель рядового дворянина!

Ключница Авдотья с высоты XIX века его не поняла, принялась многословно извиняться. Как понял Макурин, ключница, дуреха такая, пыталась еще покойного Аркадия Митрофановича подвигнуть на лебяжий пух, но не смогла. И теперь готова была повторить попытку. А что, хорошая гигиена, сравнительно распространенный недорогой товар. Опять же как раз для его высокоблагородия по чину.

Однако, Андрей Георгиевич считал, что это прерогатива будущей его супруги и поэтому не сказал ни да, ни нет, выйдя из спальни и только одобрительно поцокал на постельное белье.

Еще на этажа была небольшая гостиничная комната с двумя карточными столиками и курительными принадлежностями, и библиотека. С последним помещением попаданец познакомился особенно тщательно. После XXI века единственно, в чем он действительно нуждался — это в книгах.

Библиотека покойного Аркадия Митрофановича и порадовала и огорчила. Порадовала

большим количеством — для этого времени далеко не в каждой личной библиотеке было по две сотни экземпляров, огорчила же тем, что не менее половины из них оказалось на французском языке. По моде тех лет, хозяин даже не разрезал страницы, то есть не читал. Зачем деньги тратил? Лишние были?

Небольшая же стопка книг, положенных отдельно и, судя по всему, неоднократно читаемых, была посвящена двум темам — собакам и сельскому хозяйству. И, надо сказать, даже несмотря на низкий уровень науки XIX века, такой «знаток», как Макурин, смог найти для себя много полезного.

Да и книги на французском языке, после долгого размышления, должны стать нужными. Большая часть XIX века для высшего света французский язык — это родной язык. И для аристократии говорить не на французском языке означало просто молчать. Андрей Георгиевич уже в Зимнем дворце понемногу учил этот модный некогда язык и очень хотел продолжать учить его. Библиотека с французскими романами в этом отношении могла очень помочь.

Еще одна, сравнительно небольшая комната, поначалу Авдотьей было практически демонстративно проигнорирована. Макурин ее, естественно, строго остановил. Какие могут быть тайны для хозяева в своем же доме?

Остановленная перед фактом, ключница вздохнула и нехотя призналась, что это комната многочисленных метресок хозяина. Аркадий Митрофанович, будучи не женат, плотскими утехами, тем не менее, не пренебрегал. Благо кадров для этого у него было достаточно.

Нельзя сказать, что житель XXI века не знал об амурных шалостях помещиков. Егс больше заинтересовала нестандартная реакция Авдотьи. Если ревнует, то не слишком ли она стара для этого?

Вопрос был довольно интимный, чтобы практически незнакомый мужчина задавал женщине. Однако Макурин уже адаптировался в этой довольно грубоватой и циничной эпохе и спросил.

Недовольная ключница все рассказала и одной тайной для попаданца стало меньше. Оказалось, что о ни какой нравственности речь не шла, также как и о ревности. Просто премудренький барин переделывал строго обязательную функцию наложницы в добровольно-обязательную. Если выбранная пассия придет добровольно или, хотя бы, не станет кричать, то ее отец в этом году (больше вряд ли останется) не станет сдавать налоги, а временная любовница получит свадебный «подарок» в размере двух красненьких (20 руб. ассигнациями). Все это было нормально и Авдотья туда не лезла. Но ее очень сильно сердило ставшая традиция быть любовницы всемогущей в доме. Ключница же в этом случае становилась простой служанкой да еще к каждой новой метрессой надо было принаравливаться.

Положение Авдотье становилось таким тяжелым, что и после стольких лет отказа от такой практики и смерти Аркадия Митрофановича, она все равно злилось.

«Эк оно, — удивился попаданец, — и в XIX веке есть свои скелеты! Впрочем, ладно, пусть это умершие думают о прошлом».

Он решительно закрыл дверь любовниц. Хочется надеяться, что при нем-то это помещение не будет заполняться.

Ну и все, по второму этажу больше смотреть было нечего. С Авдотьей прошли на первый. По дороге Андрей Георгиевич между делом приказал привести до ужина

управляющего. Да что б он был готов отвечать на хозяйственные вопросы.

Все это было сказано так солидно, не спеша и Авдотья, хоть и была, скажем так, глупой пожилой бабой, и та посмотрела с опаской на помещика.

С опаской, но с уважением. Поняла, что поместье пришел настоящий хозяин и все лентяи и бездельники должны трепещать. Зато старательные и работающие радоваться.

А так посмотрел с ключницей первый этаж. Макурин уже предполагал, что найдет, но раз уж все смотрел... да и Авдотья не поймет.

Хотя пару неожиданностей и он увидел. Андрей Георгиевич желал видеть на первом этаже в основном подсобные помещения — кухню, склады, столовую для слуг и так далее.

Они как бы и были, но чуть стороне в специальном пристрое. А в самом помещичьем доме первую очередь был гостевой комплекс — тоже самое, что на втором этаже, но более скромном масштабе — спальня, библиотека, гостевая. И еще большая столовая.

В общем сравнительно скромно и со вкусом холостяцкая берлога. Андрей Георгиевич, конечно, в таком состоянии оставаться не желал и потому перестроится придется, но потом, после женится. А так хороший помещичий дом. Пусть пребывает. Строить и перестраивать Макурин собирался, но другое.

С эти настроен новый хозяин окончил небольшую экскурсию в своем так сказать скромном жилье.

Глава 2

Управляющий поместья Аким Петрович Семеный, крестьянин местной деревни, был уже человек весьма старый, но подвижный и говорливый. Он был готов трещать долго, без перестановки, однако не совершенно не по делу.

Это Андрея Георгиевича совсем не устраивало и он осадил его враз — одним движением бровей заставил замолчать. Хорошо же быть благородным дворянином в прошлом XIX веке!

Сел в людской на колченогий табурет, кивнул на соседнюю грубо сделанную скамью — садись, милай!

«Мог бы и найти его давешний преемник и работника подобротнее. Столица все же под боком. Или это уже шутки казенных чиновников?» — неодобрительно подумал Андрей Георгиевич. Спросил незамедлительно. Угадал, однако! Оказывается, поставлен на этот пост три года назад. Точно чиновничьи шутки! Ладно, пока сиди крестьянский управляющий. Коней, как говорится, на переправе не меняют и не режут. Посмотрим. Но как только провинишься, так сразу долой. За нами не замедлит.

Затем пошли вопросы его высокоблагородия нового помещика — сколько всего крестьянских хозяйств, как они расположены и почему, что сеют и как успешно, да много ли голов разного скота? Вопросы были привычные и управляющий пел курским соловьем весно.

А вот помещик все больше хмурился и смирнел. Нет картина была вполне предсказуемая, но очень уж неприглядная. Ведь одно дело знать, что российское сельское хозяйство XIX века было на низком уровне, а совсем другое се это прекрасно видеть. И не только видеть, но и понимать, что это мучаются твои же крестьяне.

Работали они много, от рассвета до заката, старались изо всех сил, тут претензий не было. Но ведь не как же не эффективно и слабо! Нет, так больше жить никак нельзя! Уважать себя перестанешь.

Покойный Аркадий, похоже, дальше помещичьего дома не уходил. То ли считал, что не надо, то ли не видел будущего... Что же, он то и видит и хочет.

— Скажи, Аким, а почему в деревне церкви нет?

Очередной вопрос, уж какой простой он не был, поставил крестьянина в тупик. А почему нет?

— Да ведь и деды наши жили, и прадеды, — не спеша произнес он и уже быстрее договорил: — и нам стало быть так намерено.

Макурин усмехнулся. Сразу видно — деревенский житель средневековья. Наговорит с большой короб, лишь бы ничего не делать. И не потому что лентяй, потому что жуткий консервант.

А по факту, само расположении селений требовало централизации местной жизни. И жителям от этого будет хорошо и самому помещику. Уже не слушая болтовню Акима, вышел из дома. отмахнулся от Авдотьи, — иди домой, нечего тебе все за мной ходить. И начал сосредоточено оглядывать окрестности, благо с взгорья было хорошо видно. Хоть рядышком оказалось лишь одна деревня, понятно было, что в административном плане близлежащие сселении тянутся к поместью. Но этого мало, вот и дорог мало и они очень плохие. Нужно, кровь из носа, обязательно, посадить церковь для душевных потребностей и торг для телесной. Как же они милые?

Ведь церковь за тысячелетия православия своих рамках крепко вросла в крестьянскую жизнь. И свечку надо поставить, и венчать, и похоронить, куда деваться? Все через церковь. И когда она находится за несколько десятков верст, то крестьянам очень уж неудобно.

А торг? Это ведь не глухое средневековье, когда крестьянское хозяйство жило строго в своих рамках. Это ведь тогда все, что жители сделали, то и съели. А больше и товаров нет, да и денег не собиралось.

В XIX веке российская деревня еще живет натуральным хозяйством, но, надо сказать, в большей степени по привычке. Своих товаров для рынка них уже достаточно, продовольствие рядом с большим городом продается хорошо. А когда деньги есть, то и крестьяне охотно покупают. Соль, скобяные товары, соленая и сухая рыба, ткань и даже мука. А отсюда и помещик становится побогаче, да Андрей Георгиевич?

— А скажи-ка мне, Аким, недовольны мужички существующим положением? — спросил Макурин, грубо оборвав подошедшего и по-прежнему болтающего управляющего.

Аким, прервав оду о хорошем животном масле, замялся. Говорить о недовольстве мужиков помещиком, значит, фактически доносить властям. С другой стороны, мужики ведь в самом деле неслышно бухтели, да и барин сам спросил.

— Недовольны мужики, — признался управляющий.

— Ты, Аким, пойми, — нравоучительно сказал попаданец, — хрестьянами нашими кто командует?

— А? — притворился глухим управляющий, оказавший в очень непростом положении, когда и поддакивать нельзя и отказаться невозможно.

— Хрестьянами нашими командует и перед Богом, и перед государством, прежде всего, помещик. И когда что-то не то, значит виноват именно он.

После такого оскорбительной, можно сказать, бунтарской речи, собеседник Макурина совсем замолчал. Будто и нет его рядом. Впрочем, помещик и не нуждался в одобрении. Все уже было ясно.

— Вот что, голубчик, — в раздумье спросил управляющего барин, — а когда будет ближайший сельский сход?

— Так, ваше высокоблагородие, — удивился простоте барина Аким, — как изволите, так и соберутся мужички!

— Ах да! — как бы вспомнил Макурин, — соберем-ка мы в четверок на следующей неделе гденибудь в обед, а?

Он с легкой иронии поинтересовался у собеседника, мол, попробуй-ка осмелись возразить?

Аким, конечно, не осмелился. Куда уж ему! Поклонился низко:

— Как прикажите, ваше высокоблагородие.

Управляющий легко ушел, наверняка, водку пить, а несчастный попаданец медленно пошел вдоль помещичьего дома, раздумывая:

— Итак, что надо мне сделать в ближайшее время?

Во-первых, наладить постоянную работу церкви. Это значит, построить здание и, наконец, найти священника. Я до императора дойду! Быть такого не может, чтобы в православной стране не нашли попа!

Во-вторых, деревенский, а точнее сельский рынок. Он, собственно, подразделяется на две части — административные мероприятия и экономические.

Ох, а по сути, помещику придется покрутиться. Вот ведь ж! называется голубая кровь,

столбовой дворянин. А фактически, тот же проситель!

Так, а ведь где-то тут были чиновники. Они, правда, быстренько удрали, как доложила ключница Авдотья, чуют шавки, чью мясо съели. Но ведь есть же. Надо лишь найти, ткнуть в nepотребные дела. А их наверняка будет много. И потом заставить работать вместе с ним.

Мда-с, пожелание легких дней, похоже, остаются только пожеланием. Будут трудовые будни председателя колхоза!

Но перед этим все же помещичий ужин. Роскошный, изобильный, и для него бесплатный. Впервые ел печеные в русской печи курицы. Со сметаной, с лучком и морковью, с картофелем. Вот как замечательно! А вот луковый суп ему совершенно не понравился. Ох уж эти французиски с их ор-р-ригинальным вкусом! Или Мишка повар намудрил. Зато салаты были приятные, как и соленья, Что огурцы, что предложенные Авдотьей рыжики. Вместо хлеба, как и положено, были различные пироги. Впрочем на краю стола сиротливо лежал и карай свежего хлеба.

Кроме того, слуги притащили с дюжину пыльных бутылок, судя по всему, с различным вином и шампанским, но хозяин, не глядя, решительно приказал убрать и никогда больше не приносить.

А вообще ужин походил на помещичью инсценировку советского фильма, когда картину XIX века то ли реставрировали с уровня XX века, то ли сатирически отображали — масса слуг, по меньшей мере с десятков, масса свечей на столе и на стенах, блюда в изобилии и один человек вкушает — Андрей Георгиевич Макурин собственной персоной. Попаданец и помещик, прошу любить и жаловать!

Нажрался, как свинья, до икоты животом, вот и все.

Утром очень не хотелось вставать. Поздняя зима, на улице морозный утренник. Зато дома печки, растопленные суетливым слугой, несут тепло. Лепота! Была бы рядом в постели жена или хотя бы любовница, не за что бы не встал.

А так заботливая Авдотья негромко, но настойчиво сообщала уже который раз о завтраке на столе. Да и вообще, по ощущению попаданца, уже часов двенадцать, поскольку на улице достаточно светло. И хотя к чиновникам уже было ехать поздно, встал. Крестьяне рядом, как никак!

Ты, Андрей Георгиевич, пойми, у ленивого хозяина и рыбка не будет ловиться! — сердито увещевал он себя, — а ты так напишись, последнюю копейку утащат, тот же Аким или Авдотья. Что б с завтрашнего дня с шести часов начал вставать!

С этими словами он сел за стол. И мысленно закричал. Сволочь Мишка приготовил, как на десять человек! Здесь были блины со сметаной, творог опять же со сметаной, почему-то соленые огурцы и грибы, каши гречневая и перловая с тараканами, пардон, с изюмом. Вчерашняя курица с майонезом и с морковью и луком, пироги и печенье, масло животное, несколько видов варенья, мед.

Большой стол был заставлен, как о время дружеской пирушке или на свадьбе. Макурин еще окидывал это застолье, но чувствовал только нарастающее бешенство. Подумалось вдруг, а как другие помещики живут?

— Вы что тут меня объесть решили! — взревел он в полный голос, глядя в первую очередь на повара Мишку, — в дверной проем что б не пролазил, сволочи?

— А мы думали вам еще не хватит, — признался струхнувший Мишка.

— Кормилец, прежний хозяин требовал куда больше, — подала голос Авдотья, — не

виноватые мы, для вашей же пользы хотели.

— М-м-ээ! — подавился Андрей Георгиевич русским матом. Действительно, что это он на зависимых-то людей набросился.

Насупился, сердито велел:

— Подавай что ли самовар! Давно пора чай пить!

Быстренько подали и самовар с кипятком и заварник с только что заваренным чаем. Помещик молча хлебал чай в окружении своих людей и думал нелегкую думу, как в этой вкусоности побережь талию. Теперь наличие натуральной и вкусной пищи оказывалось как-то по-другому, как-то очень негативно.

Может не все есть надо, коль так много? — подумалось вдруг, — а то ведь заемся абсолютно. Какая там женитьба, стройным бы быть!

— Подь сюды, — кивнул он Мишке.

Повар немедленно, но как-то обреченно.

— Рассказывай, — предложил он парню, — в прошлые годы чем кормил и сколько подавал?

— Барин, я же недолго кормил! — взмолился несчастный Мишка, — меньше года прошло, после того, как старый Генрих умер.

Однако Макурин только молчала махнул рукой, приказывая начинать и повар, бессильно посмотрев кругом и подталкиваемый безжалостной Авдотьей, кое-как все же начал.

Ничего нового попаданец не узнал. Аркадий Митрофанович ел, как и полагается, четыре раза день — от завтрака до ужина и некоторые закуски между ними, как захочется. Впрочем, судя по рассказам того же Мишки, помещик больше не ел, а закусывал. То и ему вчера потащили на ужин.

Ну и бог с ним, он не пьяница, ему страдать не о чем. А вот еда, это да! Хотя Мишка и тут кое в чем подсказал. Вся проблема в привычке рядового гражданина XXI века — готовить столько можно съесть и съесть все приготовленное. Вот. А дворянам XIX готовят до фига, но едят они совсем немного. Стальные люди — не добирают, не доедают, а терпят.

После нелегкого завтрака поднялся на второй этаж, в библиотеку, которую он уже окончательно сделал свои кабинетом и задал элементарный вопрос, который почему-то раньше не приходил:

— Кто у меня, кстати, личные слуги?

То есть не то, что он не собирался сам их назначать, но в конце концов решил только спросить — ведь были же они раньше? Что он все гоняет ключницу?

И действительно, на этот вопрос Авдотья просто схватила одного молодца с еловым венником и объявила:

— Кормилец, так вот они. Этот, Леонтий, отвечает за чистоту на втором этаже, Гаврила в основном бегаёт, если вам, барину, надо. Еще они пили, когда прежнему хозяину было надо. Или девок из деревни тащили.

— Мгм, пить и блудить больше не надо. А вы писать умеете?

Оказалось, что да, умеют. Андрей Георгиевич был приятно удивлен. Хорошо, что ему пришло на ум проверить это умение, довольно редкое среди простонародья, особенно в деревни в XIX веке.

Оказалось, что оба еле-еле смогли написать свое имя чернилами. При чем гусиное перо держались у них так нелепо, что даже великодушный попаданец XXI века их забраковал.

Пусть лучше один протирает пыль да убирает мусор, а второй таскает из кухни снедь да чай. Ибо спиртное он не пьет, а за крестьянскими девками бегать не приучен.

Парни после такого вердикта нового помещика заметно приуныли. Ведь явно вторые теньевые дела с покойным Аркадием были главными. Здоровенный амбал с веничком или тряпочкой для пыли смотрелся, по меньшей мере, глупо и бестолково. Да и Гаврила в качестве посланца выглядел не очень.

Они явно не вписывались в сферу деятельности Макурина, и он может быть безжалостно выгнал бы их обратно в крестьянское хозяйство — пусть, как и раньше, пашут и сеют. Если бы не один очень зримый нюанс.

Андрей Георгиевич, разумеется, не знал статистику нападений крепостных крестьян на помещиков, как и фактов жестокости помещиков над крестьянами, но то что быть осторожным надо, подсказывала самая элементарная логика. Сам он не собирался быть жестоким и капризным, но ведь необходимо понимать — крепостное право главным образом базируется на насильственных методах. Самые свободолюбивые и твердые уже бежали или терпят. Но время от времени бывают вспышки насилия с обеих сторон. А полицейских на уезд единицы. То есть в случае бунта помещик останется с крестьянами, как обычно, один. Отсюда мораль — береженого Бог бережет. Тем более, он собирается проводить реформы. А они всегда непопулярны, хоть в гибкий XXI век, хоть в косный XIX. Это потом, в другую эпоху, когда умрут и реформаторы и реформируемые, их потомки поставят первым памятники. А их жизнь пока очень даже опасна.

Поэтому Макурин еще на теоретическом этапе, когда все замыслы находились в чернильнице, озаботился этим аспектом. Пусть тело так сказать не его, хотя уже родное, но умирать он будет по-настоящему. И по приезде ставил проблему охраны, как одну из второстепенных, не влияющих на реформы, но все равно важных.

Подождав, пока ключница выйдет — это не говорливого бабьего ума дело — он аккуратно подождал пальчиком парней, сидя на столе у письменного стола, даже не повернувшись к ним.

Хотя парни и не обиделись, слишком уж разным у них был уровень. Подошли, любопытные, готовые если не на все, то на многое.

— Воевали? — четко обозначил направление своего интереса помещик, не особо ждущих положительного ответа.

— Не довелось, — не обманули они его опасений. XIX же век, большинство штатских никогда не увидят огнестрельного оружия, а, тем более, хотя бы потрогают его.

— Ну хотя бы в деревенских драках были? — снизил уровень требований Макурин спокойно. Он и не мечтал наткнуться на ветеранов былых войн. Руки — ноги есть и ладно

— Да в деревне жить и не подраться, — уже веселее заговорили они, — в каждой драке были.

— Хорошо! — закончил анкетирование Андрей Георгиевич, — как я уже говорил, собутыльники мне не нужны, как и подельники в любовных делах. Зато крайне необходимы охранники. Воровские люди и просто любители помахать кулаками много найдешь, а мне этими забавами заниматься некогда. Пойдете ко мне охранниками?

— Пойдем! — дружно заявили парни, ни на секунду не замедлив. А и то, это с любой стороны лучше.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул их «босс», — только охранниками вы будете между нами, — внешне вы останетесь теми же домашними слугами. Понятно?

— Понятно! — согласились парни, веселые и довольные. Ему бы так оптимистично смотреть на жизнь. Пока ему так и не нашлось ни копейки денег, лишь еда, да довольно роскошный дом. Хотя ладно, по крайней мере начали.

— Так, — уверенно стал давать приказы Андрей Георгиевич, — Леонтий, ты как бы убираешься доме, веничком там скребешь по полу, тряпкой пыль собираешь. А сам ищешь угрозу мне. Так ведь?

— Понятно, барин — не уверенно сказал Леонтий, все еще смутно ощущая свои обязанности. Ничего, малой, пообтешешься, не такое уж это жуткое дело быть деревенским телохранителем помещика.

— Теперь ты, Гаврила. Если приятель твой будет охранять внутри дома, то твои обязанности будут сыскать слухи и сплести об убийствах и угрозах вне дома — главным образом в деревне. А потому ты должен не только слушать о моих слугах и прихожих в дома, но и бывать между делом и селении. В том числе и с моей помощью. Выполняешь любое мое поручение, и, между делом, глазами смотришь, ушами слушаешь. Так?

— Оно так, — более уверенно поддакнул Гаврила. Явно более бойкий!

— Давайте парни, — поддержал их Макурин. Поинтересовался наобум: — а сколько вам платил старый хозяин?

— Ничего, — переглянулись парни, — я, говорит, вас пою, кормлю, одеваю, а больше вы мои люди.

Да, разумеется, они крепостные и должны работать за так, — подумал попаданец, — только стимулирование даже в рамках феодализма никто не отмечал. А мое тело, между прочем, денег стоит.

— Так, парни, я сегодня решил, что для хорошей работы наиболее близких слуг я буду им доплачивать. Кому как, а вам по полтиннику серебром каждый месяц. официально за вашу работу, действительности за охрану. Никому не говорить. Все поняли?

— Да, ваше высокоблагородие! — гаркнули парни. Глаза у них разгорелись от оптимистического будущего. А чтобы они не погасали, Андрей Георгиевич вытащил стопку ассигнаций — тощую на взгляд попаданца и толстую по оценке охранников — и вытащил каждому по рублевой бумажке:

— Вот вам на первое время. И знайте, за хорошую работу, за доблесть с какого-нибудь ворога будете получать сей же момент сверх жалованья!

Он многозначительно посмотрел на слуг. Потом приказал:

— А покамест, Леонтий на пост около лестницы, а ты, Гаврила, быстро, одна нога здесь, другая там, сбегай за управляющим Акимом, пусть немедленно идет ко мне, пытаться буду!

По моему, он чего-то не то сказал, — подумал Андрей Георгиевич, — увидев, как у Гаврилы широко расширились глаза и судорожно шевельнулся кадык, — ладно, настоящий барин хозяин своему слову. Хочет — дает, хочет — берет обратно.

— Иди уже, — добродушно сказал помещик, — нечего тут злобную морду корчить мне. Жителей пугай.

Парни, можно сказать, охранники, разбежались. А Макурин, пока его не беспокоили, взял стопку нелинованной бумаги, чернильницу с пером. Кажется, пора в древность вносить методику XXI века. Точнее, XX, но это не важно. Вчера Аким нес всякую ересь — слабое крестьянское хозяйство, посредственное, сильное. Как будто это что-то ему говорить. рвое.

Значит так, вводим количественную характеристику по такой вот таблице. И для

примера привел примерный вариант.

Всю таблицу разделим на три части: растениеводство, животноводство, ремесла... Хотя нет, для деревень около столицы могут не только кустарные ремесла, но и услуги. И что еще будет перспективнее. так что и вносим раздел. Он помедлил и каллиграфическим почерком написал — Второе. Несельскохозяйственные заработки.

Теперь более подробно расписываем каждый раздел, В растениеводстве по каждой культуре площадь, урожай, валовый сбор, доли помещику, на рынок, хозяйству. В животноводству каждому хозяйству поголовье КРС, МРС, птица, что получает и кому. Так вроде?

Несельскохозяйственные доходы. Может, ну их натуральные показатели, перейти сразу к денежным? Хотя нет, так хитрецам будет легче обмануть. А таковые окажутся обязательно. А так пусть попробуют. Он не жестокий, но пороть будет обязательно и старательно. Только кровь будет расплескаться!

— Вот смотри, Аким, это анкеты хозяйств. Из надо переписать и строго заполнить, — указывал он подошедшему управляющему, — предупреди домохозяев, несмышленьшей будут пороть немилосердно, а самых твердолобых отправлю в городской острог на все лето. Пусть потом мучаются, сволочи.

— Дак это, — почесал затылок Аким, — не пойдут ведь мужички.

Он почти с мольбой смотрел на помещика, но не видел в нем никакого одобрения. Наоборот, только жестокость и суровость.

— Это не обсуждается, — ответил Макурин, — заруби на своем носу и передай остальным. Если надо, сам буду ходить по домам и штрафовать рублем и кнутом!

— Мгм, — двусмысленно прокашлялся Аким. С одной стороны одобрил строгость помещика. Порядок любой нормальный крестьянин одобрял. Ведь хотя бы это были обязательные налоги, зато порядок защищал от различных поборов. Но, с другой стороны, никто не хотел получать различные повинности. А их и от государства было много! Вот и управляющий откровенно сомневался, хватит ли у молодого помещика пороха?

Но вслух не сказал, только спросил, кто будет переписывать таблицы.

На этот вопрос у Макурина было несколько вариантов ответов. Но вначале спросил у своего управляющего, сколько у него хотя бы в деревне Березовое крестьянских хозяйств на сегодняшний год?

Аким затруднился с ответом. Точнее, он ответил, но на год ревизии — 123. а потом затруднился, поскольку статистика была довольно неопределенная.

— А как же ты собираешь налоги помещику и государству? — надменно соизволил удивиться помещик.

Налоги это доходы, а за доходы любой каждый человек, не только помещик, заругает и даже забьет. А уж помещик да своего крепостного крестьянина засечет до смерти, не раздумывая. А общество еще и пообладирует за строгое наказание лживого крестьянина. Поэтому Андрей Георгиевич и не удивился к покаянно-активной реакции Акима. Тот еще плут.

— Помилуй Бог, батюшка, не справился! — покаялся то довольно лукаво. А вот тут он уже даже не плут, а просто обыкновенный дурак. Или необыкновенный, но дурак?

Помещик внимательно посмотрел на себя в небольшое зеркало на столе.

— Странно, — немного удивился, — как ни гляжу, не вижу. Ты, Аким, тоже не видишь?

— Н-нет, ваше высокоблагородие, не вижу, — осторожно ответил тот, опасаясь, что

сейчас случится буря.

Он совершенно не ошибся. Буря началась и какая!

Синие глаза барина, обычно теплые и производившие на его лицо картину беззащитности и домашности, вдруг заметно похолодели и обесцветились. Казалось даже в самой комнате прошла волна мороза. Теперь Аким очень даже верил всем его словам об огненном кнуте и о безжалостном наказании.

— Прости барин, ради бога, — завопил управляющий, бросившись на колени. Внешне казалось, что он крайне испуган и готов делать все приказания господина, но внутри как-то каменно уперся. Пусть бьет, он не девушка, а за общество можно и пострадать, благо и его хозяйство большое.

Он еще не понимал, как связаны эти бумаги барина и новые налоги, но был твердо уверен — опять будут драть, как сидорову козу. Ибо, как бы и сколько бы дворяне не пыхтели, а все равно приходили к крестьянам и брали налоги больше и больше. И этот тоже возьмет и любимые его «новшества» обернутся новыми тяготами.

Звонкая затрещина на миг ослепила Акима, но он даже не шевельнулся, чтобы сопротивляться. Барин в своей силе, а значит, и в праве. Пусть бьет, может меньше налоги будут.

А тот вдруг успокоился, затих на своем иноземном стуле. Плохо дело! Аким уже привык, что городские приедут, пошумят о малости налогов, почистят рыло, да и обойдутся какой-нибудь телке или поросю, на грех себе показавшихся на глаза приехавших. А что теперь делать, барин ведь! И управляющий застыл на коленях, с надеждой глядя на своего господина.

А Макурин между делом поедом ел себя. Тоже мне скотина, нашел кого бить. Крепостной крестьянин, разумеется, все стерпит, пусть помрет, а будет смиренно стоять. А он-то чего, попаданец XXI века, в своем времени пальцем никого не тронул, а тут... эх!

— Ты пойми, Аким, крестьяне наши работают замечательно, а вот получают мало. да еще повинности на них большие. Ты меня прости, осерчал я сегодня. Врете вы с налогами, белыми нитками все у вас шито.

— Воля ваша, ваше высокоблагородие, — смиренно ответил Аким, но при этом зыркнул сердито, постаравшись, правда, сделать это незаметно.

Ага! — поднялся духом Андрей Георгиевич, все увидев и поняв, — пронял я его шельму. Так ему, паразиту!

— Я, Аким, много лет обучался финансам у нас, в России, и в загранице. А потому ваши простодушные увертки вижу насквозь. Веришь?

— Воля ваша, ваше высокоблагородие, — повторил Аким, но уже удрученно. Как-то удрученно-тоскливо.

«Как там говорилось в наше время: белые пришли — грабят, красные пришли — опять же грабят. Некуда бедному крестьянину деваться. Белых и красных еще нет, а вот крестьян все равно грабят. И деваться тем все равно некуда» — мелькнуло в голове Андрея Георгиевича и он продолжил:

— По моим очень легковесным подсчетам, вы в последние года подворовывали где-то в год по серебряному рублю на хозяйство.

Аким что-то пискнул, но что-то членораздельно сказать не осмелился. Возьмет еще больше. Сельчане за это кольями забьют.

— Но ты не бойся, — продолжил барин, давая управляющему зыбкую надежду, — я вас ни ругать, ни грабить не буду. И вы православные люди, как и я, — помещик широко перекрестился на небольшую икону в красном углу, помолчав, торжественно сказал: — именем Господа Бога клянусь, ни в коем случае не буду брать с вас за провинности прошлых лет. ни за ваши лукавства, ни за небрежности.

Аким недоверчиво и как-то прямо посмотрел на него. Фу ты, кажется управляющий растаял. Вот я его сейчас.

— Все вы православные, а я вам еще и отец родной, — ласково сказал помещик, — и эти таблицы я хочу иметь для вашей же пользы. И не лукавьте мне, все одно увижу и выпорю, каналы! Что же по тебе, то ты должен старательно и прилежно заполнить таблицы, а там посмотрим. Если что, не бойся, бить больше не буду, просто заменю другим. Понял ли?

— Понял, — тяжело сглотнул управляющий.

— И помни, у меня есть официальные бумаги от прошедшей ревизии и не смей мне тут лукавить! Если нет чего, считай снова, нет — так и пиши. Копии таблицы я оставлю у ключницы Авдотьи, завтра с утра можешь взять. Иди, Аким и не доводи больше до греха. Сам видишь, горяч я. Осержусь, побью еще тебя. А то и убью. Потом буду горевать, плакать по твоей грешной душе, а будет поздно.

Управляющий заметно струхнул, низко поклонился, медленно идя задом, вышел. Андрей как бы тяжело смотрел ему вслед, хотя думами был далеко.

Крестьяне будут категорически против. Уж если Аким, одной ногой находящийся в администрации, лукавит и противится, то остальные тем более будут против. А он что? Он будет идти дальше.

Ведь крестьяне выступают негативно из-за того, что, во-первых, думают, помещик с них берет побольше налогов, во-вторых, они изначально консервативны. Они всей тысячелетней жизнью приучены, любое движение против них. И потому любое хорошее движение — это остановка. Чем больше стоишь, тем лучше жизнь. Прямо-таки Николай I в миниатюре. И никак их не убедишь. Будут угрюмо молчать и зыркать, как сегодня Аким. Да еще, что веселее, швырнут каменюку.

Так что он будет молча, но упрямо идти к своей цели. Благо, барину это можно, иди поперек всех и ничего не объяснять.

Так, пусть их, а теперь ему надо перебороть текущую проблему, которую он предполагал, но ничего не мог сделать. Ведь если в столице не было нормально пишущих людей, то в захолустье вообще не было пишущих. Это нормально, даже в XXI веке деревня на несколько шагов отставала от города, то в XIX веке тем более. А ему теперь чеши репу. Ведь признание проблемы объективно отнюдь не позволяет ее решать как бы вскользь.

Что теперь? Искать в деревне грамотных? Ха-ха, двоих он уже нашел и вряд ли остальные желающие будут лучше. А большинстве, чьи лети будут грамотны (сами точно не будут, зуб вырву!), промолчат на всякий случай. Ведь помещик — это бесплатный труд. И в огромном большинстве это точно, поэтому попробуй убеди.

Нанять в уезде или а Санкт-Петербурге? Возможностей больше, но не хочется. И дело даже не в деньгах и в слабых способностях рекрутируемых. Моя методика, очень проста, хоть уже и забытая в XXI веке, в этом времени голимое ноу-хау. И распространять ее запросто очень не хочется. Вот так, господа! И ничего личного. Я не узурпатор и не злодей, но и возможностей делать деньги упускать не хочу.

Господь благой, что еси на небеси, если ты против, то возрази, я сделаю строго, как ты скажешь!

Подождал немного Бога. В отличие от остальных, даже священников, он ждал реакции с определенным напряжением. Попаданец-то то Всевышнего знал и понимал, что если он решит, что надо, то не только скажет, но и разорвет на кусочки. На хрен лезть к Господу со своими человеческими мелочами! Но и не спрашивать нельзя, ох!

Однако, ничего не происходило, ни звука, ни даже взрыва. Все его душа не то, чтобы была спокойна, но предлог к действию был найден. Пожал плечами и подвинул к себе на столе стопку бумаги. Выход был найден простой — надворный советник Макурин, делопроизводитель его величества императора Николая I, будет писать, так сказать, для народа. Ну и, конечно, бесплатно.

Посмеявшись над собой, Андрей Георгиевич принялся переписывать им же сделанные таблицы. Любишь кататься, люби и саночки возить!

Всю вторую половину дня до ужина и весь вечер он кропотливо писал. Одних свечей сколько сжег! А бумаги? А чернила? И ведь никто не оценит, что в столице, в Зимнем дворце сам император Всероссийский Николай I любовался над такими бумагами и очень изценил!

Попаданец оценивающе посмотрел на очередную таблицу, отложил ее. За день их написано почти сто пятьдесят копий. Хватит с запасом, лишь бы сам процесс прошел. Хотя и он не виделся не решаемым. Все, ужинать и спать. А завтра отложенный визит к чиновникам.

Хоть и ночь была тихой, Андрей Георгиевич спал, как сурок, сладко и безмятежно, а все-таки утром поднялся кое-как. И то, на дворе было пять часов с копейками! Или с минутами, тут уж все равно.

Позавтракал, главным образом, штудировав предлагаемые блюда взглядами. Желудку из этого изобилия достались несладкий чай с сахаром вприкуску, несколько чайных ложек земляничного варенья и пара небольших блинов. Хватит жрать, он на диете!

Не слушая сердобольных охов вездесущей Авдотьи, решительно вышел из-за стола. Пора ехать, восток неба начал потихоньку светлеть. Как бы еще не опоздать!

Федор по позднезимней поре приготовил сани. Как раз по зимнику ехать да через большие сугробы прорываться. Для этого и тройка запряжена.

Рухнул в сено, приказал:

— Гони, Федор, некогда телится!

Кучер понимающе кивнул, но лошадей все же поначалу пастушил тихо, разбежался. По утреннем-то морозцу самое то. Макурин его не торопил, до цели — уездное управление немногим более семи верст, до восьми часов всяко доедем. А если и немного запоздаем, то ничего страшного. А вот кучера тогда и проучим кнутом!

Подумал невзначай и удивился. Как он переменил свой психотип с демократического XXI до XIX помещичьего! Эдак скоро и на казни отдавать будешь, Господи Иисусе!

Перекрестился почти испуганно, укрылся медвежьей полости и задремал, пригревшись. Лошади — это не автомобиль, быстро не прокатишься. Но, с другой стороны, для именитых пассажиров можно хоть какие-то удобства устроить. Снизу — душистое сено, сверху — теплая медвежья полость. Лежишь в шубе, нечто вроде шапки и валенках. Тепло, удобно и спать — э-эх! — очень хочется.

Незаметно задремал, вроде бы и спал, и не спал, все слышал, а когда Федор стал расталкивать, уже и до цели доехали. Вот оно управление! Знай, заходи да делай свои дела.

В очень провинциальном уездном центре, несмотря на близость столицы, и чиновники и посетители были деревня деревней. Быстро поняв это, Макурин не задержался в прихожей, лишь только барственно извинился за срочные дела и оставил слугу. А сам, не задерживаясь, прошел дальше.

Да и то, класс-то у него был не самый большой 7-ой, в тамошней синекуре, как минимум, трое были старше, начальник вообще был действительным статским советником, зато должность до небес — чиновник свиты его императорского величества и камергер!

Не зря поэтому Макурину не только никто не стал выговаривать, но и даже все встали, здороваясь, а начальник за всех приветствуя, лишь почтительно поинтересовался, с коей надобностью его превосходительство к ним прибыло.

Превосходительством он, конечно, еще не был, но не возразил, а только сообщил, что решил познакомиться с местными чиновниками по случаю получения в этих краях поместья.

— Аренду-с получили, Андрей Георгиевич? — деликатно поправил его местный начальник Егор Мефодьевич, после того, как они познакомились и представились — Макурин сам от себя, его собеседник от лица всей канцелярии.

Похвастаться или сами узнают? — попаданец немного поколебался, потом подумал, что лучше скажет сам. А от того будет хороший мостик к его нуждам.

— Нет-с, его Егор Мефодьевич, его императорское величество Николай Павлович в связи с необычайной важностью моей службы повелел вместо исключения передать моего наследственного поместья выморочное в этом уезде.

— О-о-о, — протянул начальник вслед за своими чиновниками. Исключение означало очень важное значение. Августейший государь последнее время и аренду давал мало, если и материальное вознаграждение, то больше деньгами. А тут в кои-то времена и поместье.

Помедлив какое-то немного для понимания своего места около правящего императора, Макурин перешел к текущим потребностям:

— Хотел бы я среди своих селений иметь так сказать административный центр, поставить близлежащую деревню селом со строительством там церковь, небольшой рынок. Желательно бы еще волостные органы государственной власти иметь. А, как вы считаете, ваше превосходительство?

Последний служебный титул попаданец произнес выпукло, сочно и даже как-то сочно. А ведь он не медный пятак, хоть и надворный советник, а свиты его императорского величества, камергер! Надо бы тоже ему сделать что-то приятное.

И Егор Мефодьевич быстрее, чем полагалось для его чина, подвернулся к посетителю и торжественно сказал:

— Помилуй Бог, Андрей Георгиевич, в кои-то времена среди помещиков нашлись люди с государственным кругозором! Прошу вас!

И показал на небольшой закуток, где он и бывал на службе. Макурин благодарно кивнул и барственно пошел, а хозяин прежде чем пойти следом, энергично, молча, чтобы важный гость не услышал, потряс своим маленьким кулаком чиновником, — мол, потише, сволочи! Потом также жестами приказал принести вино и чай с закуской.

Они сели и начали, как всегда в благопристойных кампаниях — с чаю. То есть Егор Мефодьевич сначала настаивал на мальвазии, но Андрей Георгиевич наотрез, пусть и мягко, отказал. Он как-то намерен, когда озаботился о полноте талии, заодно поклялся в XIX веке

вообще не пить. Жизнь в эту эпоху и так хорошо, зачем пьянствовать?

Так что попили чаю, поболтали. Потом заговорили о текущих делах и Макурин понял, что он идет по дороге Бога, поскольку оказалось все его искомые заботы об административном центре давно и уже были буквально зубной болью местной администрации. Уезд был большой. При Петре Великом он был разделен на три волости, что при небольшом населении оказалось достаточно. Сейчас волостей было семь, но и население выросло в пять раз и административных единиц явно не хватало. Особенно на юго-западе уезда, где как раз находилось поместье Макурина. Там крайне не хватало новой волости, это признавали и в уезде и в губернии и даже его императорское величество однажды изволил по этому поводу написать в резолюции, что здесь должна быть новая волость. Но он также добавил, что сначала должно быть активное население, то есть дворянство. После этого все затихло, поскольку чиновники дисциплинированно стали ждать, а помещик самого крупного поместья умер без наследников.

— Если бы его императорское величество подало нам какой знак, то, я думаю, дело бы завертело мгновенно, — закончил многозначительно Егор Мефодьевич, действуя тонко — он и значительно ускорил образование волости и проверить нового помещика. Это ведь знаете, если он действительно близок к императору, то это, с одной стороны, здорово, как приятно, с другой стороны, караул, господа!

Как оказалось, Егор Мефодьевич прав, поскольку Андрей Георгиевич с сумасшедшей легкостью согласился и сообщил, что на следующей неделе обязательно доложит.

Он что дурак или министр? Или ему надо в церковь к священнику?

Макурин, видя у собеседника вопрос, в котором были и ужас и одновременно благоговение, пояснил, что он всего лишь делопроизводитель у его величества и должен быть если теперь не каждый день, то каждую неделю.

Ему казалось, что такая реальность все объясняет и успокаивает. И ему лишь надо уточнить, когда сюда к ним придет письменное указание императора но оказалось еще хуже. Глава местной канцелярии Егор Митрофанович, до того уважительно, но спокойно пьющий чай, встал, что называется, во фронт, глаза его приобрели оловянный блеск. Он уже ничего не понимал и не слышал.

Пришлось Андрею Георгиевичу беседовать с ним в приказном порядке. Впрочем, это, наверное, даже оказалось лучше. Без споров и пререканий они приняли нужные для Макурина решения:

— по официальному статусу села населенного пункта Березовое, бывшему до сего времени деревней;

— по срочному оформлению новой волости и созданию в оном селе волостных учреждений;

— по разрешению открытия рынка и продаже на первых порах хотя бы казенных товаров;

— по разрешению уездному архиерею волостной церкви и постановлению туда священника;

— по открытию помещиком по его мнению школы и больницы. Последний пункт был написан по его настоятельному предложению. Егор Митрофанович, правда, недоуменно пожал плечами, но тем любое сопротивление было ограничено.

У уездного архиерея преподобного Варлама все сошлось в сию минуту. Варлам, крепенький еще старик, жил по устоям российского государства XIX века, согласно которым

абсолютный монарх был во главе не только светской, но и церковной жизни.

Услышав про пожелание тамошнего помещика Макурина открыть в Березовое церкви, он в первое время недоуменно смотрел на него, как на больного. Глаза спрашивали, кто это дурак?

Появление разрешительной бумаги из уездной канцелярии все объяснило. Преподобный Варлам без звука благословил строительство церкви и появление там притча. В самом деле, если государство в лице уездной канцелярии уже все решило, то ему только остается официально благословить.

Андрей Георгиевич, помня о казусе в Санкт-Петербурге, осторожно обеспокоился о штате. Но Варлам лишь удивился.

— Как это не найдем? — удивился он, — очень даже найдем. И отца благословенного, и дьяконов и прочих. Не беспокойтесь, ваше высокоблагородие, вы только церковь постройте, а там уже мы сами.

Что же, попаданец от такого благопристойного отношения к нему буквально растаял. Тот час же приняли официально разрешенный образец церковного здания. При чем, поскольку это каменная (кирпичная) церковь будет строится долго, чуть ли не на протяжении несколько лет, то этом году будет построена временная церковь, деревянная. Построят, так сам уездный архиерей осветит ее и благословит священника на службу. Параллельно будут строить дома для притча.

Разговор был деловой, конкретный. С помещика явно требовались несколько тысяч рублей ассигнаций и постоянных забот в будущем. Однако, ничего такого с него не тянули — ни перо из задницы из феникса, ни кровь из дракона. В общем, от архиерея Андрей Георгиевич шел в пристойном настроении.

А из уездного центра отправлялся совсем радостным. И светски чиновники, и церковные священники оказались на своем месте и ничего такого с помещика не требовали. Поведение казенных чиновников, непонятное и откровенно дурное, как-то даже постепенно забывалось.

Неспешно возвращались в поместье. Дневное солнце, довольно-таки теплое, почти весеннее, неприятно влияло на снег. Оно было мокрым, липким, прилипало к полозьям, делая сани тяжелым и неподъемным. Хотя это было больше проблемой лошадей и, отчасти, кучера.

А у Андрея Георгиевича оказались свои заботы. Нужно было потянуть своих крестьян, таща их а светлое будущее. А тащить их придется обязательно, тут попаданца не было никого сомнения.

И первым делом надо будет провести сельский сход, расцветив их собственное будущее. От этого и покажется общая жизнь и крестьян и даже самого хозяина — помещика этих земель.

Сельский сход был вроде был по времени далеко, но дней все равно совершенно не хватало. Постоянно приходилось помогать управляющему в заполнении довольно-таки сложных таблиц. Аким после активной с ним работы, кажется, проникся. Но заставлять крестьян — своих односельчан — он но очень-то умел. Да и содержание таблиц оставалось и для него, и для крестьян за семи секретами. И ошибались, и лукавили даже во вред себе. Неграмотные, что ж ты!

А время меду те поджимало и надо было ехать в Зимний дворец. Ибо он клятвенно обещал два дня в неделю обязательно работать с бумагами. Попробуй-ка слукавь с императором! Опять же там Настя, его полуофициальная невеста. Вдруг еще сбудется у них семейная жизнь! В общем, как ни крути, а в Санкт-Петербург ему просто надо было ехать кровь из носу. А то потом хоть не возвращайся в столицу.

Посмотрел на заполненные таблицы — вроде бы грубых ошибок у Акима больше не было, и поехал опять на знакомой до синяков на мягком месте бричке. На этот раз он присмотрелся к уловкам Никодима более благоразумно. Ночью царствовал мороз, днем было тепло. В санях, как ни крути, а можешь не поехать. Застрянешь посреди рыхлой дороги. Колесная бричка тоже не панацея, но все-таки хоть какая-то надежда оставалась. Кучер Федор хоть и негромко бурчал, но на бричке поехал. А так, конечно, весной ездить — себя не уважать. Но надо!

Положил свои скромные подарки к императорскому столу — соленые огурцы в бочонке, да две стеклянные банки варенья и поехали по плохим дорогам. В Зимний дворец, однако, все же приехали и даже в этот же день. Бричка осталась целой, лошади живы, ну а то, что одежда оказалась сырой и грязной, так и ничего! Андрей Георгиевич, как человек благоразумный, приехал к месту заранее. И потому хотел в своей комнате немного отдохнуть, а заодно привести дорожный наряд в порядок. Но уже во дворце его почему-то увидели столько людей, при чем не только увидели, но беседовали, что попаданец с тоской понял — не усидишь!

И вечером он решил не ужинать в комнате домашними припасами, а отведаться в столовую. В прежние дни он, не чинясь, ходил в императорскую столовую для семьи Николая I. Но сейчас вдруг не осмелился. Он ведь им не родственник, не близкий друг, что же он так без особого призыва. И пошел в общую столовую для придворных. Там тоже не все было благополучно. Внезапный отъезд камер-юнкера так сказать шапочные знакомые считали признаком падения. А про повышения в камергеры они и не знали. И теперь появление в общей столовой считали подтверждением краха. Конечно, ругаться с бывшим, как они считали, любимцем императора они не осмеливались, но очевидный круг охлаждения около него возник. Плевать, Андрей Георгиевич в самом тяжелом падении не желал бы с ними разговаривать.

Он равнодушно съел салат и только положил перед собой второе, как услышал холодное, но почтительное:

— Ваше высокоблагородие, его императорское величество спрашивает вас, не позабыли ли вы, что имеете обязанность обедать вместе с ними? Его императорское величество требует вас в его столовую!

Макурин оглянулся. Знакомый слуга по императорской столовой как бы невозмутимо

смотрел и только глаза веселились. Вот как! Громкие уверенные слова в почти тишине столовой прозвучал, как оглушительный взрыв. Все находящиеся здесь торопливо встали, прощаясь с таким важной, как оказалось, персоной. Государь-то ведь о нем не забыл!

— Честь имею, господа! — подчеркнуто равнодушно поблагодарил он окружающих и вышел в сопровождении слуги. След за ним шла волна нарастающего гомона. Вот как, забеспокоились, годы! И забыл о придворных. Не того веса людишки, чтобы о нем беспокоится.

Вместо этого стал думать, взять ли весь бочонок огурцов, как хотел вначале, или только плошку, как посчитал уже здесь. Они-то ему нравились, но вот подойдут ли ему? Ха, таскать на смех всей императорской семьи бочонок огурцов туда — сюда? Подумал еще раз, пораскинул серым веществом и попросил слугу принести в столовую из его комнаты всего только плошку подарочных огурцов. Не так далеко, если государю понравится, сам сбегает. Слуга, отличие от остальных придворных, был не спесив. Он к тому же знал, что Николай I был крайне неравнодушен к их соленому варианту. И без звука поднял плошку соленых огурцов. Сам попаданец понес небольшую банку вкусного варенья. Во всяком случае он даже в XIX веке такого еще не ел. Императорская семья уже обедала, занимаясь уничтожением ароматной ухи. Монарх сам изволил сделать замечание::

— Милостивый сударь Андрей Георгиевич, — довольно сухо сказал он, — в Зимнем дворце вы должны принимать пищу только здесь!

Как же неудобно чувствуешь под тяжелым взглядом недовольного Николая I. Макурин смешался, встал у своего стула, который стоял перед государем.

— Садитесь уже, не на гвардейском плацу, — так же недовольно, но уже мягче предложил монарх, — остынет уха.

— Виноват, ваше императорское величество! — на всякий случай повинился Макурин, — попросил: — разрешите мне поставить скромные подарки?

— Мгм! — хмыкнул император, но позволил. Макурин со слугой споро пометали огурцы и варенье. Не в плошке и в банке, конечно. Варенье было перелито в изящные розетки, а огурцы — в специальную чашку. Николай Павлович равнодушно проводил варенье, но от на огурцах его взгляд остановился. Не секрет, что император имел определенные слабости, хотя вообще-то к пище оставался безразличен. А чашка с огурцами к тому же стояла напротив Андрея Георгиевича, то есть с другой стороны к монарху. И запах был очень предосудителен. Государь с интересом посмотрел на это лакомство, потом на своего делопроизводителя.

— Скромные гостинцы моего сельского поместья, — понял его попаданец, — прошу вас, ваше императорское величество, угощайтесь!

Грозный сюзерен попробовал первым, похрустел огурчиком.

— Вкусно, однако. Хорош на зуб! — оценил он огурец, — или особенный овощ? Какой-то хрустящий и бодрящий.

— Не знаю, ваше величество, — признался Макурин, — но вкус очень впечатляющий. Я узнаю у крестьян, как это они добиваются

— И варенье тоже прекрасно! — добавила Александра Федоровна, — зима уже кончается, а такое чувство, что только вчера сварили и залили банку. У вас весьма хорошие работники, однако.

— Но варенье-то пусть, — вновь переключил на себя внимание император, — но про огурцы вы мне узнайте!

Просьба августейшего монарха, да еще таким повелительным тоном, была равносильна грозному приказу. Разумеется, Андрей Георгиевич не только встал и поклонился, но и почтительно сказал, что тот час же узнает по приезду и либо самого мастера отправит, либо послание с гонцом.

— Тогда уж и мастерицу варенья, — произнесла Александра Федоровна свою просьбу, — мне только узнать, как она делает такое варенье!

На второе было печеное мясо с жареным картофелем и монарх так вкусно захрустел соленым огурцом, что к чашке потянулись все сидящие за столом. Чашка в миг опустела, а Николай I скорбно сжал губы. К счастью, слуга к этому времени дальновидно вытер металлическую плоску и ее можно было без всяко смущения поставить на стол. А там еще было огурцов фунта три!

— Где это твое поместье? — успокоившись, спросил Николай, — там, наверное, летом рай земной?

— Рай, — согласился Макурин, — и от Санкт-Петербурга, в общем-то, совсем недалеко. Но дороги отвратительные даже зимой. Летом я еще не ездил, однако, прислуга рассказывает страшные вещи. По-настоящему глухой угол.

— Ну, сударь, вы преувеличиваете, — укоризненно произнесла Анастасия Татищева, — вы еще скажите, что там комаров тьма-тьмуца и ехать туда нельзя под угрозой укусов.

— Отчего же? — живо повернулся Макурин к девушке, — я там был еще зимой, но опять же слуги сообщили, что помещичий мой дом стоит на взгорье и летом там часто бывают несильные ветры.

Андрей Георгиевич был по традиции посажен к фрейлине императрицы. Оба были в некотором смущении и молчали под недовольством императорской четы. При чем, если Николай I многозначительно недовольно смотрел на жениха, то Александра Федоровна на невесту. И Андрей Георгиевич чувствовал, что после обеда этим не ограничится, оба получит от своего суверена большого фитиля за такое поведение. Только вот разговор как-то не шел в обе стороны. И стеснялись, и обижались, и разочарованно отворачивались. Оказалось, что ничего, не рухнули, как заговорили. Даже прежние чувства как-то ожили. Настя вдруг незаметно для остальных шаловливо ему показала язык и он хотел было при всех поцеловать ее. Еле удержался.

— После обеда, — многозначительно посмотрел на него император, — подойдите ко мне в кабинет, есть важные дела, не терпящие отлагательства.

Попаданец не удивился. Наоборот он бы поразился, если бы его оставили в абсолютном покое. Однако, как ему очень казалось, сегодня будет идти разговор не только и даже не столько о делах, сколько о чувствах его к ней. И его величество будет выражать свое недовольство камергером. Хм, в какой-то мере он прав. Хотя он бы сказал, он бы точно произнес, если бы хотел вдребезги разругаться, — можно ли сравнивать темпы его в амурной сфере, а императора — в политической. И пусть он честно ответит. Ох, не скажет ведь, вьюноша! Все мы храбры дома за бутылкой водки и боязливы на глазах начальства.

Из столовой он прежде пошел свою комнату. Николай же не сразу пойдет, что ему топтаться у закрытой двери? А так хоть поваляется на мягкой постели. И бочонок с солеными огурцами проверит. Получилось иначе и гораздо хуже. Он еще только — только начал открывать, а замок очень был тугой, ну правда. И вдруг откуда-то прилетела буквально взбешенная Настя и прямо в коридоре, а там столько любопытных ушей(!) наорала на столько, если бы речь шла об императорской чете, точно бы повесили даже без суда. Он де

сволочь, он де грязная свинья и льстивая лиса, он подлец и нехороший человек. На этом она разрыдалась и бросилась в комнату.

При этом так посмотрела, что можно было и повеситься, и поцеловаться. Сначала повеситься, потом поцеловаться. Иди наоборот? Тьфу! Нет, что с ней было и кто с ней так разговаривал (и, скорее всего, отругал), он прекрасно знал — императрица Александра Федоровна. И из-за чего тоже. И если из-за ругани, как таковой, он полностью был согласен, сам бы наехал, если бы мог, то содержательная часть ему очень не нравилась. Что же это, Настя должна на нем жениться? А потом еще и за него всю жизнь руководить жизнью? ЕГО ЖИЗНЬЮ? Бр-р. Нет, он ничего не имеет, но чтобы женщина, проще говоря, баба им руководила? Ни за что и никогда!

Он решительно взял оставшуюся банку с вареньем и постучался в соседнюю комнату. Там немного помолчали, затем громко и решительно сказали, что для кого-то здесь никого нет. Андрей Георгиевич самодовольно улыбнулся. Вот если бы она спокойно и твердо сказала это, тогда все, сушите весла. А так, барышня решительно сказала «нет», потом ее обязательно поцелуют. Практика жизни Макурин легко и элегантно вошел в комнату девушки, словно они так неоднократно играли — он просился, она как бы отказывалась, и он входил! Бедная Настя сидела за столом и как бы читала. Сейчас проверим.

Он прошел комнату, решительно взял ее за плечи и поцеловал. Настя не сопротивлялась. Она только ахнула, когда взлетела в воздух, но покорно подставила губы под поцелуй и замерла в его крепких объятиях. Время для них остановилось. Только через целую вечность — какую-то минуту — они зашевелились. Настя оторвала лицо от его груди, неловко ударила его кулачком то же место, сказала слабо и смущенно:

— Ты нахал и наглец, я тебя ненавижу и проклинаяю!

И замолчала, сама подставив губы, словно перед этим было произнесено не ругательство, а некое ритуальное заклятие, не играющее никакой роли. Наш герой, конечно, не стал тратить время и жарко ее поцеловал. Настя провела по поцелованным губам языком, пожаловалась в пустоту:

— У всех мужчины как мужчины, лишь только ей оставалось какое-то... необычное чудо-юдо.

Судя по паузе, она хотела сказать что-то более крепко, а, может быть, язвительнее и обиднее, но Настя не решилась. Вдруг он обидится и окончательно уйдет? Ей станет одной совсем плохо.

— Не бойся, Настюшка, — пожалел он ее, — женщина еще никогда не верила в своего мужчину. Этим она выделяла его от огромного количества чужих мужчин. Они ведь видятся ею благообразными только от того, что чужие. Он опустил ее... на крохотный момент.

— Да? — удивилась Настя, крепко встав на ноги и от этого осмелев, — да ты, милый мой, точно совершенный нахал и совсем перестал видеть грани разумного. И после этого потянула к нему руки и как бы в виде наказания несколько раз не больно дернула за мочки ушей.

— Большое спасибо! — поблагодарил он свою девушку и вдруг легко, как пушинку, оторвал ее от пола и крепко обнял.

— Ах! — снова ахнула Настя, на этот раз откровенно счастливо. Спросила неожиданно: — Если ты такой умный, тогда, пожалуйста, скажи, что ты будешь делать в недалеком будущем?

— Это так неожиданно, — откровенно признался он, — я не думал, что ты так далеко

начнешь думать.

— А до чего же? — полюбопытствовала Настя скромно, опустив целомудренно глаза вниз на пол, а, точнее, на грудь жениха. Андрей Георгиевич на это не застеснялся. Чего ему там прятать. Ответил прямо:

— За что, например, я поблагодарил тебя. Разве это не интересно?

— Гм, — засомневалась в такой интерпретации ее слов девушка. Нехотя сказала: — ну хорошо, и почему ты сказал мне спасибо?

— Ты впервые сама коснулась меня! — сказал Макурин и подумал, что не то ему надо было говорить, совсем не то!

— Вот ведь все-таки нахал! — удивилась Анастасия обескуражено, — мало того, что нагло обнимаешь и всячески целуешь незнакомую девушку, так еще и всякие гадости ей говоришь! Извинись немедленно! А-ай! — испуганно вскрикнула она. Последнее относилось к резкому движению Андрея Георгиевича, который, между прочим, послушно пойдя приказу девушки, буквально рухнул на колени. Правда, вместе с самой Настей, так ведь она не говорила! А затем не давая ей испуганно и робко пенять ему на все это, торжественно поклялся:

— Милая моя несравненная Настя! Перед Господом Нашим клянусь обручиться с тобой в церкви!

Это было немного меньше, чем она ожидала, но, с другой стороны, жених думал, как и невеста, то есть правильно, а обручиться все-таки было надо. Да и не совсем она была стара, всего лишь двадцать один год с небольшим, но ведь и не юна! — Ладно, так уж и быть, — милостиво простила она его и в очередной раз подставила губы под поцелуй. Ее жених охотно согласился на ее желание. И оба не обратили в какой, в общем-то, нелепой позе они находятся: он — на коленях перед ее постелью, она — на руках не мужа, пусть и не совсем чужого человека. Наконец, поцелуй окончился. Невеста в некотором смущении, жених в определенной радости обнаружили где и как они находятся.

— Может, ты опустишь меня? — логично, как ей показалось, попросила Анастасия.

— Зачем? — столь же логично с точки зрения мужчины ответил Андрей Георгиевич. Это был определенный философский тупик, когда обе стороны имеют свою трезвую логику, не веря в логику собеседника. Попаданец не видел в этом ничего плохого. В XX веке в таком состоянии находилась целая страна. И ничего, выкрутились. А что целые школы философов были уничтожены, так они и не были нужны. А невеста рассуждала еще проще, по диктаторски: есть две точки зрения — одна моя, другая неправильная. И плевать мне на воззрения жениха.

— Так как, милостивый государь? — ядовито переспросила она. Ну раз так, то ведь и мы можем чисто по-мужски, хе-хе.

— Я никогда не встану с этого места, пока ты не перестанешь нести всякую чушь про меня! — гордо объявил Макурин, твердо веря в свои слова.

Что же делать, мужчина всегда верит в свои слова, пока не придет женщина, даже чужая, и все не опопшит. У любой женщины есть секретное оружие — ее слезы — которые победят любого представителя сильного пола. Попаданец, каким бы хитрым и мужественным он себя не считал, сломался за считанные минуты, когда увидел текущие слезы на ее щеках. Он пошел ей навстречу — немного, как он считал, — на все требования невесты. Но ведь она немного требовала:

— Обручение на днях;

— Непременная свадьба в ближайшее время:

— Поцелуи и ласковые слова сегодня;

— свадебная клятва перед его императорскими величествами Николаем I и ее женой Александрой Федоровной; —

— Обязательно взять ее с собой в поместье.

Он сразу же со всеми требованиями согласился, кроме последнего. Ехать на дорогах, почти заполненных водой, было очень опасно. И не только из опасения утонуть. Достаточно было получить переохлаждение в ледяной воде и его невесты уже не будет. Это Андрей Георгиевич так считал. Его же невеста колебалась по другой причине. Конечно, ехать вместе с женихом и оберегать его от блудливых девок дело было важное, но императрица Александра Федоровна, будучи на сносях, очень нуждалась в помощи. И она отнюдь не ругалась на девушку, как думал жених, а плакалась на свое состояние. И поэтому Настя согласилась убедить себя в важности присутствия в Зимнем дворце. Они разошлись с победой, как думали обе стороны. На самом деле победитель был один и называлась она молодая семья.

Но Макурину уже было не до этого — он почти на час опаздывал на аудиенцию к императору Николаю I. А это было, между прочим, очень плохо. Ведь как бы к тебе не относился хорошо государь, но так пренебрежительно относится к нему было очень чревато и нехорошо! Он пулей пробежал по коридорам и постучался в кабинет императору. К счастью, вечер был не приемный и ждать никого из посетителей было не надо.

Постучал в двери и после тяжелого голоса Николая, разрешающего войти, робко протиснулся вдоль стеночки. Августейший монарх вначале встретил его сурово. Можно сказать, даже жестоко. Но когда Андрей Георгиевич мялся и трепыхался, пытаясь что-то объяснить по поводу такой длительной причины, государь вдруг сильно смягчился. Пригляделся на лицо камер-юнкера, потом улыбнулся. Николай I и не злой? Не может этого быть! То есть не надо думать что он был излишне суров или жесток, репутация Николая по прозвищу Палкин, появившаяся стараниями советских историков, была уж настолько красочна, насколько и неверна. Но когда он встречался со случаями лени или беспорядка, тогда да, можешь и на ледяные замечания нарваться. И это еще в лучшем случае. А тут вдруг широкие улыбки и даже смех. Это было столь неожиданно, что Макурин растерялся и замолчал, понимая, что он что-то сильно не понимает. Вдоволь насладившись на растерянность собеседника, Николай соизволил объяснить:

— Андрей Георгиевич, вы в зеркало смотрели?

Макурин отрицательно покачал головой. Потом с разрешения императора глянул в небольшое зеркало, обычно стоявшее на столе. Лицо его просто шокировало масштабом красок. Настя, как любые представители женского пола во все времена и эпохи, конечно, красилась, но достаточно умеренно и краски были в меру сухими. И прошлые моменты страсти, когда они целовались, следов не оставалось. Во всяком случае, пальцем на них никто не показывал. Но на этот раз присутствие его на улице, где, так сказать, мороз и солнце, произвели приличное влияние. Кожа на лице оказало эффект негатива и принесла хороший отпечаток всех красок с лица Насти. Вот он и влип!

— Виноват, ваше императорское величество! — повинился Макурин и с помощью платка и небольшого объема воды быстренько уничтожил следы поцелуев.

— Я, так понимаю, вы помирились с Анастасией? — любопытно спросил грозный, но отечески-мягкий император.

— Вполне, ваше императорское величество! — подтвердил Макурин несколько смущенно.

— Если ты не хочешь потерять ее, то должен поскорее жениться, — предупредил его Николай, — хоть при дворе за ней присматривают, да и сама госпожа Татищева особа целомудренная и честная, а возраст такой хрупкий. Сама не поймет, как с ребенком окажется. Понятно?

— Понятно, ваше императорское величество! — подтвердил Макурин, подумав, что с этими бабами вечные проблемы, ну а как без них?

Николай I меж тем перешел к хозяйственным делам, а точнее к его поместью. И Андрей Георгиевич, наконец, вспомнил о своих заботах. Николаю они показались весьма своевременными и умеренными и вопросы решили быстро. При чем как решили? Попаданец же и написал императорский рескрипт Петербургскому губернатору о создании новой волости в селе Березовое и появлении волостных учреждений в оном селении. Процесс занял где-то минут пять.

Однако, Андрей Георгиевич, имея определенную практику, понимал, что на местах действие пойдет медленнее. Ничего, главное, что процесс пойдет. Император, судя по всему, считал так же. прочитал текст рескрипта, убедился, что чиновник ничего не забыл, сказал: — В уезде, разумеется, все пойдет намного медленнее. Ничего, лишь бы не забыли ненароком. Андрей Георгиевич, повелеваю вам по мере надобности сообщать, дабы все шло в должном порядке. Попаданец сказал должные слова, поблагодарил императора. Кажется, его дела на этом закончились, а вот заботы и проблемы империи нет. Ему еще два дня писать официальные документы, беседуя между делом с императором. Для того он и является чиновником свиты его величества!

Домой, в поместье, он ехал, как и полагалось, после двух дней непрерывной писанины. Ничего, все проходит, и это прошло. Оставил на кухне огурцов и варенья из своей комнаты и уехал. Напоследок в последний вечер долго сидели в комнате у невесты. Ну, как считали, что сидели. Вначале. Потом так страстно целовались, что он едва удержался не стащить с Насти одежду и перевести разговор в горизонтально-постельную плоскость. И, главное, и она хотела и он был не против. Вот ведь эти официальности, начинающиеся на Земле, а продолжающиеся на Небе!

Даже Настя, очень недовольная, хотя и боящаяся плотских шалостей, обидчиво поджавшая губы при вопросе, когда у них будет эта близость, умолкла с намеком о Боге. С Господом не спорят. Зато с женихом было можно и ему пришлось выдержать несколько неприятных минут, отбиваясь от невесты. Причем она лишь дублировала слова императрицы, у которой в преддверии родов крыша явно поехала.

Андрей Георгиевич все понимал, кроме одного — почему и он должен страдать? Лучше уж в поместье. Там пока тихо, спокойно, и никто не зудит над ухом.

Дорога, правда, была плохой, при чем с точностью наоборот. Если туда мешало тепло, то обратно не давал мороз. Зима словно опомнилась, что еще рано, что зимний период не закончился и вдарила аж тридцатиградусным холодом.

Пришлось в этом морозе, в ледяном ветре и наледи на дороге пробираться к себе. Продрог, промок от пота, даже оголодал — в придорожные трактиры они не заезжали под предлогом нехватки времени.

Зато в помещичьем доме он был хозяин, царь и бог. Приказал накормить до отвала Федора, Авдотье — дать ему две рюмки водки, да гривенник серебром, и взялся за свои хозяйственные дела.

Бумаги от августейшего монарха в уездную канцелярию он завез еще по приезде из Санкт-Петербурга. Там это было расценено, как второе пришествие Христа. Ведь говорил же самому Егору Митрофановичу, что привезет, неужели думал, что обманет?

Начальник канцелярии самолично подшил подписанный самолично Николаем документ, предварительно благоговейно расцеловав его и клятвенно подтвердив, что все указанные меры будут неукоснительно выполнены

И на том спасибо. Если не выполнят, будут отвечать по всей строгости. И не безликого закона, а строгого монарха. Ему же впереди надо было подготовить и провести сельский сход деревенского общества, в скором времени села. Не то, что побаивался, но, если провалит, то будет отброшен сильно назад. А назавтра приходилось прошерстить крестьянские хозяйства. Управляющий Аким худо — бедно таблицы заполнил, но пожаловался, что пять хозяйств не дали данные. А домохозяева на улице при всем народе говорили про его высокоблагородие всякие гадости и хвастались, что и дальше не будут выполнять его приказы.

В будущем это называется проволынили. Попаданец решил, что либо крестьяне, сволочи, манкируют, либо управляющий балду гоняет. Но наказать надо обязательно, ведь совсем уважать не будут.

Так и сказал Аким — будем несчастно сечь. Или крестьян, или их управляющего. Но крови будет невероятно.

Аким явно струхнул, но смолчал. Понимал, что уже поздно. Как хотели, так и будет, а там Господь смилуется.

Так и пришли. О страшном гневе помещике и о расправе за это было объявлено заранее. Никто не удрал, да и куда сбежишь?

Первым из непокорных было хозяйство Пермыша. Крестьянин был худой, но зачастую прогонистый. Андрей вскользь посмотрел на его дом — худой, углы дырявые, солома на крыше гнилая. Хлев и амбар ветром сдует. Посмотрел на самого крестьянина — шубенка дырявая, штаны совестно одеть, бороденка тощая, в три волоса. Тьфу!

— Бить до смерти, — приказал он своим молодцам, Леонтию и Гавриле. А сам уже решил — если сдаются, будет просить на коленях — пожалеет. За длинный язык дадут ему, скажем, до пары палок, и на первый раз хватит. Будет ерепенится — забьют. У него поместье... куча мирного населения... смутьянов не надо!

Впрочем, Пермыш и сам быстро сломался при виде грозного и страшного барина, готового бить и убивать без зазрения совести. Он рухнул на довольно уже грязный по конце зимы снег и заскулил:

— Барин, Христом Богом прошу простить. Пьян был давеча, молол всякое бестолковое. Больше не буду!

— Что не будешь? — лениво, просто ради красного словца, спросил Макурин. Может что-то и добавит словоохотливый простачок. Судьба крестьянина, в общем-то, была уже решена. При Николае крепостнический гнет достиг максимума. Хотя правящий император и не очень-то и добавлял реформ, но за XVIII век и так накопилось. Помещик был полновластным хозяином своих крестьян — хотел миловал, хотел карал, никто ему — ни государство, ни общество — не были препятствием. Лишь убийство не одобрялось, но и тогда робкое официальное наказание могло произойти после неоднократного напоминания. так что сейчас наказание будет окончательным и бесповоротным.

— Пить не буду, — сказал, как прыгнул ледяную прорубь, Пермыш. Слова крестьянина привели Макурина в хорошее настроение. Он посмотрел на стоящего на коленях домохозяина, на уже стоящую рядом с ним тоже на коленях жену, лицом жуткую, ну да не ему с ней жить. Спросил уже:

— Дети-то у тебя, Пермыш, есть с бабой твоей?

— А как же барин, аж два десятка. Болеют, правда, много, но только пятеро умерло, — горделиво сказал Пермыш.

— Пятеро в одной семье? — поразился Макурин. Озабочился нарастающей толпы, понял, что такими темпами никогда не пройдет деревню. Сказал свой вердикт:— Я тебя прощаю, Пермыш, Бог тебе судия. Но просто так пройди не могу. Хоть пьяным, но ты осмелился хулу навести на господина своего. А это смертный грех. Нехорошо, Пермыш, весьма нехорошо. Дай, — повернулся он к Леонтию, стоящему позади помещика с охалкою розог.

Леонтий вытащил толстую палку, но Макурин не одобрил ее, взял потоньше. Бить надо за дело, а на испуг можно и так. Но по спине ударил сильно, уж как крестьянин не готовился, как ни крепился, а все одно застонал. Однако помещик уже сунул обратно розгу. Потрепал Пермыша ладонью по лицу:

— Вдругоряд захочешь мое имя полоскать, вспомни эту боль, я ведь во второй раз жалеть не буду. Мои слуги отлупцуют и в могилу засунут. Понял?

— Понял, благодетель! — сунулся Пермыш лицом в ноги барину.

— Да Акиму обскажи про хозяйство свое, чтобы тот не обижался, — уже смеясь, продолжил Макурин и пошел дальше.

Даже один удар произвел в умах крестьян отрезвляющее влияние. У них снова был барин, готовый казнить и миловать. И нечего его злить, себе же будет хуже. Упрямыцы, все как один, падали на колени у своих домов. Ему только оставалось сказать несколько слов и пройти дальше в полной уверенности, что больше его слова не будут нарушены. У одной избы, даже избенки протестантов, его поначалу насмешили, а потом забеспокоили.

В ноги Макуруину бросился не мужик, как всегда, а толстая баба уже преклонных лет. Как и все женщины, она вывалила на него огромный поток бестолковых слов, которые только совершенно запутали.

— Фу ты! — чертыхнулся он, — давай сначала, четко и членораздельно. Где твой хозяин?

— Умер, кормилец, еще десяток лет назад. Провалился в воду, простудился и умер. Вдвоем мы с дочерью живем.

— И что же, вы земельный надел получаете? — поразился попаданец. XIX век это не XX и уж тем более не XXI, здесь гендерное разделение было четкое, ибо баба не могла пахать физически, а мужик не мог стоять у печки морально — засмеют в общине, заплюют и выгонят. Не последняя, конечно, проблема помещика, но неполная семья обычно полноценно не жила.

— Нет, разумеется, барин, и без надела живем, и без хозяйства, можно сказать, не живем, а выживаем, — смело сказала молодая крестьянка, видимо, дочь толстой бабы, если не старухи. В эту эпоху люди старели и умирали рано, возраст было надо знать, а не определять по внешнему виду. Он вопросительно посмотрел на старуху, словно спрашивая, кто тут ходит и смеет вмешиваться в разговор с барином?

— Катерина это, дочь моя единственная, — представила ее все-таки еще баба. За одним и сама назвалась, — а я Феклой зовусь.

Ну и черт с вами, зовитесь. Однако, здесь необходимо разговаривать не с бабами, а с тем же управляющим, он же староста Березового. Явно не дорабатывает. Давно уже молодую замуж пора отдать, хозяйство поднять. Пусть рожают детишек, да платят повинности на благо помещику и, в какой-то мере, государству.

Он повернулся к дочери Феклы и обмер от красоты. В XXI веке она бы с легкостью брала всевозможные конкурсы. Да и в XIX веке, если повезет, нашла бы какого-то богатого дворянина. Не мужа, так любовника. А вместо этого она живет в этой развалюхе, да еще, наверняка, голодает!

Щеки у ней буквально горели огнем, черные брови выгодно оттеняли зеленые кокетливые глаза. выгодно изогнутые губы словно бы требовали поцеловать такую красоту. А фигура! Андрей Георгиевич аж задохнулся, смотря на высокую грудь, тонкую талию, длинные ноги. Хочу, хоть и не могу!-

Аким! — голосом, не обещающим ничего хорошего произнес Макурин.

Управляющий, видя злящегося барина, зачастил, заспешил обвинить девушку:— Пытались ее женить раза три только в прошлом году. Не хочет, хоть колом ее бей. То одно, то другое, все не нравится.

— И что же? — холодом в голосе Макурина можно было заморозить все окрестности, — били бы, только не колом, а плетьюми, чтобы образумилась. А потом в церковь с суженным. Самой-то неужели в семью нормальную не хочется? Сверстницы, поди,

по двух-трех дитятей имеют?

Он властно взял ее за подбородок, посмотрел на точеные черты лица, заставил покрутиться вокруг, любуясь девичьими прелестями. Катя ему совершенно не сопротивлялась. даже наоборот, изгибалась, вставала в такие позиции, чтобы лучше было видно ее тело — главное ее оружие в этой жизни. Между делом отвечал на вопросы помещика. Смело и прямо, совершенно не думая прикрывать управляющего.

— Конечно, барин, как же без этого, какая же девка замуж не хочет? Опять же, годочков мне много. Как вы правильно заметили, подружки мои детей уже имеют, и мне тоже хочется. Да только Аким Петрович предлагает мне вдовцов или бобылей. И все такие страшные, что ужас. Как нарочно набирает

Андрей Георгиевич хмыкнул и посмотрел на Семенова, требуя ответить. Барин не девчонка, не отмахнешься. А ведь такие вопросы только задавать просто, а отвечать на них очень трудно. Или даже почти невозможно. А надо. Ишь, как смотрит кормилец требовательно.

— Ваше высокоблагородие, — начал он издали, — испокон веков так повелось — дворяне создавали семьи с дворянами, купцы с купцами, крестьяне с крестьянами. и ежели порядок нарушался и, скажем, дворяне сроднились с крестьянами, то ничего хорошего не становилось ни тем, ни этим. У крестьян тоже, большие с большими, середняки с середняками, а бедные с бедными. И хоть Катюха наша очень уж благая, но ее никто не хочет брать. Ибо нет у ней приданного. Одни тараканы да мыши.

— Да как это нет ничего! — не выдержала Фекла наездов на свою дочь, — а красота какая, хоть амператору показывай? А еще руки какие хорошие, все ее соленые овощи и варенья едят и еще просят!

— Да я то... просто... как-то не трава, — наобум ответил Аким, напряженно глядя не на девушку, а на их барина. Как он посмотрит на его действия? Не оштрафует ли невзначай его или общину?

А Андрей Георгиевич между тем все понимал — и их цели, и их намерения меркантильного и робкого старика и не менее меркантильную, но красивую Катерин. Эти жители XIX века для него, как открытая книга. Ну или, как малышня на песке во дворе. Никаких секретов, все ясно и просто. И от него было все понятно — он почти женат и помещик и хочет только побольше заработать на своих крепостных крестьян.

Позиция была совершенно понятна и Макурин только отличался от остальных помещиков тем, что хотел заработать не НА крестьянах, А С НИМИ. Вот и болтал с ними. Ну и посматривал на Катю. И ничего, что в наглуую. Ведь это священная задача мужчин — пляться на красивых девушек? Пусть посмотрит. Все равно он уже обозначил ее задачи — выйти замуж в этом году, а на следующий год родить первенца. Ну и так далее. В XIX веке крестьянки рожали и по десять детей и более и это никого не удивляло. Правда, детская смертность была офигенная, но с этим потом.

Однако, запальчивые слова о хороших руках дочери заставили его слегка поумерить темпы. Как уже понятно, Андрей Георгиевич хотел развивать своих крестьян не только экстенсивно, что даже в эту эпоху было понятно, но и интенсивно, что являлось, по крайней мере в России, голимым ноу-хау. А для этого он хотел хотя бы в таблице обозначить, кто что может и зарабатывать на этом. И самому, и им. Только вот объяснять это крепостным будет тяжело. И отнюдь не на словах, ему просто не поверят. Только на практикой и в открытую. Вот когда все его крестьяне увидят, что барин честно отработывает и позволяет зарабатывать

и им, вот тогда наступит рай земной. Когда только наступит это время

— Что там говорила Фекла о твоих замечательных руках? — буквально вломился Макурин в их разговор.

— Маменька говорила, — нехотя сказала Катя, — что у меня хорошо получаются соленья и варенья. Будто бы прабабка моя по материнской линии также умела это делать и я в нее пошла. Только кому это надобно по большому счету? Катерина болтала, а сама между тем оч-чень увлекательно обнажала плечо и часть груди, старательно загибая воротничок платья и изгибая тело так, чтобы барин видел максимум ее прелестей.

Андрей Георгиевич действительно видел бедую кожу плечи и часть груди (3 номер, не менее) и это его по мужски возбуждало. Но одновременно он вдруг понял, что эта глупая девица совершенно не считается своим мастерством, делая ставку на соблазнение. Сейчас, главным образом, понятно, его, барина. Пустоголовая, ее юная красота уже через лет пять исчезнет, тогда как мастерство будет кормить всю жизнь. Сказать ей об этом? Он посмотрел, как эта вертихвостка старательно пудрит ему мозги, перейдя от верхней части тела (в основном, груди), на нижнюю часть (ноги). Тело у нее, действительно, было великолепно, жаль только в таком виде не на долго.

Но для его задач можно было и подыграть, пусть крестьяне думают, что очередной помещик стал жертвой похоти и не тревожатся по поводу своих денег и хозяйства. А там им будет ждать огромная подлянка.

— Я понял тебя, Катерина, — посмотрел он ей прямо в глаза, — с сегодняшнего дня ты переедешь в людскую в моем доме. Об остальном поговорим позже.

Девушка робко, но очень привлекательно улыбнулась:

— А моя мама? — спросила она тревожно, — она как же будет жить? Сейчас зима, а у нас дрова не колоты.

Молодец девочка, — одобрительно подумал попаданец, — родители нас растили в детстве, а потом и приходит наша очередь заботиться о них. По крайней мере, тех, кто еще до сих пор пока жив.

Подумал, решил:-

Если мама твоя согласна служить служанкой, то я могу взять ее себе в дом. А то как-то около меня стало много молодых девушек. Здоровые кобылы, практически не работают. Так как?

Мать и дочь почти мгновенно переглянулись. Видимо, такой вариант трудоустройства их устраивал, поскольку они вместе сказали:

— Да, барин!

— Идите тогда в людскую, да скажите ключнице Авдотье, пусть обустроит, я вечером приду, еще поговорим.

Они ушли, а Андрей Георгиевич вместе с Акимом прошли немного поодаль. их работа еще не закончилась. Между делом Макурин поинтересовался:- А что, Аким, крестьяне здешние в ранешние времена пчел много разводили?

— Дык, конечно, благодетель! Оно ведь как, мед оно и сладко, и вкусно, опять же полезно. Да и воск. И на урожай хорошо влияет. Правда, очень уж работать надо много и знать, как и что для пчел производить. Вот когда прежний помещик Аркадий Митрофанович умер, царствие ему небесное, многие и перестали держать. Но совсем деревня от них не отказалась. Самые упертые по несколько ульев держат. И для себя, и для продажи. Мед и воск на рынке всегда продашь. Далеко только возить. Вот Елизарий один из таких

Аким мотнул головой на один из домов: мол, дошли, здесь. Постучал в ворота палкой, закричал:

— Эй, хозяин, открывай, барин-кормилец пришел!

Постояли немного. Андрей Георгиевич уже хотел спросить у Акима, что их так у ворот держат? Да попенять в очередной раз управляющему за его дела. Вернее, за его безделье.

Но с другой стороны послышались быстрые шаги. Кажется, прибрел хозяин. Он действительно пришел, да не один. Сам Елизарий был косоглазый, темноволосый мужик лет около сорока. То есть такой возраст, когда жизненный опыт уже накопился, а силы в теле еще держаться. Самый смак, лишь только недолгий этот период. Год — два — три и дряхлость навалиться, овладеет человеком до последнего пути на кладбище. Рядом с ним чуть поодаль сзади шла невысокая женщина с остатками неброской русской красоты. Впрочем, и сейчас мужской взгляд на ней останавливался с удовольствием. Это была его жена. Безымянная, поскольку познакомиться с Макуриным простую женщину посчитали излишним. В отличие от мужа, шедшего с пустыми руками, она несла поднос с немудреными закусками и каким-то напитком.-

Будьте здоровы уважаемый барин Андрей Георгиевич! — низко поклонился Елизарий и взял у жены поднос, — угощайтесь, пожалуйста!

Андрей Георгиевич попробовал напиток из большой берестяной кружки. Это была медовая брага. Вкусно, однако, и крепко. Но напиваться сегодня не стоит. Отпив глоток и показав этим свое почтение к хозяевам, Макурин взял ломоть свежего крестьянского хлеба, положив на него пчелиные соты и с удовольствием откусил. М-м! Мед он всегда любил, даже в XXI веке, когда в нем непонятно чего было — то ли естественное, природное, то ли искусственное, дерьмовое. А тут настоящий мед!

— Вкусно, Елизарий, — сказал попаданец, — уважил! Давай, веди для серьезного разговора с тобой.

Хозяин и не собирался держать их у ворот. Дав им откусать, он провел в дом, за стол, у красного угла, под иконами.

— Чем прикажите угостить, вашбродь? — прямо спросил Елизарий у высокопоставленного и весьма важного гостя.

Аким поморщился этой простоте, но Макурину подход понравился. Зачем насильно кормить и поить гостей, если они не хотят. Ведь гости такие, что и разорят, пожалуй, а то и заперют, если особенно не понравятся.

— Спасибо, Елизарий. Жрать особо мы у тебя не будем, поставь около меня чашку с медом да каравай хлеба и хватит. А вот брагу убери! — приказал он, глядя за суетой хозяина, — пить будем в другой раз, лучше отвару на травах подай.

У хорошей хозяйки в отсутствии чая травяной напиток всегда найдется. Опять же сырую воду в эту эпоху пить опасно, даже на природе. так что он не удивился, когда кружки с брагой исчезли, а вместо них появились с теплым травяным настроем. С душистым медом и свежем хлебом очень волшебю.

— Так, значит, Елизарий, ты пчелами занимаешься? — для затравки спросил он у хозяева, глядя на обстановку. Бедная, конечно, она. Все-таки XIX век. Ни мебели, ни приличного объема лопоти, то есть различной одежды и вещей из ткани и шкур. В центре дома стоит большая русская печь, как бы разделяя домашнее пространство. Самодельные скамьи и стол, да суровый Христос с иконы, вот и все.

Однако чисто. Земляной пол чисто подметен, все что надо побелено, убрано. Даже дети

не шатаются невесть зачем на глазах у барина, хотя точно ведь есть, судя по небольшой одежде и немудреных самодельных игрушек.

— Дак работаю понемножку, — осторожно признался Елизарий, — прадеды мои держали пчел и деды тоже. И отец помогал до самой смерти, там и умер на пасеке. Баские они, не хочу оставлять.

Да он боится, что буду ругаться и запрещу держать! — дошло до попаданца, — помещик в своем праве, что хочу, то и делаю.

— Пчелы это хорошо, — успокоил он крестьянина, — меня только не устраивает количество получаемого груза. Смотри, — обратил он пораженного Елизария, — сколько ты получаешь с улья меда?

— От одного до трех фунтов в зависимости от погоды и здоровья семьи пчел, — ответил хозяин полезных насекомых, — да еще немногим менее одного фунта воска

. — И сколько всего у тебя пчел? — подытожил Макурин, перебив рассказ собеседника. А то тот, сев за любимого конька, будет долго разглагольствовать.

— Да полста ульев только, — поник Елизарий, — мало это.

— Вот-вот, — подтвердил Макурин, — а ведь ты самый богатый пчелами пчеловод. А даже на деревню не хватает. На рынке с руками рвут мед и воск?

— Берут, — пугливо посмотрел на барина крестьянин, — только рынок далеко, не выгодно, приходится целый день тратить на дорогу и на торговлю.

— Мне это не нравится, — заявил Макурин, пропуская жалобы, похоже, правдивые, — пчелами надо заниматься и весьма тщательно. Золотое дно и для крестьян, и для помещика.

Елизарий этими словами не обрадовался. Промямлил что-то, настороженно смотря на барина.

Боится, — снова понял попаданец, — крестьяне этот плохой опыт получали от государства и от помещиков. Знает, минимум он получит, чтобы не умерли с голоду. А все остальное отберут. И зачем ему надрываться? Все, как обычный крестьянин, пуглив и осторожен. Жизнь приучила, теперь в лице помещика Макурина должна отучить.

— Смотри, на днях я буду говорить на сельском сходе. А вам первым пока, — он посмотрел и на Акима, который пока остался в стороне и вел себя, как опытный крыс — осторожно и держа на ветру нос. Оба крестьянина на эти слова вежливо посмотрели. Прямотаки дипломаты на международном фуршете. Ну-ну посмотрим, что вы сейчас скажите. — Я в своем праве в собственном поместье. В рамках российских законов, конечно. И мне пока не нравятся здешние хозяйственные порядки. Работают мои крестьяне очень много, а получают мало. А, значит, получаю мало и я, ваш помещик. Ерунда какая.

А посему с сегодняшнего года барщину я ликвидирую. Крестьяне со всех своих доходов — денежных и натуральных платят мне одну четвертую налогов оброка. Еще четверть природы вы мне отдаете за деньги по рыночной цене. Дабы у вас деньги были на государственные повинности да на жратву, что б не голодали. Все остальное ваше, туда я не влажу.

— А если я, значит, буду продавать мимо своего помещика? — уточнил осторожно Аким, чтобы потом не проколоться наобум.

— Можете, — пожал плечами помещик, — мои приказчики тоже будут покупать, но уже как обычные купцы. Ты, кстати, Аким, как мой управляющий очень даже подходишь на эту должность.

— Хо! — удивился Аким несказанно. Даже рот удивился от изумления. Макурин так его

ругал с момента встречи, что он даже не рассчитывал на такое место. Хха, а почему бы нет, людей безгрешных не бывает!

— То есть, — продолжил он, — чем больше вы получите урожая, тем больше у вас останется. Помимо мое четвертины и налогов государства никто у вас брать не имеет право!

— Барин, — негромко, чтобы не спугнуть удачу, спросил Елизарий, — а та земля, что была под барщиной, куда денется?

— Да, — сразу «ожил» Аким, — кому отдашь, кормилец?

Барщинная земля, как правило, была в поместье самая лучшая, самая отборная. Таким образом помещик старался получать доходов побольше. Только ведь и крестьянин не дурак. В барщинной (в XX веке колхозной) он работал кое-как, лишь бы исполнить урок. Вот и получалось, что лучшая земля давала худший урожай.

Андрей Георгиевич этот замкнутый круг хотел разорвать. Отныне вся земля будет крестьянская. Благо около столицы была нечерноземная полоса, то есть не очень уж хорошая. Но крестьяне будут должны сами просить эту землю. Он не опростоволосится, в приказном порядке размещая свою землю. Стоит только крестьянам почувствовать насилие, убегут, только их и видели.

— Всю дам, — как бы начал раздумывать Макурин, — за треть урожая. Своим, конечно, было бы желательно, но если не захотят, то и не надо. Крестьянам дам с соседних поместий.

— Уф! — промычал Аким. По его лицу, если не сказать харе, было написано, что он точно окажется «добровольцем». С его-то силой, да с сыновьями, с немалым числом лошадей он еще и два десятка десятин обработает! Так, а теперь надо сменить тему. Чтобы собеседники не сообразили, что их помещик всего лишь беспринципно лукавит, выставляя их дураками.

— А вот тебе, Елизарий, я сразу должен отказать. Никакой дополнительной земли тебе не будет. Более того, надо будет посчитать, обработаешь ли ты свой надел

. — Почему? — как-то по-детски обижено протянул Елизарий, еще не понимая, в какой роли он будет играть в будущем спектакле режиссера Макурина. Впрочем, Елизария тот долго в темноте не держал.

— Потому, — назидательно проговорил он и даже поднял палец вверх, — ты у меня будешь самым крупным и самым богатым пчеловодом. Станешь очень самым красивым примером для всех. Понял?

— Понял, — робко признался Елизарий и внезапно икнул. Дошло-таки до молодца, что мы не в палки играем! Сказал нарочито грубо и наставительно:— А если понял, то сколько тебе нужно ульев

? — Мабуть, около ста, — примерно сказал Елизарий. Робко, но цифру выдал в два раза большую, чем у него было нужно. Точно, понял!

Андрею Георгиевичу, однако, и этого количества было очень мало. Пчеловодство было слабой сферой российской экономики XIX века. Как, впрочем, и в XXI столетии. Ну это ладно, пусть потомки сами мучаются. А вот в наше время пчеловодство хотя бы в области столицы будет оставаться у пасек помещика Макурина! А для этого нужна ловкость в торговле, умность и щедрость в отношениях с государством и церковью. И главное — побольше пасек и с них меда и воска. А потому «великого демократа Макурина» сто ульев не спасет.

— Пятьсот ульев минимум! — жестко, пресекая любые попытки возражения сказал Макурин, — вытянешь?

— Барин, у меня денег не хватит! — и с мольбой, что не получится, и с надеждой, что помещик как-то вытащит, сам же предложил, ответил Елизарий.

В общем, на счет пчел они договорились. Макурин дал своему крестьянину кредит. Как бы без процентов, или, как тогда говорили, без лихвы и даже как бы и без возврата. потом посмотрим, пчелы это хороший вклад, он никогда не прогорит.

Эх, кому живется на Руси хорошо? Да мне!

На счет своего хорошего житья на грешной матушке Руси Макурин, конечно, явно перегнул. Даже сам это почувствовал. Но ведь и ошибся он про свою социальную позицию не так уж и много. Будущего у российских помещиков, как показала история, не было. Сначала они не выдержат так сказать от конкретных своих тягот во второй половине XIX века, а потом их сметет общий исторический процесс в начале XX века. И после этого они уже бывшие!

Но современное настоящее в промежутке эдак лет тридцати — сорока виделось более оптимистичнее. Тут помещик сам себе царь и даже немножечко бог! Да и время после великих реформ Александра II лично ему представлялось хорошее. Соломку-то он уже подстелил под задницу его высокоблагородия! А дальше хоть дом гори, он уже не будет жить!

В своем помещичьем доме после деревенского визита его встречали замечательно — жаркими печами, от которых во всех комнатах становилось тепло, питательным и вкусным ужином с деревенскими разносолами, почтительными и вежливыми слугами. Попаданец ничуть не удивился, когда в первых рядах заметил красавицу Екатерину. Эта в какой-то мере проныра везде пролезет. А вот то, что всегда подозрительная ключница Авдотья относится к этому спокойно, его несколько поднапрягло. Что это — тендерный заговор? Революция слуг втихую? Вот ведь шельмецы, никому нельзя доверять!

Что же, воевать так воевать, и он им подложит хорошую свинью! Прохрюкают с досады, да поздно будет. А пока поел. Рыбный форшмак и свиные котлеты под картофельное пюре и особенным образом приготовленную капусту были диво как хороши и питательны! Жаль, что уже в XX веке это будет страшное дерьмо, которое, как и полагается, можно было выбросить только в туалет. Нет, не ели вы, господа, простую пищу дивного XIX века!

После ужина прошел в свой кабинет, велел привести красавицу Катю. ДЛЯ ДЕЛА и никак не иначе. Думаете, кто-то поверил? Ха! Плутовка была очень как прелестна! И будущая не венчанная ночь любви с помещиком его совершенно не пугала, даже наоборот, как-то радовала и волновала. Эй, ты случайно не попаданка из XXI века, едрить — кудрите твою с коромыслом?

Однако сам барин ее удивил и даже разочаровал. Вместо того, как любой безрассудный и, честно говоря, глупый мужчина с радостью потащить ее в постель, он заговорил с ней на серьезную, а, значит, и бесполезную тему.

А ведь очень привлекательна, чертовка. Уж куда у старенького попаданца будущего (XXI века) века ослабло либидо, но и у него возникло желание повалять в кровати, помять пухлые булки. Молодое тело балует, кидая в разум гормонами? Еле-еле сдержался, вспомнил о будущем.

— Катерина! — заговорил с ней этот бестолковый с точки зрения девушки мужчина, — посмотри на моего кучера Федора. Ты, надеюсь, видела его? Замечательный мужчина и кормилец.

— Да барин! — как-то тревожно сказала девушка. Разговор все меньше ей нравился, но особенно повлиять на него она не могла, на все ее демонстрируемые прелести он охотно смотрел, но не волновался и руки не распускал. Оставалось только ждать приступа похоти и на все поддакивать. Мужчины такие упертые, как ослы, а особенно такой причудливый, как

их новый барин.

— Это твой будущий муж и благодетель! — оглушил он девушку, — люби его и воздастся тебе всем по жизни — дети, хозяйство, сытая жизнь.

— Но я не хочу выходить замуж, — попыталась возразить она помещику, — я хочу быть рядом с вами, барин.

Ишь как она запела! А велосипед тебе в руки не надо? Нет уж, свою личную жизнь ты будешь обустривать без него. Хотя жаль, конечно. Столько добра пропадает, первоклассного, сексуального.

Однако сладкое желание плюнуть на все и устроить шабаш в постели с молодой колдуньей, как вдруг появилось, так и быстро исчезло.

— Это не обсуждается. Даже не пытайся мне показывать свои соблазнительные булки, не младенец уже! — жестко оборвал он Катерину и потом спокойно предложил: — давай, поговорим о твоём счастливом будущем, а потом подумаем не только о тебе. Я тебя не брошу, не бойся.

Помолчал немного, давая девушке осознать свою судьбу. Осадил ее твердым взглядом, когда та попыталась встать на ноги в порыве жаркой речи. Вот ведь, так перетак, все пытается соблазнить сладким грехом. Заговорил, уводя в сторону от похоти к богоугодному делу:

— Ты, Катерина, не только редкостная красавица, но и мастерица прекрасная. Причем, пойми, дорогая, твоя красота уже проходит. Зрелая женщина тоже хороша, но уже не так чудесна, как юная девушка. Увы, но время не остановишь. Смирись с этим.

Зато, как мастерица ты становишься все чудеснее, у тебя получается все лучше и вкуснее. Это же настоящее чудо!

Екатерина на эту сдержанную и благообразную речь мудрого барина (а, значит, старого, не способного к плотским утехам) попыталась хотя бы огрызнуться. Пусть порет, гад! Хотя бы посмотрит, чего лишается. Ей очень не понравилось, что он ее так резко состарил. Она еще может жить и даже рожать! Но Макурин ее вновь остановил на полуслове:

— Стой, Катерина, ничего не говори о блудовестве, чтобы потом мучительно не краснеть за себя. Зато подумай о себе, как об особенной мастерице. Между прочим, и сам государь российский император Николай Павлович, и его жена, государыня Александра Федоровна намеренно очень хвалили и твои хрустящие соленья, и пахнущие варенья. И хотели бы видеть тебя перед своими глазами на августейшей аудиенции. Именно, как мастерицу, а не красотку. Только не разговаривай много по этому поводу со слугами, рано еще слишком. Все, иди, не доводи до греха, сладкоежка!

В общем, за несколько минут Андрей Георгиевич и отчитал ее, и обрисовал замечательное счастливое будущее, выгнав потом в шею в людскую, к остальным слугам. Пусть пока Авдотья ее там погоняет, а там ближе к лету, будет пока переваривать варенья, готовить по второму кругу соленья. А молодость пройдет, как и глупость. А чтобы не принесла ненароком в подоле, будет тебе венчанный муж Федор. Он еще сравнительно молод, с ним не будешь ночью тосковать в постели.

Думал так, чувствуя, что чресла, если не сказать хуже, остались чрезмерно напряжены и желают эту прелестницу с ее великолепным телом. По правде говоря, Екатерина этим темным вечером могла бы легко победить, если бы еще чуть-чуть поднажала. Очень уж она красива была и завлекательна. Но на пути к ней оказались два препятствия:

Во-первых, Андрей Георгиевич подозревал, что она еще девственна и после ночи любви

окажется у него на шее. Ибо какой нормальный мужчина, даже простолюдин, в XIX веке возьмет такую так сказать порченную. Катя же этого не понимает, или сознательно хочет быть простой содержанкой своего помещика после жизни в крестьянской избе. Не она первая и даже не миллион первая в помещичьей России.

Ох, нет, это без него. Нормальным мужем он поможет, а женщина у него будет другая. И никакой простонародной любовницы с кучей незаконных дворянских детей — бастардов;

Во-вторых, голова у него на сегодняшний день забита различными и многочисленными хозяйственными проблемами. Поместье большое, только ревизских душ несколько тысяч. А вместе с бабами и детьми не меньше пяти тысяч, как минимум. Причем Андрей Георгиевич мысленно не без основания полагал, что даже намного больше. Статистики-то нет вообще, ни по поместью, ни в целом по России.

Даже в XXI веке это бы оказалось много, а уж в XIX столетии вообще глупый кошмар. Он, хотя пока только «поднимал» лишь Березовое, но чувствовал, что и здесь проблемами он наестся по горло. Какие уж там сладкие, но распутные девки, пусть и весьма красивые и пригожие.

Он только посмотрел в след красотке, ушедшей в раздраженных чувствах — от разгневанных до испуганных. Подумал, что, наверно, им еще не раз с ней встретиться, и он даже, в конце концов, им проиграет. Уже сейчас его тело было готово не раз сдаться и только пугливость девки, шокированной роскошью дома помещика, еще позволила стать ему победителям. Но вскоре она примерится к обстановке и начнет, как всегда женщины, крутить перед мужчинам своими прелестями. И, как бы ему это не казалось позорно, быстро поднимет лапки в знак полной капитуляции.

Макурин так подумал, и не только кисло, но и радостно. И тут же уточнил, что если только Настя здесь не появится. О тогда тут пройдет битва титанов, хо-хо. Он-то в любом случае будет виноват, а вот кто победит?

К мужикам надо идти иди, ведь как ни крути, но день сельского схода все же пришел. Ближе к обеду, когда он уже подумывал чего бы ему разэтакое съесть, пришел взмыленный Аким и доложил, то все крестьяне в центре Берзового уже собрались и ждут только его милость.

Пора было неспешно идти, баять про светлое будущее и про американский империализм, ха-ха. Шутка. А если серьезно, сегодня он должен был пробить мысль в дремучие крестьянские головы, что проводимые реформы будут весьма полезны и деревенским жителям. И они, как минимум, должны хотя бы не сопротивляться а смиренно идти. Ведь не на скотобойню их тащат!

На сельский сход пока деревни Березовое (с точки зрения местных крестьян) Макурин поехал на легких красивых санях, украшенных резьбой и красочными сюжетами масляными красками. В принципе, промежуток от дома до схода был не далеким, можно было бы и пешком не спеша. Тем более, по зимней деревне с ее узкими кое-как протоптанными тропинками, где и ножками еле пройдешь. Но нельзя, nobless oblidg! Ты дворянин, голубая кровь, тебе не положено. А то ведь не то подумают невзначай.

Приехали, или даже продрались по снежным сугробам XIX века. Впрочем, пусть их с этой дорогой. Попаданец уже размышлял о другом, смотрел на нестройную толпу. Подумал вдруг, что будет это победоносный Аустерлиц или проигрышный Ватерлоо? Ха, тоже мне император Наполеон нашелся! Хотя ладно уж.

Нуте-с, начнем, пожалуй. Когда управляющий Аким сказал, что все пришли, он имел в

виду, что все домохозяева. Женщины в этом веку полноценными людьми не считались, а молодые парни еще не приглашались. Проще говоря, сельский сход — это собрание домохозяев. А остальные брысь отсюда. Дети и собаки, не мешайтесь под ногами у мужиков.

А говорить ему, дворянин же, у остальных зрителей роль тихо молчать и послушно внимать, что барин скажет. Ну и выполнять, разумеется, сказанное. Это даже не подразумевается. Щас зарычу, мало не покажется!

Помолчав для виду на небольшом постаменте из груды березовых дров, Макурин начал круто, по держимордовски:

— Всех безобразников смутьянов и бестолковых несогласных буду всегда нещадно бить розгами. Деревя в лесу хватает, слава богу! Сегодня еще жалел, видимо, не поняли. Не было у вас барина — брыкались, появился барин, рот закрыли и работать. Поймаю, вам же хуже будет!

Посмотрел на тихо гудящую толпу, не столько возражающую, сколько обсуждающую слова нового хозяина, продолжил, передохнув:

— А вот крестьян работающих, тихих я всегда буду привечать. Работайте, мужики, старайтесь, а уж я вас ни деньгами, ни припасами не обижу!

Чуть было не сказал по инерции, что у нас кровь одного цвета, как он постоянно завершал на деловых заседаниях в XXI веке по сюжету по Маугли. Вовремя прикусил язык. В эту эпоху на полном серьезе господствовал тезис, что дворяне — это голубая кровь. Тоже, конечно, высказывали чисто метафорически, люди все же не дураки были и в средневековье. Но противоположный тезис явно не пройдет ни у мужиков, ни у уездных чиновников.

Посему просто помолчал, посмотрел на окружающих. Толпа заметно увеличила громкость. Домохозяева — люди степенные, хозяйственные, их надо не угрожать, а привечать и даже приласкать. Что же, мы можем и так:

— Я, православные вот как скажу — все мы под одним богом ходим, и не богоугодное это дело людей обижать. Посему с сего года решил я барщину в поместье полностью ликвидировать до последнего клочка земли!

Гул в толпе еще более резко усилился. Нельзя сказать, что об этом не знали. Аким не любил такие новости держать за душой. Болтун еще тот. Рассказал, скотина языкастая, хотя бы родственникам и хорошим знакомым, то есть где-то половине деревне. А уж те разнесли остальным.

Но ведь одно дело переговорить в тайне в темноте избы, а совсем другое, когда помещик сам говорит прилюдно. А Андрей Георгиевич продолжал разъяснять «политику партии и государства»:

— Теперь вы должны, мужики, платить гораздо меньше: различные повинности государству натурой и деньгами. Ну, здесь ничего не сделаешь, как платили, так и будете платить. Налоги эти, в общем-то, небольшие и так было заведено еще предками, так и мы будем;

Мне будете оброка одну четверти от всех доходов. Коли продукты получаете, так продуктами, коли деньгами какими, так деньгами. Еще одну четверть будете продавать по рыночной цене продукты или что еще. Неделю в год трудовые повинности, ну это каждому приказчики мои будут ходить.

А больше все! Ни барщины, ни повинности, пришедшие с далеких прошлых лет, и мелких запутанных лет. Вплоть до первой ночи девок и молодых баб!

Толпа отвечала помещику гулом и радостными криками. Повинности эти нередко

досаждала крестьянам в повседневной жизни, как заноза в заднице. И мелочь вроде бы. А и пожаловаться стыдно, и в невомоту.

Но особо все же сильно тяготила крестьянам барщина. Тут уж не тяготила, а, по сути, жить совсем не давала. И ведь, что смешно, одновременно не очень-то много и давала помещикам. В Черноземье еще ладно, а вот в Нечерноземье слезы, а не доходы. Многие помещики только и держались, как за старину. Но Макурин не такой. Пусть крестьяне радуются.

Однако веселились не все. Те, кто уже перерадовались этой новости, хотели еще и дальше:

— Благодетель, а что будет с барщинной землей? — вопрос Акима был как бы квинтэссенция крестьянского чаяния. Руки крестьян помещик освободил. Так и снова бы занял, трудно-то без работы трудяге. Да и голодно, если честно.

На это у Макурина был готовый тщательно выпестованный ответ:

— Поскольку барщинная моя земля теперь свободная, то подумал я отдавать ее за треть всего получаемого урожая с этого надела. Давать ее я буду, прежде всего, вам, моим крестьянам. А если останется, то и всем желающим. Тут как хотите, мужички, неволить не буду. Можете обрабатывать, как раньше, только свой надел и от него питаться и платить различные повинности.

Услышав про свободную землю, которую они могут получить, крестьяне заволновались, самые горячи были готовы уже сейчас получать заветную полоску. Оно, конечно, хорошо бы барин дал бы ее бесплатно, да уж и так хорошо.

Барщинная земля была самая удобная, самая черноземная, которая только и ждала крестьянского зерна. Какая уж там неволя, это звучало просто смешно или издевательски. Ведь крестьянского надела не хватало, заплатишь налоги государству, да повинности барину, и дальше в большинстве соси зимой с голодухи лапу.

А тут райская земля, да почти задарма! Ведь, что не говори, а треть урожая это по-божески. Вон соседские крестьяне половниками работают и то радуются, что не так часто голодают. Они же всего за треть, как тут не задержась да не заорешь!

Но победила все же умеренная здравомыслящая часть схода. Земля вот она, а вот свой помещик, который здравые мысли говорит. И крестьяне после некоторого спора решили после схода нарезать землю на жеребья и честно прилюдно тянуть, что кому до станется.

Андрей Георгиевич этим удовольствовался. Ему, в общем-то, было фактически все равно, кто и сколько будет пахать. Как говорится, от перемены слагаемых сумма налогов не меняется. Зерна ему дадут примерно столько же. Много зерна. Золотистого, доброго, сытного. Лишь бы земельные участки делили честно, без скандалов с руганью и кровью. А недовольные все одно будет.

— Вот, крестьяне, земля — это главное, но не все, — продолжил через некоторое время Макурин, — сами понимаете, ведь мало зерно вырастить, надо его продать или хотя бы размолоть. Как тут быть? И я, подумав по вашим нуждам, посодействовал по уездной канцелярии, что наша деревня Березовое отныне становится селом!

Сказал торжественно и увидел, что как-то нет особой реакции. Большинство собравшихся явно не увязали изменение статуса и улучшение своей жизни. Придется уточнить для самых медлительных и бестолковых:

— И поскольку наше Березовое ныне становится селом, то в нем будет строиться собор нашей матери православной церкви!

Церковь — это было хорошо. То есть не то, что все уж совсем были верующими. Искренне молись не многие, больше в годах, уже старенькие да тяготящие о загробной жизни. Остальные же жили сегодняшним днем. И хотя XIX век — это не XXI, и всякое крестьянское хозяйство время от времени нуждается в венчании молодых и, чего греха таить, отпевании покойников и во многих иных таинствах. Церковь слабенькими, но многочисленными ниточками в эту эпоху пронизывала крестьянскую жизнь насквозь.

И каждый раз приходилось идти за десятки верст в ближайшую церковь или приглашать на требуемые требы священника. А он, хоть и божий просветленный человек, а дерет за это в три дорога только держись.

Вот и радовались нехотя крестьяне, хоть и понимали, что строительство в конечном итоге ляжет на их плечи. А ведь и так денег положат на церковные здания много, зато потом давать будешь маловато. Да и баба не будет зудеть, что до церкви далеко, и она давненько уже не ходила, грехом обмишурилась.

— Еще в нашем селе будет открыт рынок. Каждодневно оно, наверное, будет финансово тяжело, так вы, мужички, меж собой посоветуйтесь, да получив с нашими отцами священниками совета, подайте прошение в уезд на какой церковный праздник пристроить. А уж я для вас похлопочу. Это ж какое будет потом дело, хоть свои крестьянские товары продать, хоть чужие задешево купить!

А затем, еще какие открою учреждения, видит бог, — Макурин картинно перекрестился, — все одно будет лучше! Что вам еще надо, православные?

Попаданец ожидал, что крестьяне будут просить больницу или школу, но со стороны схода пошел гул: «Мельница!»

— Что мельница? — не понял Макурин. Нет, он, разумеется, знал, что булки не на деревьях растут, и зерно надо обязательно размолотить, прежде чем подавать на стол, но как-то полагал, что эта проблема уже решена. Не первый же год и даже уже век живут в этом месте?

Однако послушал Акима, который, как всегда, пояснял мнение общества.

— Общество просит, значить, чтобы вы, благодетель, пошли на милость, дали нам мельницу- негромко, но четко проговорил на ухо помещику управляющий, — а то, как вы правильно сказали, зерно есть, а молоть его негде. Приходится ехать с мешками либо на мельницу помещика Валюжного, либо на мельницу купца Иванова. А они все далеко, хоть пять, хоть семь верст. День пройдет, пока дорога да очередь. А то и не работает, впустую накатаешься. Свою же мельницу не могли пока, ибо барина не было, а сами мужички не в состоянии.

— Мгм, — озадаченно хмыкнул попаданец. Об этой стороне крестьянской жизни он, в общем-то, знал, но как-то не обращал внимание. А вот и на тебе!

— Хорошо, мужички, я постараюсь, чтобы к рождеству мельница у нас было, — твердо пообещал Макурин. А и то, что медлить? Мельница — строение на деревне нужное. Люди же не скот, чтобы зерно жрать. Да и уж к тому же, чтобы вы не говорили, прибыльное для собственника.

Он еще мысленно порассуждал и начал разговаривать про хозяйственные нужды, как свои, так и крестьян. Все слушали четко и внимательно.

— Я тут человек новый, мужики, — как бы между делом сказал помещик, — скажите мне, вы что, всегда так соль издалеку возите?

Соль не хлебная мука, но тоже очень для человека нужная. И не только для человека, а и

для всех животных, хотя бы для домашнего скота. Как тут не закручинишься такой болезненной закавыке.

— Вокруг Березового стояли обширные болота, — сообщили Макурину чиновники еще в Санкт-Петербурге, — и кое-где там били горькие (соленые) ключи, где можно бы получить нужный минерал.

То есть соль в округе была, качеством, правда, не очень хорошая, не вкусная. Но население, тем не менее, снабжалось издалека, за сотни верст. Бывало, и из-за границы везли на судах. Не часто, но все же. Крестьяне от этого нередко волновались. Ибо сколько будет стоить соль, если ее везут за сотни верст?

Положение было настолько тяжелым и неприятным, что даже император Николай I просил (пока просил!) обратить на это внимание и хотя бы в своем поместье по мере возможности наладить снабжение. А то ведь черт те что!

Император не понимал, почему в мирное время, при обильных соленых местных источниках с солью были проблемы. Соль же не хлеб, почему так плохо-то? Николай I подозревал местных чиновников в лени и самоуправстве и намеками просил Макурина навести порядок. Ведь он же служил в свите его величества!

Андрей Георгиевич, конечно, требования императора выполнил бы. Но не только и не столько. Соль — это товар, и если его не было, то надо добыть и продать. Торговец (а если уж прямо, то и спекулянт) видел обильную поживу и не понимал, почему бы и нет?

Вот так, господа!

А теперь действовать, действовать и еще раз действовать! Так, кажется, действительно и весьма агрессивно требовал не безизвестный прощельга О. Бендер? Впрочем, пусть его, этот оголтелый авантюрист еще не скоро родится, и даже деда и бабки его, наверняка, никак не обозначены. А, может, уже бегают, голозадые и радостные малыши, ни к чему плохому еще не пригодные.

Короче, ближе к делу, господа присяжные заседатели, которых тоже еще нет. Общий пинок, во всяком случае, Макурин своим крестьянам дал. Свои — это, значит, собственные, крепостные. Говорящее имущество, как тогда говорили. Но даже лошади и коровы требуют руководства, а, тем более, люди. Выступил, сказал. Не только показал перспективы, но и изрядно стимулировал к труду на земле.

Вы скажите неприлично? Да, наверное. Но крепостные, вот они, а он не революционер и даже не либерал. Ковыряется тут в земле с крестьянами, и не собирается что-то менять. Ибо, давным — давно известно, благими намерениями выстлана дорога в ад. И все эти реформаторы, радикальными и даже умеренные, начав с прекрасного далека, заканчивают большой кровью. Плавали, знаем!

Мда-с. Но пока рано еще, поздняя зима или ранняя весна, черт его разберет. В общем, на полях снега, которые еще и не думают таять, крестьяне в своих домах и в большинстве даже не собираются активно работать. Один помещик, пока еще почти бедный и холостой. Или, скажем так цинично, без женщины в постели, рыскает в селе Березовое и даже, иногда, в уезде.

Для этого, кстати, он приобрел (отбил от своих же слуг в личную собственность) жеребца Ворона — черного флегматичного коняку средней комплекции, и приказал для себя родного и любимого — чиновника свиты его императорского величества Макурина А.Г. — пристроить в свиту кучера Федора и домашнего слугу Гаврилу.

Так и ездили втроем. Молча. Попаданец еще не пришедший в себя от новых реальностей крепостнического строя, когда, оказывается, крепостной лично тебе принадлежит полностью, и ты можешь его продать, можешь выпороть и даже запороть, но вот его имущество использовать не в силах. По крайней мере, частично.

Как так? Андрей Георгиевич понимал, что он чего-то не понимает. Нет, конечно, в личном общении с крепостным он, так сказать, может все объяснить, розог еще много и его молодцы Леонтий и Гаврилой крепки и сильны.

Ну, а где ж закон? Где та юридическая плеть, которая требует от простонародья выполнения его обязанностей? Или это такой социальный люфт, не видимый, но очень важный, который позволяет существовать крепостничеству, как институту, стабильно и постоянно? Ведь и ликвидировать его удалось сверху, только юридическим указом, а не снизу, путем непрерывных бунтов и восстаний. Мг-м!

Устав от молчаливых размышлений казуистических тонкостей, попаданец, встретивших в уездном центре с несколькими чиновниками и просто интересными людьми, резко изменил тему своих дум.

Что же ты, голубчик, Андрей Георгиевич, делаешь? — осудил он себя, — главное в любой деятельности, особенно в деловой, соразмерность и пунктуальность. Создай общий план работы, обсуди хотя бы для себя структуру помещичьего занятия и у тебя все само

собой уложится.

Вот, — оживился он, почувствовав себя в знакомой сфере торговли и, прямо скажем так, спекуляции, — в любой подобного рода отрасли, есть несколько отдельных секторов, в общем-то, отдельных, но очень сильно взаимозависимых.

Это для начала добыча самых товаров. В данном случае, это сельскохозяйственная продукция, например, э-э-э, зерно, мука, отруби, мед. И все? Не-а. Ведь еще есть овощи, зелень, целая животноводческая отрасль. Да тут только молоко и молоководческая отрасль тебя озолотит!

Примыкающие товары. К сельскому хозяйству они непосредственно не принадлежат, но производятся теми же крестьянами и по большей мере для самих же крестьян, — соль, в частности. Создать на местных источниках соледобывающие предприятия и продавай соль, хоть своим, хоть чужим. Последним, разумеется, дороже. Да даже в Санкт-Петербург можно возить, там ведь она тоже привозная и, надо сказать, для горожан довольно дорогая. Местный товар все равно будет дешевле!

Дальше железо. Болотная руда — незаменимый источник железа. В I тысячелетии хоть до н. э., хоть н. э. она была основой металлургии, а сейчас — база крестьянских кузнецов.

С другой стороны, на фига ему мучиться, и своих крестьян ломать об колено, когда буквально рядом металлургический центр? Не такой еще мощный, как в XX веке, но все равно не сравнится с крестьянскими ремесленными кузницами.

Надо узнать, — решил он, — как дело обстоит с столичными заводами, но, по-моему, производство металла на деревне в любом случае в наше время не имеет особой выгоды. Также как и тканью. При Петре Великом крестьянская промышленность еще имела перспективу, но в XIX веке промышленность и сельское хозяйство уже намертво и четко разделились.

Но пока мыслишку ты не закрывай. Промышленные товары, если и производить, то в промышленных предприятиях, а не в крестьянских хозяйствах, а для крестьян. Но ведь можно еще что-то получать из товаров деревне, кроме как в поле и на лугу? Не все в деревне му-у!

Правильно! — чуть ли не закричал вслух Макурин, глядя на появившийся пруд. Два таких водоема находились незаметно невдалеке от Березового. Не потому, что боялись и прятались, а потому что в низине проще содержать. Вот мужички там и вырыли за пару летних вечеров. Один еще при Александре Благословенном, а второй буквально несколько лет назад. Одно было выше, другое ниже. Так они и назывались — Верхнее и Нижнее.

Что же, скромные речные водоемы не сравнятся с огромным морем, а рядом протяженная Балтика, где в XIX веке рыбы еще навалом. Только речная рыба морской не конкурент, а лишь дополнение. Пройдет!

— Пруды ведь оно как, — разъяснил вездесущий Аким, — вроде бы и баловство, а для деревни без них никак. Бабы стираются, ребятишки плескаются, утром — вечером коровы пьют, уходя — приходя на пастбище. Опять же если пожар где в деревне? Колодези летом высыхают, да и не с руки, а тут прудишко рядом.

— И караси, наверное, есть, половить и на сковороды с маслицем, — поддакнул Макурин в нужном направлении.

— Караси, оно, да, — согласно кивнул Аким барину. И тут же подрезал его замыслы: — только не будут мужики рыбу ловить. Баловство одно, а им пахать надо, рожь сеять.

Да уж, — поддакнул теперь Макурин. Крестьянам, конечно, некогда. Не зря говорит,

летний день зиму кормит. Ну ведь и не о них разговор. Что-то мы не туда поехали.

— А скажи-ка, Аким, много ли там рыбы ловится? — любопытствовал попаданец как бы случайно.

— Да шут его знает, — попытался невзначай отмахнуться управляющий от трудного вопроса, поиграв с барином его же игру.

Но помещик внезапно заупряился, уже сердито спросил:

— Ну хотя бы примерно скажи, хоть раз же ловили мужики под самогонку в летний церковный праздник!

Эх, коли барин требует!

— Ловили несколько раз при прошлом барине Аркадии Митрофановиче. Тот одно время полюбил трескать жаренные караси со сметаной под польскую вудку да под аглицкий ром. Как бывало стаканчик опрокинет да поджаренного карася и погрызет. Мужики тогда все пруды от тины вычистили и не по разу. Хорошенько ловили, как пойдут к вечеру по приказу барину, так в миг поймают несколько ведер карасей.

Ведро — это, кажется, старорусская мера объема. Ну хотя бы наугад скажем — по весу десять-пятнадцать пудов за один рейд за рыбалку. И ведь это по несколько раз за лето. Пруд, конечно, не море, но затея папахивает удачной коммерцией.

— Только давно это было, даже уже плотина обветшала, — иронично посмотрел управляющий на размечтавшегося барина, — воды мало, тина да трава. Рыбы, поди и не стало совсем.

— Тьфу на тебя, — цыкнул Макурин на крепостного Мефистофеля, — накаркай мне еще, и без того тошно!

Прикрикнул на крепостного, а сам подумал, что рыба это не железо, потенциал имеет, но в будущем, пока же он немного с ней поваландется. Так ведь и хлеб сколько требует трудов, пока караваем ляжет на стол.

Так, что еще. Лесных богатств, скорее всего, в его земле и нет, раз болота обширные. Спросил на всякий случай:

— Аким, а лесов, наверное, и нет в поместье?

— Отчего же кормилец! — удивился его собеседник, — болота-то на южных землях лежат, и не только на твоих, но и больше на казенных. Там и пахотных-то земель почти нет, местные крестьяне больше рыбой да лягушкой образуются.

Андрей Георгиевич недоверчиво покосился на него. Врет, наверное, собака, язык совсем без костей. Россия — не Франция, а деревенские жители слишком консервативны, чтобы так меняли диету.

Крестьянин его понял.

— Может и брехня все это, — открестился он от информации на всякий случай. Уточнил: — только к югу там одни болота, есть нечего. А вот к северу лежат обширные леса, часть их попадает и на твое поместье. Ягод там раздолье, опять же грибов. Бабам и девкам раздолье, но лишь по краю. Звери же пожрут, дремучий лес. Мужики наши в обоз собираются да лес берут понемногу на зиму. Был я там пару раз, смотрел. Сколько леса гниет, пропадает зазря.

— И неужто прежние барины не брали такое богатство? — удивился Макурин.

— Прежние не знаю, Аркадий Митрофанович здесь долго барствовал, почитай вся моя жизнь при нем была, — вздохнул Аким, вспоминая: — только к старости очень уж начал пить, тем и умер. Какая уж там прибыль. Говорит, мне хватит, а на денежную загробную

жизнь не надеюсь, у гроба нет карманов.

— М-гм, — хмыкнул Андрей Георгиевич, но оценивать жизнь своего преемника не стал. Однако подумал, что сотня квадратных верст лесного богатства вроде бы и не очень, но в карман деньгами лягут тяжело. Опять же, если все получится, то можно и казенных владений попросить. Доходов они все равно не дают. Николай I и не поскупится. Надо лишь постараться попасть в нужный момент к императору.

Итак, — подытожил мысленно хозяин этих мест, — какие можно выделить для меня различные доходы?

— Во-первых, растениеводство. Зерновое хозяйство у мужиков разработано, зерно идет как на рынок, так и себе в хозяйство на питание. Уровень, конечно, XIX века, то есть низкий, но база есть.

Всевозможные овощи этой полосы растут в приусадебном участке. Даже картофель есть! Командуют здесь бабы, которые в основном выращивают для своего хозяйства для питания. Но потенциал есть. Если найти каналы для продажи в Санкт-Петербурге, можно удельный вес и увеличить.

Во-вторых, животноводство. Скот выращивается в основном для собственного хозяйства, но крестьянство готово поставлять его и на рынок. Правда, на практике продает эпизодично и сравнительно мало. Происходит это из-за плохих дорог и плохой методики обработок продукции. Разве масло не брали бы горожане? И у нас, в России, и на западе? Еще как! В реальном будущем, эдак в начале XX века, российское масло буквально с треском рвали, жаль революция пришла. Но во второй четверти XIX века, при Николае I технологии были еще низкими. Ну а ты-то на что, попаданец, ведь Господь тебя как раз для этого перебросил!

Значит, масло и молокопродукты в первую очередь. Затем мясо и мясопродукты. И, наконец, рога и шкуры, ха-ха. То, что в XX веке у авантюристов был лишь прикрытием, в XIX веке становилось реальным доходом. Надо покупать и требовать для продажи копыта, рога, шкура. По средней для этой местности цене. Плюс вдобавок для своих по определенной наценке. Для крестьян не жалко. А уже в Санкт-Петербурге производить или хотя бы с прибылью перепродавать. Короче, действовать по обстановке.

В-третьих, околоаграрные товары, самые разные — соль, мед и воск, строительный лес и дрова, грибы и ягоды, даже лекарственные травы.

Господи, это же просто золотое дно какое-то!

Теперь сектор второй. То есть производить мои крестьяне с грехом, но могут. Надо лишь продавать прибыльно. Хм, тут болтать не стоит, теоретика излишня. Надо ехать опять же в столицу и выглядывать, особенно продукты. Не дорого, но и дешево. Пос. редник получит огромные деньги

И не только в лавки и в руки различным торговцам. Андрей Георгиевич чем больше, тем все настоятельнее думал о трактирах. Целой сети трактиров, кафе, булочных и т. д. со своим-то сырьем (дешевым и даже бесплатным), да крепостными работниками, недорогими, хотя и не бесплатными, людям тоже надо питаться. Но и не очень-то, поскольку много жрать вредно.

Думаете, много ли можно получить прибыли с изготовления и продажи хлеба? Так вот я вам скажу — до хренищи и его немного, если зерно у крестьян ты получаешь бесплатно (или, по крайней мере, задешево), а продаешь покупателям в центр столицы дорого. Главное, не особо промедлить и не лопухнуться!

Ну и, наконец, третий сектор. Ведь, как и любой торговец и спекулянт, Андрей Георгиевич не только должен покупать или получать от крестьян, но и продавать им же городские товары. Это и деревне выгодно (дешево и быстро) и самому помещику. Все же в свой карман падают денежки.

Здесь продавать можно, э-э, в принципе, все. Деревенская продукция, если и имеется, то по цене и, особенно, по качеству серьезно отстает и сравниться не может. Главное, думая о сиюминутной наживе, не придавать своих же людей. И, скажем, не просто металл продать, а продать его кузнецам, обговорив у них небольшую наценку. Продавая ткань и изделия из него, не позволить крестьянам задушить собственную продукцию.

Что там еще? В сущности, крестьянская промышленность в XIX веке уже захирела и ее было мало. Но она все же была и попаданцу не хотелось быть именно тем человеком, который окончательно уничтожил ее. Хотя бы и в масштабах одного поместья.

— Вот так-то Федор и будем жить! — вслух пообещал он своим спутникам.

— Господи Иисусе! — даже испугался бывший кучер, временно повысившийся (понижившийся?) до охранника. В поместье ему жилось хорошо. По крайней мере, кормили так, что у него появилась какая — никакая складка на животе. Барин обещался женить и даже показал местную девку. Та, правда, оскорблено фыркнула, но это ничего. всякая кобылица с норовом, пока не становится лошадью. И у людей девка гордая пока не становится семейной женщиной. А женщиной она, между делом, быть хочет, хоть и боится. так что милая, давай с божьей помощи в церковь, а там и в свадебную постель.

Все хорошо, но эта грязь надоедливая...

— Все хорошо, Федор, эта грязь весенняя, она с ней и уйдет. А летняя грязь легкая, необидная, почистишься у речки, сапоги помоешь и все... а это еще что за ерунда?

Последнее относилось, разумеется, не к Федору и уж тем более не к Гавриле. Едва только они проехали конным немедленным шагом небольшую березовую рощу, как буквально врезались в какую-то карету. Та была замазана грязью до верхов и даже частично сломана, но с претензией на роскошь. По крайней мере, сусальное золото и инкрустация красным деревом виделись даже сейчас. Но что особенно важно, на роскошной, с изяществом, дверце явно виделся герб Татищевых.

И, похоже, карета, сломавшись, банально застряла в непролазной весенней грязи. Или застряв, сломалась. Но что они тут делают, и карета и ее пассажиры?

Андрей Георгиевич, естественно, ненароком слышал, и не по разу и от чиновников, и от своих крестьян, что неподалеку у Татищевых есть сравнительно небольшое поместье. Но Настя о нем упоминала, к тому же, ей, горожанке до последней косточки, совсем не хотелось ехать в деревню, да еще спорную с дядьями и кузенами. То есть ныне правящий император Николай I поместье это у ее родственников отобрал, но самой Насте не дал под предлогом отсутствия мужа.

Ну и кто там у нас? Конечно, могло быть и так, что это был все же один из братьев, поехавший по имениям с весенней инспекцией, но опять же что-то он сомневается. И в качества доказательства ненароком в отблеске окна увидел юную горделивую голову фрейлины Татищевой. Вариант с ее дядьями был немедленно отброшен.

— Ура, ребята, в рукопашную! — театрально взревел Макурин и выстрелил в воздух в очень даже кстати оказавшемся пистоле.

Выстрел был оглушительным. Он чуть не оглушил самого собственника оружия и перепугал всех — немного позади помещика и от состояния обморока впереди в карете.

Но Макурин был неумолим:

— Вперед, мои люди, будем жестокими и добьем этих вероломных разбойников!

С козлов явственно послышалось женское «Ах!»

Тут надо иметь в виду, что при дворе Александры Федоровны в это время очень даже увлекались французскими романами об амазонках. И почти все фрейлины обзавелись слугами женского пола, типа воинственными амазонками. Вот и Настя посадила на козлы кучериху, а не кучера. Иначе бы черта с два они так легко застряли в этой все же условной, но полевой дороге.

Да и сам он держал себя поумереннее. Война 1812 года уже прошла и что такое народная дубина и как она лупит всех, даже дворян, знали все и, тем более, попаданец.

М-да. Но мужчин все же не было, а женщины оказались классическими, то есть не драчливыми и не готовыми драться со злобными аборигенами.

Однако, грязь, как тормозящий фактор, действовала не всех и даже Ворон — жеребец жожака лютых воинов, он же мирный местный помещик — шел более чем тихим шагом. А его «храбрые ратники» — Федор и Гаврила — отнюдь не рвались впереди их, как оказались, воинственного барина.

Поэтому нападение развивалось с позорной медлительностью и даже обороняющимися робкими женщинами надоело ждать и падать в обморок. С козлов кареты поднялась какая-то хворостина с белым платочком, а потом показалось смазливое личико Марьи — довольно юной еще дочери кучера Насти и теперь, как видимо, сама ставшая кучерихой.

— Эй, барин, Андрей Георгиевич! Ваше высокоблагородие, мы свои! Это барыня Анастасия Татищева проезжает из своего поместья!

— Не знаю, не знаю, — нарочито суровым голосом проворчал Макурин, — знакомые, а тайком проезжаете по моим землям, воруете ненароком.

— Ах, барин, напрасно вы так, — сладко запротестовала Марья, сама меж тем поднялась с козлом и показала хорошенькую фигуру. Впрочем, показала больше не помещику, его молодым спутникам. Она, девушка городская и даже из императорских слуг, субординацию знала хорошо и, тем более, не собиралась становиться соперницей своей хозяйки.

Андрей Георгиевич в это связи, даже не обращая на престонародную прислугу, твердо открыл дверь кареты. Там, ха-ха, вот это неожиданность, оказалась его невеста Настя. В обмороке она не оказалась, по крайней мере, уже в нем не была.

Макурину она просто робко улыбнулась. Выстрел около кареты, грубые крики, явное многолюдство слегка припугнули барышню или, хотя бы, заставили ее оробеть. И пусть это был очевидный жених со своими крепостными, на всякий случай она будет милой девушкой. Покапризничает она потом в поместье и в строго обязательном порядке, чтобы его привезти в себя.

— Ба, Настюшка! — как бы узнал ее Макурин и сильно удивился, — какими судьбами вы в нашей провинциальной глуши?

Настя только улыбнулась, то ли робко — вы такой грубый, а я, милая барышня, здесь одна, то ли злорадно — я тебя и здесь найду, не спрячешься!

Впрочем, Андрей Георгиевич не искал различные чувства в пойманной беглянке. Внешне равнодушно, но бережливо он вытащил ее наруках из кареты и водрузил к себе на коня.

— А-ах! — нарочито жалобно застонала она на это. Но небрежное помаркивание

кучерихе Марьи показывало — все идет по плану. По ее плану и, значит, именно она победитель!

А помещик меж тем думал, кто возьмет на лошадь Марью. Оставлять ее одну не стоит. Она — простолюдинка, к ней будет отношение куда хуже, проходившие мужики побьют еще ненароком или насильничают. Нравы в это время были очень простые, а ему придется извиняться, если ее прислуга нечаянно родит в ходе этого приключения. А он обязательно будет виноват, как пить взять!

С другой стороны слуг у него двое и оба с сильными конями, сами крепкие и еще молодые. Хотя Федор уже как бы имеет невесту Катю. И такую красивую, что у самого слюнки текут. А вот Гаврила же холостой и вроде бы совсем без знакомой девки. Решено, так и сделаем!

— Гаврила, подсади Марью, да неси ее на своем коне. Нечего ее тут оставлять, забоится. Да держи крепко, не потеря! А ты, Федор, скачи налегке вперед, от моего имени возьми людей и коней, сколько надо, притащите эту карету в каретную.

Кажется, всех разделил и все довольны. Нет, девушки, разумеется, ругаются негромко — Настя выдает жениху, Марья — Гавриле — но спокойно и с мест своих не рвутся.

Федор относительно быстро для такой грязи проскакал — поковылял по еще невспаханному полю, а два всадника — Андрей Георгиевич и Гаврила поехали не спеша, уберегая и своих спутниц, и лошадей.

В поместье он поместил, разумеется, гостью по ее благородному статусу — на первом этаже, в гостевом покое, поместив туда же в качестве прислуги Марью и дав еще двух сенных девушек. А то ее кто знает, что ей надо?

Авдотье было приказано выполнять все капризы гостыи. А для большего стимулирования хозяин ей сказал, что девушка его невеста и намекнул, что очень даже возможно, что жена. Ничего ведь соврал, правда?

Настя была очень любопытна, если не сказать пронырлива. В каждый закоулок и избенку она совала свой прелестный носик и требовала дать пояснения. При чем экскурсоводом должен был быть сам хозяин.

— Милый, — как бы невзначай сказала она уже в первое утро, — меня, как дворянку и приличную девушку, должен обязательно сопровождать благородный человек. Распорядись, пожалуйста!

А что распорядись? Он здесь один дворянин, остальные простонародные крестьяне в населенных пунктах и в помещичьем доме!

Спали, между прочим, как и положено невенчанным — она в гостевом покое, а он в своей постели. Но утром она пришла к нему рано, когда он еще был в дезабилье и сонный, лежал в собственной постели. Все же невеста, не чужой человек. Немного целовались, тоже в таком же ракурсе.

Авдотья — балда, а может быть, проницательный человек — растрезвонила всем слугам о тихо сообщенной новости хозяина, что ему пора жениться и эта девушка может быть его женой. Новость была сенсационной, но отнюдь не невероятной. Барину было уже за двадцать — по тем временам почти старик для этого дела. Известные красотки, почти наверняка ждавшие, по примеру Аркадия Митрофановича, приглашения в его постелю, разочарованно вздохнули, а остальные представители слабого пола в два глаза и в два уха ощущали, принимали и даже вынюхивали за господами.

Настя отнюдь не дурочка, жившая все детство в поместье, пусть и в чужом, быстро все

поняла и только похихатывала, передавая происки слугам.

Были ли это или по вынужденным эмоциям — ей некому было говорить, кроме него, или с каких-либо дополнительных намерений, но Андрей Георгиевич слугам энергично, хотя и без битья, объяснил, что невеста его не актриска какая и не любит большого внимания.

А так, поместье Насте понравилось. Детали передачи, конечно, ей не передавали и она откровенно удивлялась его активной деятельности. В имениях Татищевых в основном всем этим занимались управляющие. Впрочем, и сами Татищевы, если хотели, вникали в хозяйственные дела, и Настя благосклонно щипнула его за мочку уха (не больно).

Больше ей здесь было делать нечего. Погода барствовать не позволяла, было сыро и весьма прохладно, с девками она быстро разобралась, узнала даже неудачную попытку Катерины. Что же еще? Плотские утехы до венчанья им были запрещены и общество в лице Андрея Георгиевича, Николая I и Александры Федоровны активно об этом и говорили и запрещали. Оставалась только жрать и пить, что категорически было запрещено самой Настей. Диета-с!

Третьего дня девушка стала интересоваться состоянием его кареты и проезжимостью дорог в Санкт-Петербург. Слава богу, он выиграл это состязание с невестой!

Глава 8

Конечно, он не стремился сегодня же отослать нежданную гостью из поместья. Во-первых, она могла бы страшно обидеться и отказаться уезжать из принципа. Во-вторых, он имел к ней определенные чувства. Это была еще не твердая мужская любовь, а ветреная эмоция легкомысленной молодости. Нет, Андрей Георгиевич чувствовал, что к нему пришло тяжелое и всевластное понимание, что без нее он уже жить не может и лучше бы она совсем жила под его боком, вселила бы, любила, мешала, в конце концов!

И потом эти весенние дороги с их ледяной водой и грязью, когда на зимних санях уже поздно, а на летних каретах, на одной из которых имела глупость выехать Настя, еще рано. Российские дороги имели такое состояние, которые называли одним словом — непроезжаемость.

К тому же Андрей Георгиевич совершенно случайно узнал об одном якорь, который, в общем-то, надежно привязывал невесту к поместью. Ее служанка Марья! Точнее, ее сильная обоюдная страсть с Гаврилой. Вот ведь успели!

Когда помещик на правах хозяина прижимал его к крепостной невесте, он ничего серьезного не имел. Ну, надо было, честно говоря, разделить двух девушек, чтобы непрестанно целоваться ему с Настей. И потом, от застрявшей и, кажется, даже сломанной кареты ей же надо было как-то добираться? А в поместье, когда служанка мешала уже обоим, и он только попросил дать ей временно дополнительное жилье, он же не говорил подселить ее рядышком с покоями Гаврилы? Он как раз заселился даже не комнату, а в закуток и получил возможность приводить к себе девок.

Что уж там у них случилось, но Гаврила пришел с красной щекой, видимо, от крепкой затрепачины, а Марья невзначай показывала, когда не осторожничала, приличный засос на шее. И оба такие шалые, но прямо-таки весенние зайцы на грядке. Как тут их разделишь, если такая лубофф!

Уже на второй день (!) Гаврила бросился к нему в ноги с просьбой разрешить жениться. М-да, что же тут будешь делать. Макурин лишь спросил о благословении родителей, Гаврила ответил, что уже благословили — и кнутом за поспешность и иконой, что б была крепкая любовь. На всякий случай поинтересовался он и согласием его любви. «Жених» только усмехнулся. Его благоверная, если надо, сама потащит под венец своего избранника.

Что тут скажешь? Сам-то он разрешение барина даст легко. Сложность в том, что молодые были крепостные разных барин. Точнее барина и барыни, но все равно разных. Пришлось Андрею Георгиевичу надевать так сказать дипломатический фрак и идти на переговоры.

Нет, сложностей здесь особых не было. Обе девицы — барышня и служанка — сидели в позах счастливых подружек и лили радостные слезы. Ну он их насильственно разделил. Причем Марью, после того, как она категорически отказалась «понимать» Макурина, пришлось просто вынести из покоев барыни и передать из руки в руки жениха с жестким требованием не мешать «их благородиям» говорить. А после этого в перерывах между поцелуями провести блиц-переговоры.

«Барыня», счастливо всхлипнув за свою служанку, согласилась продать ее за символическую плату в пять копеек серебром, но с тем условием, что она останется у ней в услужениях.

Андрей Георгиевич, конечно, согласился. Они все равно вскоре сами обвенчаются и будут мужем и женой для государства и перед Богом. И все имущество у них станет общим.

Настя опять всхлипнула, уже за себя, и нежно его поцеловала. На что, разумеется, Макурин не смог не ответить и поцеловал ее сам. Поцелуйный обряд занял у них довольно длительное время, после чего они окончательно решили, что «перекупят» Марью уже в Санкт-Петербурге. Можно, разумеется, и в уездной канцелярии совершить этот акт справедливости, только зачем? Все одно, приезжать в столицу, где Настя будет жить постоянно, а Андрей Георгиевич пока временно. Там Гаврила с Марьей обвенчаются и проведут первую брачную ночь. Попаданец, правда, подозревал, что первый секс у них уже был, но греховные мысли держал при себе. Ведь вскоре обвенчают молодых и кто потом будет попрекать мужнюю жену в потере девственности? Да и дети всяко появятся уже в церковной связи родителей.

А в амурных шалостях своих слуг они не ограничивали. Да и некогда было. Настя постоянно рыскала в Березовом или хотя бы была в каретном сарае, где тщательно наблюдала за неспешным ремонтом кареты.

У Макурина, оказывается, был неплохой каретный мастер, купленный еще лет двадцать назад прежним баринем Аркадием Митрофановичем. Сейчас он, к сожалению, уже был староват, сед и немного глух, но при помощи двух подмастерий успешно выполнял заказ высокопоставленной для него гости.

Подмастерья, эти, кстати, были выданы буквально на днях лично Андреем Георгиевичем. То, что он не знал про мастера в поместье, был его промах. Но он его исправил энергичными действиями. Мастеру Илье была дана красненькая бумажка для стимулирования при ремонте кареты и одновременно учебы подмастерий. Барин ему и дальше обещал «обильный корм» и доброе жилье за хорошую работу. При этом, «если покажется» ему была посулена мастерская в уездном центре, оные подмастерья и дополнительно кухарка.

В этих хлопотах Андрей Георгиевич не раз вынуждено, как это тогда говорилось, ехал в уезд. Дела требовали и по каретной мастерской, перемещающейся туда, и свадебные проблемы Гаврилы с Марьей, требующих бумаг по каждому движению, и текущие вопросы поместья, и наконец, собственные прожекты Макурина.

Буквально каждый клик пальца требовал строжайшего согласования с государством. Россия была Россией хоть в XXI веке, хоть в XIX. Другое дело, что в будущем будущей попаданец был и не последний, но все же рядовой гражданин, которого бюрократические служители могли пусть и вежливо, но отодвинуть. Люди то все обычные, то есть подвигнуть их было без особого страха. А в настоящем прошлом Андрей Георгиевич был чиновником свиты его императорского величества и камергером двора того же государя. То есть в провинции он был если и непосланником с небес, то где-то около того.

Одетый при помощи служанок и под строгим руководством Насти, увешенный наградами, пусть и не многочисленными, но какими! Один только наградной портрет государя императора Николая I весил больше, чем все награды местных чиновников вместе взятых причем в несколько раз. Ведь их им давало вышестоящее начальство, такое же мелкое с точки зрения престола, как и сам награжденные, а портрет вешал сам император в связи с личными услугами. Это с величественным апломбом сообщила его невеста. Пусть на самом деле все было значительно иначе, кто осмелится спросить.

Невеста Макурина была фрейлина императрица со звонкой фамилией Татищева. Ее

даже не спрашивали о предках и об имени. Достаточно было уточнить, того самого рода? И после положительного и весьма надменного кивка все уважительно кивали. Тот самый род, знаменитый и именитый, когда-то ставший в родстве с императорской фамилией!

В общем, эта была еще та чета, уже почти семейная, которая появилась здесь почти случайно и почти так случайно их сметет, даже их не заметив их. Высший свет! Она вся такая волшебная и чудесно-прелестная, он — вежливо-важный и куртазно-надменный, с одними лишь портретом государя императора и нашейным орденом святой Анны II степени, Ах!

И только незаметно и благоговейно посмотрев на них издалека, а кто по чину и по должности и поближе, но так же почтительно, служители, как можно быстрее решали их так сказать просьбы, разумеется, положительно и с почтительной улыбкой.

При чем провинциальные чиновники, естественно, были люди не всевластные и все решить не могли, как бы не желали. Но ведь и Андрей Георгиевич не вчера появился в XIX веке и практически все понимал, что могли сделать уездные чиновники, что столичные, а что низайше требовалось подать только самом августейшему монарху.

Так что все его прошения (заявления), некоторые месте с невестой благородной помещицей Анастасией Тагищевой, были приняты, рассмотрены благоприятными резолюциями возвращены.

Гаврила и Марья отправлялись в столицу, как поданные уезда. Даже Марья, что б без недоуменных вопросов столичных. Хоть, хотели поначалу бумаги сделать в уезде, но ах! Кроме того, официальные бумаги на варницу соли с дополнительными предприятиями. Разрешение на создание и работы каретной мастерской. Даже бумагу на каменное здание на всякий случай вытребовал Макурин. От него ее еще не требовали, но он знал — рано или поздно дойдет и до этого. Бюрократия она всеильна!

А вот попа (священника) он так и не нашел. Служители уездной канцелярии только руки развели — такого-с не держим, а у архиерея опять подбодрили — найдем, но не скоро. Православная церковь на Руси тысяча лет стояла и еще простоят и нам нечего торопиться!

Так-то оно так, только он, собственно, не о церкви беспокоится, а о людях. Вон вчера Аким к нему пришел с беспокойством, что завтра он не будет. Отец умер. Родитель у Акима, который сам старый, совсем уж был престарелый, оставалось только радоваться, что отправился на небес на ангелах. Но вот как хоронить. Либо на чужой погост, за три девять верст, либо просить батюшку соседних церквей за большие деньги отпевать.

Управляющий Аким ничего не сказал — знал, что барин старается, что есть сил. Сам застенялся. Давит его мирское, все доходы да прибыли. А ведь Господь сам к нему был добр, из миллиардов даже не людей, существ (!) выделил и помог. И сегодня, когда архиерей сказал ласковое и оптимистичное, но вообще-то пустое, поймал его служку из монашеского чина, спросил, нет ли тут кого из надобных людей в попы в церковь в Березовое.

И, чтобы думалось легче, сунул синенькую бумажку, то есть пять рублей ассигнациями. Служка деньги вроде бы не заметил, но остановился и задумался. А потом вышел итог мыслительной деятельности. Мол, у попа уездного собора Святой Богоматери Афанасия сын есть на старших курсах Санкт-Петербургской семинарии. Нраву краткого и рассудительного, а знаний хороших. Часто бывает у отца и даже помогает ему в службах.

Андрей Георгиевич думал недолго. Настя с Марьей и увязавшего с ним Гаврилой будет еще час, не меньше. Все одно окажется на роли бездельников, ждущих у моря погоду. Так что и он нашел себе занятие самый раз. Пришел к искомому собору Божьей Богоматери как

раз вовремя службы. Лепота!

В XXI-то веке он и в богу не верил и на церковные службы время не находил. Век был такой, суматошный, бестолковый, безбожный.

А Бог любит тишины и спокойствия, чтобы душа твоя отогрелась и отдохнула и уже потом потянусь к вышней молитвы божественного благоволения.

Он до того присмотрелся, прислушался к службе, что не сразу почувствовал, что кто-то шустрый начал позади поглаживать его руку.

Вор! Грабят — крадут — убивают! — мгновенно пронеслось в голове. В панике он не нашел ничего лучшего, чем сначала выйти из церкви, а уж потом оглянуться.

«А если будет вырываться, то в миг в морду!» — мстительно подумал он, покрепче держа руку незнакомца.

Его невидимый собеседник ничуть, однако, не стал рваться, послушно идя за ним. Впрочем, шли они буквально шагов десять и оказалось на улице. Здесь уже было можно о греховном.

— Милостивый государь! — надменно начал попаданец. Впрочем тут же и закончил. Оказывается он вел за руку спую удивленную и уже обозленную невесту.

— Милостивый государь! — спародировала она его, а потом почти заорала, — куда ты меня тащишь? Я просто взяла его за руку, а он, как ничем не бывало, потащил куда-то в безлюдное место. Подлец! Негодяй! Насильник!

Андрей Георгиевич просто опешил. И как он сейчас ей скажет о возможном воровстве, когда она превратилась уже в полноценную фурию? Мда-с!

Священник собора отец Афанасий прекратил ссору, но, судя по лютному лицу, лучше бы они продолжали ругаться. Настя, копя в себе негативную злость, еще более злилась.

Меж тем отец Афанасий сам заговорил о нужном Макурину разговоре. И он даже обрадовался тому, что она ушла. Потом поговорим, вернее разоремся.

— Да, святой отец, я тоже хотел поговорить об этом, — согласно заговорил он в ответ на слова священнике о том, что он бы хотел давно познакомиться и побеседовать о церкви его поместья.

— Вот и мой сын, — обрадованно произнес отец Афанасий при виде своей молодой копии, — разрешите вам представить, как, кстати, вас назвать, ваше благородие?

— Ах да, — спохватился попаданец, — разрешите представите — Андрей Георгиевич Макурин, надворный советник свиты его величества, камергер двора.

Наивный этот житель XXI века, наверное, подумал, что представился и все. Ага, это все равно, чтоангел представился ангелом как бы невзначай и стал ждать, оглядывая.

Отец и сын, священник и будущий священник, дети XIX века, стали вести, как соответственно обыватели этой эпохи. Несмотря на свой сан и церковную должность, они вначале от неожиданности замерли, а потом принялись говорить, как младшие со старшими. Макурин сначала пытался усювестить их, потом осерчал, потом устал и смиренно стал ждать.

Отец Афанасий, у которого оказалась светская для государства фамилия Смирнова сначала с многочисленными извинениями, представился сам, как священник уездного собора, а потом указал на сына — Дмитрий Смирнов, ученик старших курсов Санкт-Петербургской семинарии.

— Вот и хорошо, — благодушно сказал Андрей Георгиевич. Представление, которое обычно занимало минут пять, теперь растянуло добрых полчаса. Но ведь закончилось же и

это было хорошо! — я, собственно, зачем к вам пришел? Помолиться с богом в соборе и со своей доукой пристать.

Он сделал паузу, предоставив собеседников возможность ответить. Священники — настоящий и будущий — отреагировали как и положено — с оживлением и с большим интересом. Андрей Георгиевич продолжил:

— Государь император соизволил предоставить мне достаточно большое выморочное поместье. Оно довольно неплохое, но с проблемами. И одна из них такая — в поместье ни в одном селении нет церкви. Крестьяне живут, как басурмане какие. Вот пока в Березовом строю церковь и ищу священника. Как вы?

Макурин обозначил проблему, указал вопрос и замер в ожидании. Теперь был их ответ. Старший Смирнов благодушно ответил, поглаживая обширную бороду:

— Богоугодное дело начали, сын мой, Бог вас не забудет. Я так понимаю, вы хотите предложить моему сыну место?

— Да святой отец, — закивал Макурин, — очень нужен мне священник в местной церкви. Люди у меня хорошие, доброго поведения, но в духовном пастыре нуждаются. Как вы... отец Дмитрий, поможете?

Молодой Смирнов заметно вздрогнул, услышав оговоренный сан, неположенный еще для него, но весьма желанный.

— Я готов, ваше высокоблагородие, предлагайте! — твердо сказал он. А как же, не каждому выпускнику семинарии дают такое сладкое, пусть и ответственное место! Выпускников много, а церквей мало.

— Я хочу, отец Дмитрий, чтобы вы заняли место священника церкви в селе Березовом — будущем волостном центре.

— Да, я слышал о новой волости, — кивнул старший Смирнов, — и сын мой готов к этому светлому подвигу. Но есть некоторые препятствия.

Макурин был к этому готов. Церковь ведь существует и в XXI веке, и хоть ее особо не касаешься, но некоторой информации касаешься.

— Скажите, конкретно, какие, — уточнил он с легкой улыбкой, — я думаю, мы сможем совместно их преодолеть.

— О, ничего сильно страшного, — успокоил отец Афанасий, — видите ли, Дмитрий еще семинарист. К тому же и из-за молодого возраста не женат. И теперь даже без невесты. Разругались вдрызг и вроде бы на всегда.

На лицах всех трех мужчин появилось одинаковое выражение «ох уж эти женщины»! Потом Андрей Георгиевич мягко сказал:

— Кажется, с семинарией можно решать с отцом архиереем, ну а с женитьбой мы сами поторопимся.

— С семинарией можно только через местного блаженного архиерея, — подтвердил отец Афанасий, — только вы, как хозяин сих мест, хлопайте. Иначе никак. А с женитьбой вы, ваше высокоблагородие, зря так легко посмотрели. У Дмитрия сейчас нет даже невесты, а уж тем более жены. Без того же никак, даже Священный Синод не может рукоположить на нашу просьбу осветить неженатого священника.

— Я сейчас же отправлюсь к блаженному архиерею, — согласно ответил попаданец, — или даже так, мы с вами отправимся и обговорим. С невестой же так — мы не будем никуда обращаться. Каноны нужно уважать. Тем более в Березовом больше сотни девок ждет не дождется своей свадьбы.

Ход помещика, довольнопростой и бесхитростный, для Смирновых почему-то был неожиданным.

— Как так? — засомневался старший из них, — а как же твоя любовь Агафья останется?

Макурин их понимал, впервые очередь сына. Это влюбится легко, а разлюбится ой как трудно.

Помог сам Дмитрий:

— Бог с ней с Агафьей, она уже под венцом, а значит, необратимо прошлое. Но я, надеюсь жена моя будет добровольной и хотя бы не уродкой?

Голос Дмитрия был тверд и ровен, но в конце прозвучала такая печаль, что оба собеседника потупились, а затем активизировались.

— Богоматерью преславной клянусь, — помещик размахисто перекрестился, избранница твоя пойдет под венец добровольно, сама будет пригожа лицом и телом, а характером добра.

— А я, — поклялся отец, — приеду на свадьбу и сам буду не только венчать, но и стану невесту подбирать. Как Дмитрий?

Младший Смирнов в знак согласия лишь поклонился. Сначала отцу, затеем помещику.

Ничего, стерпится — слюбится!

С архиереем, как и рассчитывал Макурин, им далось договорится легко. Преподобный остался доволен, что, во-первых, все обошлось без него, а во-вторых, избранник свой же и он даже его знает.

Он пообещал, что самолично приедет в к митрополиту Санкт-Петербургскому Даниилу и все обговорит.

Андрей Георгиевич учел это, но помня поведение архиерея, решил его подстраховать. Пусть у него будет этот священник!

А потом домой на бричке. На одном конце Гаврила и Марья, такие близкие и добрые, хотя еще и невенчанные, слева насупленная и злая Настя, а в центре сам Макурин — важный и деловой.

— Фе-едор! — позвал он протяжно, — больше никого ждать здесь не будем. Поехали, милый!

Впрочем, не надо так уж буквально понимать. Поехал он, как и его невеста Настя не сразу, два оставшихся дня до письменной работы в Зимнем дворце были в чем-то и спокойны, и тревожны. Спокойны, потому как тихо все было спокойно в поместье и вокруг уезде в губернии. Хочется зевнуть и снова отвлеченно спать. А тревожно, потому как должностные обязанности помещика были как у председателя советского колхоза — от утра до последнего забора. Знай вкалывай да нервишки тревожь, а отдачи в обще-то почти никакой.

Единственный огромный плюс — нет у тебя партийно-политической подоплеки и партийно-административных органов наверху. Сам себе режиссер, захотел направо — пошел, захотел налево — пожалуйста.

Стоп налево! Настя не разозлилась? Ух, все равно не видела. После вчерашней поездки она долго, где-то часа два, а может даже три, молчала. Дулась, гордо смотрела куда-то в сторону. Потом ходила куда-то со своей подружкой — охранницей куда-то недалеко.

После этого неожиданно заговорила сама:

— Смотрю я на тебя — сволочь — сволочью, обычный нахал, которому нахамить, все равно, что посмотреть. А окружающие тебя любят. Вот и государь — император в тебе души не чает. И крестьяне любят. Как так?

Андрей Георгиевич оглянулся и, не увидев никого, нежно поцеловал ее в губы.

— Да-а, — протянула она, еще не готовая сдаваться, — со мной-то легко мириться. Поцелуешь и я сразу лапки кверху.

Но он был совершенно с ней не готов ссориться. На плечах и так было хозяйственных дел по поместью, финансовых забот по будущей семье. Да еще государь Николай I то и дело озадачивал отдельными поручениями, то близкими к поместью, а то и совершенно далекие. И, конечно, личные проблемы. При чем, пока Настя здесь, они останутся наиважнейшими.

Попаданец вдруг видел, что и в XIX веке жизнь может выходить в галоп, как злющий жеребец и иногда надо самому дать шенкеля и вдруг поскакать.

— Знаешь, Настенька, а давай мы с тобой в конце — концов поженимся.

От этих слов она сразу забыла о злости и грусти и, кажется, даже, кажется, о самой ссоре.

— Я тебе давно говорила, — попрекнула она, потом что-то вспомнила и спросила: — а когда, милый?

Вот это, наконец, деловой разговор! А от все попрекать. Что за эти женщины — прекрасные, но какие нудные!

— В начале лета на Троицу. Не поздно? — ответил он осторожно, помня о том, что она постоянно его подталкивала. Но оказалось, что он грубо ошибся на целую версту, если не больше.

— Ты с ума сошел? — счастливо задохнулась Настя, — свадьба это замечательно, но ведь мы не успеем подготовиться!

Андрей Георгиевич пожал плечами. Наглядевшись на чужие свадьбы в XXI веке, он считал, что главное у жениха должно быть три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. А все остальное? Свадебные кольца можно купить в магазине или как его тут называют, водки и закуски в ресторане, свадебный наряд, если невеста закапризничает, у модной портнихи. И

катись все остальное к лешему. Моя свадьба, как хочю так и провожу.

Однако, точка зрения невесты сильно отличалась и Андрей Георгиевич чувствовал, что именно она и станет доминирующей.

— И что же мы не успеем, — устало спросил он, — подметки прошить потщательнее, чтобы все об этом мечтали?

Настя только ужаснулась и начала перечислять. На списке приглашенных родственников он перестал слушать. Ну почему бабы любят так все усложнять?

— Последний срок — Ильин день! — категорически заявил жених, прервав длинный спич Насти о неготовности свадьбы.

— Ты меня не любишь! — отомстила она в ответ, — вообще вам, женихам, лишь бы плотские утехи! А о нас не думаете.

Андрей Георгиевич хотел было достойно возразить, но вовремя успел заметить бесенят в ее глазах. Да она просто дразнит меня, пытаюсь вывести из себя. Вот ведь какая, м-м-м!

— Хорошо, я уступлю тебе, — ответил он, — свадьба будет где-то в Ильин день, не позже.

— Ну и что же ты мне уступил? — обидчиво поджала она губы.

Ну, матушка, мы тоже так можем!

— Первоначальная дата была Троицын день, — преувеличено почтительно серьезно напомнил он Насте.

Та было уже открыла рот, чтобы устроить очередную историку, но догадалась:

— Ты меня дразнишь, нехороший пердикль!

Макурин не стал с ней разговаривать. Если есть время и желание, с женщинами можно болтать сколько угодно. Взамен этого он схватил ее в объятие и снова крепко ее поцеловал.

Так их и увидел Аким. Андрей Георгиевич его не постеснялся. Настя тоже. Будут они еще крепостных бояться. Собак же не стесняются?

Аким, кстати, тоже не постеснялся. Это барские дела, он туда не влазит, своих дел полно, только успеваешь отмахиваться.

Но Настю он все же отпустил на землю, то есть на второй пол помещичьего дома. Делас!

Девушка попыталась отбиться от жениха, но он повел себя как настоящий сатрап — помещик. Сел в большом жестком кресле, прижал рядом Настю и после этого предложил управляющему доложить о нужных вопросах.

Аким сначала начал с какой-то невероятной ерунды — спросил помещика, не будет ли его высокоблагородие руководить полевой страдой. Или мужички могут сами. Как понимал попаданец, хитромудрый Аким еще раз решил посмотреть на уровень самостоятельности крестьян. А то мало ли что барин говорил, потом будет сердчать, ругаться, что помещика совсем не ставят.

На это его высокоблагородие помещик Макурин изволили сказать (надо ж постебаться, хотя и про себя), что крестьяне могут работать самостоятельно. Барщина окончилась совершенно.

И в знамение этого вкусно поцеловал Настя в обе щеки. Хотя как была связана столбовая дворянка в невесть каком колене с чужими крестьянами, он бы не смог сказать, наверно, сам.

Невеста запоздало и при этом очень нехотя отмахнулась. Девушке весьма нравилось так сидеть в объятиях жениха (ах, почти мужа!) и слушать хозяйственные заботы.

Все это Андрей Георгиевич свои довольно-таки старческим разумом понимал и поэтому, не обращая внимание ее руки всего лишь мило улыбнулся и скомандовал Аким, мол, давай еще.

Дальше управляющий стал действовать более разумно, а дела помещику ставили реальные. Они немного порасуждали о развитии пчеловодства в поместье. Лаврентий все же увеличил количество семей, правда, только до примерно трех сотен, зато ульев купил аж пять сотен. Аким сообщил, что Лаврентий попал на распродажу ульев и накупил на все деньги.

— Заем бы ему, — почтительно доложил Аким, — а то совсем без денег мужика оставили.

Что же, сам пообещал. Кивнул головой, — мол, помню и поскреб в кармане ассигнации. Надо бы, конечно, на свадьбу, но уж как-нибудь выкрутится. Пчелы пока важнее.

Однако Аким его и удивил, и обрадовал. Не беря деньги барина, он как-то оценивающе на него посмотрел и как бы в раздумье сказал:

— Авдотья, видать, не сказала. А может и не знала совсем.

— Что, Аким? — строго спросил Андрей Георгиевич, копчиком чувствую какой-то денежный секрет. Даже Настя вдруг вывернулась из его рук и посмотрела на управляющего. На чужого пока, между прочим, управляющего!

— Дык, ваше высокоблагородие, — пояснил Аким, — старосты-то все знали. Я сам тогда старостой Березовой был. Аркадий Митрофанович, как-то раз, когда он вдруг начал заниматься хозяйством, оказался без денег. И строго повелел оставлять десятину от всех денежных доходов на тайные запасы — в денежную комнату. А то вдруг барину денег снова надо будет.

Запас тот стали докладывать. А потом и старый барин сильно заболел и умер. Видно забыл об этих деньгах. А может и не захотел трогать. Барин ведь говорил, что у гроба карманов нет. Вот и лежат эти деньги

Ха, вот же ж! не поместье, а сонмище старых секретов!

— Это черт знает что! — пожаловался он Насте, — от барина прячут, каналы!

Возглас был из такого рода, когда от окружающих не требуется отвечать. И сказав, он даже не стал ждать отклика. Поерзал в кресле, как будто напоролся на гвоздик, вздохнул и велел:

— Веди уж, молодец, раз разговорился. Посмотрим, сколько там денег.

Втроем — помещик, Настя и Аким — прошли в эту «денежную комнату», благо была она недалеко — в секретном пристрое в помещение, где обретали любовницы Аркадия Митрофановича.

Андрей Георгиевич запоздало подумал, что не надо было показывать ее Насте, но было уже поздно. Мужчины пошли в секретный поход. Какая же женщина утерпит остаться?

В оправдании себе, он подумал, что все равно бы пошла сама. Так что пусть идет, милая. Может быть, ему хоть что-то за это зайдет.

Небольшое помещение метресок старого барина было обустроено скромно, но точно для женщин. Настя, разумеется, это сразу просекла и требовательно посмотрела на жениха.

Ага, буду я тебе все рассказывать прямо сей секунд! — подумал Макурин и сказал, чтобы отвязаться:

— Это еще до меня, милая. Я потом тебе все обязательно расскажу.

Настя встретила это известие весьма недовольно, но учла известие о дальнейшем

рассказе. А Андрей Георгиевич, руководствуясь указанием Аким уже начал искать вход в «комнату Аладдина».

Собственно ходить надо было немного. Требовалось открыть встроенный шкаф, вынести отсюда все дребедень в виде старых штор и простынь.

— Авдотья натащила зачем-то, — проворчал недовольно Аким.

Потом поискать ключ. Он был под небольшим ковром, практически ковриком, найти отверстие, куда можно было его вставить и вот оно — маленькое пыльное помещение.

Аким зажег предусмотрительно взятую свечку и они дружно ахнули — молодые люди восхищенно, старый управляющий с толикой гордости. Комнатка была без окон и потому темная и вдобавок пыльная, даже втроем здесь оказалось тесновато. Поэтому, не долго рассуждая, деньги, обтерев от пули, вытащили в «помещение любовниц», как прозвал его про себя попаданец

Сам он многого не искал. Пару — троек сотен рублей и это бы хватило, но в итоге здесь набралось почти пятьдесят тысяч ассигнациями бумажными банкнотами, золотыми и серебряными монетами!

— Ну и ничего себе десятина! — воскликнула Настя, — какой у тебя здесь доход?

Андрей Георгиевич тоже озадачено почесал подбородок. Поместье тянуло на примерно десять тысяч рублей серебром в год и никак не больше. Пятьдесят тысяч рублей даже ассигнациями в виде десятины за несколько лет это слишком много.

Аким, увидев некоторое недоумение господ, счел пояснить:

— Аркадий Митрофанович последних лет десять изволил беспробудно пить, а вместе с этим много играл в карты. Как он играл, видел я однась, пьян мертвецки, карты вдрызг. Но выигрывал, благо его благородные собутыльники были также пьяны. Деньги он обычно проматывал, но опять же десятину, по словам знакомых слуг нередко откладывал. Так что из этих денег в «денежной комнате» большая часть ему и принадлежала.

— Скажи, Аким, — выдал Макурин давно болтавшийся на кончике языке вопрос, — вы же, старосты, могли просто растащить эту суммы на всех, после того, как прежний помещик умер?

— Растащить? — вытаращил управляющий на него глаза. Видимо, такой вопрос никогда не приходил ему в голову и сейчас он на ходу сочинял ответ: — Аркадий Митрофанович человек был всякий, но все-таки барин он был неплохой. Да и не по-божески это, тащит общие деньги. Бог это не приветствует.

Да, а действительно Господь не примет, — подумал Макурин.

— Хм, а где там Леонтий? — громко спросил он в надежде, что этот слуга, непрерывно находясь на втором этаже или, хотя бы, рядом услышит хозяина и придет.

И точно, через несколько минут в проеме двери появилась голова Леонтия:

— Спрашивали, вашбродь? — почти испуганно спросил он. Видимо, где-то услышал, но не уверен, что это его спрашивали. И вполне был готов, что помещик обругает и выгонит.

Но Андрей Георгиевич только благодушно улыбнулся и поманил пальцем: иди поскорей!

Леонтий, обрадованный этим, показался весь.

— Видишь, эти деньги, — показал хозяин на груды банкнот, импералов, прочих золотых и серебряных монет, — они на нас сегодня буквально свалились с неба.

Помещик даже для пояснения показал вверх, в потолок.

Леонтий, поняв превратно, серьезно и недоуменно посмотрел туда.

Андрей Георгиевич, — смеясь, побранила Настя жениха, — не вмешивай сюда Господа.

Макурин, хотел было посмеяться, но вспомнил сон, так похожий на явь, собственный перенос на более чем две сотни лет и прикусил язык.

— Просто найти мешок, дерюжный или из грубой ткани, все равно, сложи в него деньги, Отнеси в него. Да не дай бог сумма усохнет, урою!

— Да, Господь с вами, благодетель вы наш, — обиделся Леонтий. И даже не угрозе помещика, вполне, в общем-то, реальной, а указание на воровстве такого уважаемого человека.

Макурин только махнул рукой. Что это он, дурак бестолковый, походит к людям XIX века, особенно к провинциальным крестьянам, где тогда моральные устои были особенно высоки, с принципами XXI века?

— Ладно, убедил! — рыкнул он так, что всем окружающим стало понятно — помещик раскаялся в своих словах и от этого им, особенно, крестьянам, может быть очень даже плохо.

Леонтий уже молча и без претензий притащил откуда-то из первого этажа мешок, очень грубоватого вида, но не рваный и чистый. Быстренько сгреб туда деньги и потащил мешок в кабинет. Только его и видели.

Аким, которому деваться было некуда, постарался встать незаметно. Будто был он и не был. Андрей Георгиевич даже засмотрелся на этого умельца хитрых манер.

— Пойди сюда, Аким, — наконец сказал он, — не бойся, не съем. Чем стоять, закрой лучше двери «денежной комнаты», пригодится еще. «Может и он когда-нибудь будет прятать от будущей жены деньги!» — подумал ненароком.

Вернулись в кабинет. Андрей Георгиевич сел как раз подле мешка с деньгами. На миг почувствовал себя Дедом Морозом с мешком с подарками. Посмотрел на Акима, напряженного после недавнего разговора с помещиком.

Надо с ним держать себя осторожнее, — пожурил себя Макурин, — ты для них здесь царь и даже, Господи, Бог. И ведь действительно можешь почти все и еще немножечко. А еще психология. Нет не рабская, придумал тоже, ты же не либерал XXI века, чтобы плевать в Родину. Консервативная, скорее, особенно после тридцати. Вот из этого и веди себя.

— Голубчик, Леонтий, — все ли в доме хорошо на нижнем этаже? — постарался сделать голос мягче и добрее помещик, — не замечено ли чего?

— Нет, вашбродь, все тихо, слуги не буют, бабы не визжат, а коли бы и попытались, я им вот! — показал он здоровенный кулак.

— Хорош, молодец, любого побьет, — с удовольствием подумал Макурин, — а что не совсем сметлив, так я буду за него думать. Почти как за рядового менеджера. Знай, ноги побыстрее да улыбка пошире.

— Вот тебе Леонтий, бумажка, — сунул он рублевую банкноту в руку слуги, — я тебе доволен. Можешь идти на свое место. Да Авдотье во время обеда скажи, чтобы налила тебе рюмку наливки.

Все, больше уже ничего не надо, он твой, — сказал себя попаданец, провожая его взглядом, барин доволен и даже дал денег.

Он сел обратно в кресло, посадил рядом Настю — та охотно прижалась к нему, чувствуя почти женой — и спросил управляющего, продолжая прерванный разговор, — а что, Аким, почем нынче улья? Я что-то не очень в цене в этих товарах.

Андрей Георгиевич, конечно, сильно смягчил. В ценах на товар этого века он совсем не разбирался. Но в этом его крепостной собеседник не должен разбираться. Не положено ему.

Аким думал также и без малейшего размышления сказал:

— Рупь серебром лучшие на базаре, ваше высокоблагородие, — помедлил, осторожно посоветовал: — ему и не надо больше четвертного билета давать. Перебьется.

И устоялся в помещика — а как осерчает, родимый на такие слова своего крестьянина? Но Макурин благостно улыбнулся, показывая, что не сердится. На словах же сказал:

— На днях пойду, гляну, там и определимся.

Вот как! И управляющего послушал и свое имя застолбил! Молодец ты барин, Андрюха!

Аким тем более был доволен, что помещик не только не разругался на него, но и почти послушал совета. Добрый барин!

Помолчав и поняв, что с пчелами ныне все, управляющий перешел к новым темам. К самой актуальной ныне — строительству мельницы. Впрочем, сегодня заговорили только по кадровому вопросу. Для появления мельницы, прежде всего, надо найти хорошего мельника.

Не зря поэтому и Аким начал рассуждать о ближайших мельниках. При чем со вздохами. У одних хозяев мастерство было не очень, другие требовали много. Он осторожно намекнул на соседского помещика, который имел доброго и мастеровитого мельника, но он был крепостной. И барин его, разумеется, не отпустит.

Макурин, однако, вопрос законченным не считал.

— Я сам поговорю с помещиком, — решил он, ставя жирную точку, и вопрос был на пока закрыт. Хозяин — барин!

А вот с соледобычей все было куда как оптимистично. После того, как Андрей Георгиевич съездил туда и наметил общий план работ, ну и, разумеется, финансы под это, управляющий с подобранными помощниками активно разошлись. Они и дрова привезли, и котлы достали, и даже главного солевара нашли — мастер солевар по ихнему.

— Но дорогой, зараза, — предупредил Аким, — почти сто рублей ассигнациями просит за сезон. Я его пока взял, но сразу предупредил, что окончательный расчет с ним будет сделан баринном.

— Как соль? — спросил самый значимый вопрос Макурин. От этого будет происходить и жалованье и само существование соледобычи. Будет хлеб, будет так сказать, и пища.

— Вот, — засуетился Аким, — мастер попросил определить, какая соль будет лучшая, дал на пробу.

Он вытащил из пазухи солидный сверток и с вопросом поглядел. Дескать, как барин скажет, так и будет.

— Что же ты все молчал! — с некоторой досадой воскликнул попаданец, — положи на стол и развяжи!

Бумаги были смело отложены, а на центральное место стола легла соль, вернее, кучки соли.

Мастер положил в отдельные тряпки соль из каждого источника. Говорит, что изрядно они разные и по вкусу, и по цене добычи.

Правильно говорит мастер, — одобрительно подумал Макурин, — сразу видно специалист. Надо его будет брать, если, естественно, соль найдется хорошая.

— нюша, подь сюда! — крикнул он сенной девке, обычно ждущей около лестницы на первом этаже.

Та только и рада. Бегом по лестнице на верх, доложила, улыбаясь во все тридцать два зуба:

— Слушаюсь, барин!

Дисциплина почти армейская! Придется и ему, как офицеру. Почти приказал:

— Ньюша, холодной воды. Полный кувшин и пустой стакан! — подумал, крикнул в след, — и тазик еще!

Ньюша, вильнув подолом, также стремглав исчезла. Андрей Георгиевич посмотрел на нее с удовольствием, а Настя с превеликой досадой. Чувствовалось, если бы не посторонний Аким, наехала бы полностью. Еще бы руки пустила. Но в кабинете были еще люди!

Молодая еще, — пренебрежительно подумал попаданец с высоты своих более сорока лет, — была бы барыней в тридцать лет с гаком, с тремя детьми и хозяйственными проблемами, уже бы стала орать, несмотря на крепостных.

Делая вид, что не видит неодобрение невесты, наклонился над столом. Здесь Аким развязал тряпочки и прямо в них разложил соль грудками.

Пока Ньюша дойдет... взял соль с ближайшей грудки, вздохнул.

— Горькая ведь соль, Аким! — указал он строго.

— Так точно, барин! — отрапортовал управляющий, мастер велел сказать, что в одном ключе очень даже неплохая соль, но потребовал не показывать ее. Пусть дескать барин сам поймет, вот тогда верно угадали.

— Вот же ж! — недовольно подумал Макурин, — всякий норовит задеть барина!

Но потом подумал, что мастер, в общем-то, сделал правильно. Укажи Аким указку соледобытчика, на него так или иначе довлела бы эта примерка.

Он прополоскал рот холодной водой, сплюнул в подставленный тазик, попробовал еще. и так изо всех грудок.

— Вот эта вкусна! — уверенно указал он.

— Так и мастер показал на пятую тряпочку. Да, ваше высокоблагородие, вы оба указали на ту же грудку соли.

— Это еще не все! — усмехнулся Макурин, — свет мой, солнышко, скажи, эта соль действительно вкусна?

Настя, недовольно сидевшая, так нехорошо стрельнула глазами, но нехотя взяла щепотку.

— Довольно вкусна, — призналась она, — в Зимнем дворце сейчас возят из Торжка. Но она отдает какой-то кислинкой. А этаничего.

Что же, все хорошо. Объявил:

— Передай, Аким, что я доволен. На днях мне надо побывать в Санкт-Петербурге, а потом я буду на соледобыче. Как у вас там?

— Весна еще, холодно, да и требовалось с солью определить. Но сейчас, как только мужики закончат с посевной, то быстро поднимет.

Да, все крепостные мужики хороши, но цикл сельскохозяйственных работ их приковывает. А что сделаешь. Не уберут крестьяне хлеб, они вместо уверенных налогоплательщиков превратятся в тяжкий груз.

— Ладно, Аким, иди, — разрешил он. Помещику надо было после обеда еще пройти по деревне и, если удастся проехать по другим деревням. А то крестьяне даже не видели еще своего помещика. Так и верить начнут, как в бога. Он есть, но его никогда не увидишь. Так ведь можно подойти и к следующему выводу — а зачем ему подчинятся? Но пока все!

— Эх, Настюшка! — облегченно вздохнул он, — тяжела это ноша, поместье!

Сграбастал ее, как бы не чувствуя девичьи руки, жестко, но бессильно пытавшаяся отвергнуться от жениха и сохранить свое личное пространство.

— Настя, дурочка такая, как я тебя люблю! — так страстно казал он ей, что она не выдержала, чарующе улыбнулась. Правда, перед этим все же стукнула, но не зло и не больно.

— Ты зря на меня сердишься, — уже серьезно сказал он ей, — что мужчины смотрят на фигуру каждой женщины, так это в нас от Бога. Ты же не ведь не озлобишься на Бога, милая?

— Не богохульствуй! — предупредила она его, но так по-доброму и влюбленно, что он не выдержал и крепко поцеловал.

Она сопротивлялась, хотя как бы и не против. А потом плюнула на все эти смиренности и стыдливости, сама обняла и крепко поцеловала.

И ничего что время от времени в кабинет заглядывали крепостные со своими важными делами. Господа заняты своими господскими делами и не фиг там заглядывать!

В Санкт-Петербург они, как и договаривались, ехали вчетвером. Вообще-то об этом договаривались только бары, но Гаврила с Марьей не обижались. Молодые друг друга любили. Будущее им было обещано хорошее и сытное, даже совместное. Ведь хотя Марья была продана Андрею Георгиевичу, но твердо оказалась охранницей и даже подружкой (наперсницей с неопределенными обязанностями) прежней барыне Анастасии Татищевой.

Конечно, обе понимали, что одна — столбовая дворянка одного из прославленных в России родов, а другая — обычная крепостная крестьянка, которую можно хоть продать, хоть высечь, а хоть отдать кому угодно на время для плотских утех.

Но с другой стороны, обе они были молоды, с очень похожими характерами. И Настя не раз обещала, что никогда не отдаст ее. И теперь вот отдала замуж, только убедившись, что она тоже любит. Как же могла относиться Марья своей барыне, когда та отстояла еще и мужа его?

Макурин к этой любовной драме с определенными элементами комедии и американским хеппи эндом, относился почти нейтрально и весьма благожелательно. Гаврила влюбился и хочет жениться? Пожалуйста! Нужно для этого кого-то продать, кого-то купить? Где подписаться в купчей? Его охранника хотят взять к невесте? Он что, возражает?

Во многом из-за этого Анастасия Татищева, для кого-то просто Настя, видевшая, как его жених, такой жесткий и даже жестокий в повседневной жизни к окружающим и даже к ней, становится чутким и мягким, сама обращается нему все ближе и добрее. И к ней все чаще приходит мысль о том, что он будет лучше всех не только, как жених и муж, но и как отец ее детей. ИХ будущих детей!

Потому сердилась на него не так сильно и не так долго. и отнюдь не от его псевдоразумных слов, как думал Андрей Георгиевич. В своей мужской гордыни он нередко отказывал в ей разумном женском мышлении. А оно было и даже с определенной логикой, впрочем весьма своеобразной и причудливой, из-за чего многие представители сильного пола им вообще в нем отказывали.

В Санкт-Петербурге их на этот раз ожидала взбаломошенная обстановка, чем они уже привыкли, и довольно теплая погода, чего никак не ожидали. Сначала проблемы их молодоженов. Хотя их было сравнительно немного и они оказались не так уж и трудны для камергера двора его величества и его невесты, урожденной фрейлины Татищевой, богатых, знатных и почти всесильных по сравнению с простонародьем.

Сначала они решили все оставшиеся формальности, потом венчали и. наконец, dokonчили оставшиеся бытовые мелочи в виде съемной квартиры, финансовом обеспечении медового месяца и так далее.

Многие чиновники и просто зрители считали это капризами молодых бар, но сами они прекрасно понимали, что идет репетиция их свадьбы и потому оба шалели, даже морально старый попаданец, который, как он думал, все повидал и все прочувствовал. Как же! Любовь зачастую очень заразна, сильнее даже всесильного гриппа.

Оставив своих слуг в алькове любви, как назвала квартиру Настя, они поспешно скрылись. Не потому, что стеснялись простонародных молодоженов или хотели оставить их для плотских утех — занятие после бракосочетания весьма нужное и обязательное.

Нет, просто, они хотели разрешить и свою судьбу и также, как своих радостных слуг. И

для этого поспешили в Зимний дворец, на встречу с российским императором.

Николай I сегодня был весьма радостен, почти счастлив. Его личный чиновник — письмоводитель должен явиться на службу. Ведь по правде говоря, а хотя бы в думах государь мог быть правдив и честен, господин Макурин был умен и почти начитан, а поместье свое, со своих слов, он хорошенько устроил. Но все же главное достоинство, отличавшим его среди других российских поданных, было умение писать.

И пусть с ним было не только приятно, но и полезно разговаривать, но все же единственно, когда он почти впадал в эйфорию, это видел четкий каллиграфический почерк Андрея Георгиевича. Откуда что берется? В пору верить в Господа Нашего Иисуса Христа, дарующего отдельным человеческим личностям различные таланты. Почему так, император не знал и только радовался, что этот человек был россиянин и монарх мог его привлечь к своей работе.

Услышав шаги в коридоре — относительно тихие, но все равно уверенные шаги мужчины — он удовлетворенно кивнул. Третьего дня от Макурина пришло письмо, в котором он с извинением сообщал, что в связи с семейными заботами прибудет где-то в десять часов. Император в связи с этим даже серьезно изменил свой график жизни на этот день. Но вот он, кажется, идет. О, сколько у Николая было письменной работы! Целая стопка бумаг, исписанных дрянным почерком августейшего монарха.

Но другие шаги, тоже легкие, но как раз звонкие, заставили его нахмуриться. Женщина, явно Анастасия Татищева! Надеюсь, она не будет задерживать их надолго? Очень много работы!

В дверь уверенно постучали. Точно Макурин, только он стучит.

— Войдите! — повелительно и, как ни старался, нетерпеливо произнес Николай I.

Вошли действительно Андрей Георгиевич и его невеста, скромные и какие-то напряженные. Что-то хотят сказать, — угадал император и величественно начал вставать. и поскольку роста он был большого, почти три аршина, прямо-таки гигант не только для XIX века, но и XXI, то вставал долго и внушительно, почти медленно.

Андрей Георгиевич вежливо подождал, пока сюзерен встанет во всей огромный рост и только потом заговорил:

— Ваше императорское величество, имею честь пригласить вас на нашу свадьбу к Ильину дню!

— Гм! — оценил император, — наконец-то соизволил, Андрей Георгиевич. Поздравляю! И также вас, Анастасия.

Хватит уже мяться и ссылаться на недостаток денег. Такую красивую девушку запросто украдут!

Молодым было что ответить на такие слова, но было не то время и не то место, чтобы показывать свою гордыню. Поэтому они лишь скромно поулыбались. Потом Андрей Георгиевич, так сказать от лица молодых, произнес благодарственные слова. И все, Настя упорхнула из кабинета по своим делам, как представлял попаданец, хвастаться свадьбой императрице Александре Федоровне и своим подругам — соперницам из числа фрейлиам.

А вот ему было надо работать. И, судя по множеству бумаг и нетерпеливому блеску глаз его работодателя, работы будет много.

Впрочем, хотя Николай I и торопился, а Макурин сидел в ожидании письма с деревянным карандашом с металлическим пером, император все же потешил свое любопытство:

— Как состояние твоего поместья?

Тон слов четко показывал, что покровителя интересовало не только хозяйственное обеспечение свадьбы, но и общее положение в целом. И Макурин так и ответил:

— Ваше императорское величество, в ходе обеспечения реформ я решил изменить крестьянские повинности, в частности, совершенно отменил барщину, вместо этого сделал главным налогом крестьян натуральный и денежный оброк.

— Да? — спросил Николай скептически, — и, что же, как будет доход у моих дворян? На сколько предполагается уменьшить?

В XIX веке, по крайней мере, в первой половине, стойко держалась теория, что именно барщина дает помещикам наибольший доход. И даже, что без этой повинности помещичье поместье погибнет. Попаданец считал, что такая теория, возведенная в абсолют, совершенно не верна. И собирался это доказать.

— Ваше величество, я знаю, что некоторые дворянские теоретики считают, что барщина является вершиной помещичьего хозяйства. Не буду отвергать эту мысль с ходу, в отдельных местностях она весьма правдива. Но я четко буду опровергать расширение ее на всю страну.

— Однако же! — скепсис на лице Николая I сменился определенным интересом, продолжайте, милостивый государь, я весь во внимание!

Реакция императора воодушевляла. Тут, главное, не зарваться и не дать петуха. Подождав, попаданец скромно продолжил:

— Более того, вообще не являясь теоретиком и не будучи большим практиком, я буду говорить только о своем поместье, выдавая именно его доходы на суд общества.

— Ага! — вдумчиво сказал император. Еще бы! В первой половине XIX века российское общество еще было обществом обязательно дворянским. Разночинцы еще играли очень скромную роль, если не меньше. А среди дворян значительное место было у императорской власти. То есть сидящий здесь император Николай на две трети, если не больше, олицетворял и народ, и государство.

— И что же вы интересного увидели в своем поместье? — в качестве затравки спросил августейший судья, саркастически покусывая губы.

— Я пришел к однозначному мнению, — твердо и охотно стал отвечать Николаю Андрей Георгиевич, — во-первых, поместье находится на Нечерноземье с незначительным доходом собственно земле, но, во-вторых, оно стоит в пригородной зоне столицы, где очень большая тяга к продовольствию. Отсюда и оброк. Крестьяне будут много получать продуктов и различного сельскохозяйственного сырья и продавать их на городском рынке.

Надо только помочь им. Вот я для начала уничтожил барщинный участок земли и расширил земельный оброчный надел. При чем, обратите ваше императорское величество, основной надел крестьяне держат за четверть оброка продуктами и деньгами, а еще четверть натурой он должен продавать мне с хозяйства. А с полученного дохода дополнительной земли он должен мне уже треть урожая.

При чем, все это или уже обычай, что для крестьян равносильно законом, или он берет это исключительно добровольно.

— Так, и что же? — не стал сам считать император и подытоживать из этого, — кто выигрывает, кто проигрывает?

— Конечные цифры считать еще рано, ваше императорское величество, но, тем не менее, посмотрите — помещик, то есть в данном случае я, увеличит в этом году доходность в поместье на два раза до двадцати тысячи рублей серебром, крестьяне получают в среднем

полтора раза больше. Горожане же имеют больше объема продовольствия в среднем на 40 % меньше стоимости.

Император опять скептически почесал щеки:

— Прямо-таки все выигрывают? Не может быть того!

— Земля проигрывает, ваше императорское величество, — предложил в шутку Макурин, — она быстро истощается и через несколько лет, если ее не удобрять, произойдет катастрофа

Императору такой паллиатив не понравился. Не поверил.

— Конечно, все это происходит не просто так, надо больше работать и крестьянам, и помещикам. Но не страшно много. Ведь те и другие работали на барщине, а теперь они лишь перейдут на рыночный оброк.

— Что за ерунда происходит, — уже серьезно озаботился Николай. — то есть вы пытаетесь мне доказать, что простая реорганизация деревни, без коренных сдвигов, позволит резко увеличить доход практически всех слоев населения?

— Я не очень разбираюсь в теории, — предупредил Андрей Георгиевич, — вам лучше и доказательно покажут это дворянские теоретики. Их, правда, тогда оплевали, но совершенно бездоказательно.

— Я подумаю и поговорю с этими личностями, — сказал Николай. — раньше я считал их просто болтунами, но вы так их распрогандировали, что уже самому интересно.

Еще бы не интересно. Попаданец Макурин хоть и не был профессиональным историком, но немного знал о мучениях Николая I. С одной стороны, его устраивало положение в стране. Более того, он интуитивно понимал тупиковость любого развития. С другой стороны, император видел, что Россия все больше отстает, требуется проводить скорые и довольно крупные реформы.

Вот и получалась такая картина маслом — проводить быстрое развитие, но при этом ничего ни чего не делая. Ха-ха, бежать на месте любым темпом с понятно каким результатом.

А тут к нему приходит такой черт и говорит, что только в сельском хозяйстве, даже в одном поместье, но можно проводить именно такое развитие, никуда не идя. У монарха явно началась эйфория.

Пусть проводит любую проверку, ему все равно, он чист. Надо еще добавить об отдельных промыслах

— Кстати, ваше императорское величество, для развития отдельных крестьянских хозяйств и поместья в целом очень полезны некоторые промыслы. Пчеловодство, например. Прибыльно для собственника, хорошо для потребителей, и полезно для сельского хозяйства.

Николай I, который сегодня уже видел всякую положительную теорию, отметил это, но без огонька. Что же, добавим практики.

— Есть у меня и другие промыслы. Скажем, добыча соли. Вот такая, — он неожиданно для собеседника вытащил вдруг солонку. Соли получилось еще маловато, но для полуфунтовой посуды хватило.

— Однако же! — опять удивился Николай Павлович, — вы и соли умудрились добыть. Я когда тебе давал задание получать соль, рассчитывал, что получишь ее не раньше рождества, а ты вон оно.

— Ну, рыночный объем я получу только летом. Повезло найти хороший источник, соль

там получается чистая, почти белая и без примесей. Пожалуйте, ваше императорское величество! — предложил Макурин императору и, чтобы тот не подумал чего, на глазах монарха взял из солонки щепотки соль. Кинул в рот. Честно говоря, вкус самому нравился.

Николай посмотрел на гостя, тоже попробовал, погонял во рту, пробуя на вкус.

— Вкус действительно хорош, — признался он, — гораздо лучше, чем та соль, которую нам везут сейчас. Так, когда, говоришь, ты начнешь выбрасывать на рынок?

— В уезде, наверное, мои приказчики начнут подавать лавочникам в середине лета, а в Санкт-Петербург в начале осени.

— Ага, — кивнул Николай, — тогда, мой друг, будь любезен, забрасывать и в Зимний дворец.

Надо же, — удивился Макурин, — вот он уже и друг, и император к нему на ты. Раньше-то он только эпизодически, а так больше на вы.

Но вслух только сдержанно сказал:

— Почту за честь, ваше императорское величество! В августе начну завозить в столицу пробные партии и в Зимний дворец, конечно же заброшу.

Николай пожал руку, как бы завершая тему соли, показал на стол, предлагая перейти к делу.

— Да, кстати, а почему тебя соль? — спохватился он напоследок, уже садясь на свой стул.

Два гривенника и три копейки, — ответил Андрей Георгиевич и, откровенно говоря, несколько удивился прохладной реакциигосударя. Уже много позже, когда к теме было неудобно возвращаться, сообразил, что он-то говорил в пудах, но, правда, без налогов, как и водится на производстве, а его августейший собеседник же спрашивал о золотниках, как это водится в розничной торговле. Тогда дороговато, даже с налогами. Думать надо!

До обеда они еще успели разобрать несколько бумаг, что никак не отразилось на отложенной стопке.

— Придется во второй половине работать подольше и даже взять к себе на вечер с разрешения государя. Иначе никак не успеть, — озабоченно подумал Макурин, — а висеть на шее императора не хочется.

Николай меж тем посмотрел на настенные часы, висевшие в кабинете и продолжил пообедать. Сам он был человеком весьма пунктуальным и не любил, когда его собеседники опаздывают. И, конечно же не позволял себе приходить не вовремя.

Андрей Георгиевич, зная об этой сильной стороне монарха, а, может быть, слабости, не прекословя, поднялся. Несессер он оставил. После обеда они хотели снова поработать, а нести в столовую было нечего, поскольку солонку император взял с собой, как само собой разумеющееся.

— Жаль солонку, — констатировал Макурин, понимая, что император вместе с солью взял и посудину. То есть не то, что бы он ее жалел, но так и без посуды окажешься. Кстати, надо поинтересоваться, нет ли в поместье дроворезцев. Или, может быть, гончаров?

В столовой они в кое-то время пришли первыми. Николай удовлетворенно почмокал и пригласил Макурина к столу, поставив почти на его середину солонку с полученной от помещика солью.

Ел он всегда пищу простую, но питательную. Так что Андрей Георгиевич знал, что изысканными блюдами его не удивят, но после обеда он будет обязательно сыт.

В столовую торопливо вошла императрица с взрослыми детьми и стайкою фрейлин.

— Дорогой, ты, конечно, знаешь, что Андрей Георгиевич и Анастасия решили сыграть свадьбу? — поинтересовалась она.

Николай с улыбкой согласился.

— Мы сейчас подбирали наряд невесты, — объяснила она их опоздание. С упреком сказала: — что-то ты, Андрей Георгиевич, на свадьбу, как на пожар. Видано ли дело, недавно только Пасха была, а он уже на Ильин день празднества планирует!

Фига се! — обалдел про себя попаданец, — между этими датами еще полгода. Ну и медлительность у некоторых в XIX веке!

Император Николай тоже оказался не в твоей тарелке:

— Нет, я понимаю, дорогая, что к свадьбе надо готовится. Но не по полгода же!

Он укоризненно посмотрел на жену.

По-видимому, между супругами это был старый и очень болезненный спор, хотя бы с женской стороны. Во всяком случае, Александра Федоровна даже о пище забыла, аргументируя свою позицию:

— А свадебные наряды, а приглашения, стол, как ты все приготовишь за такой короткий срок? Или бухты = барахты, чтобы потом стеснятся?

Андрею Георгиевичу даже стало интересно. Вначале он думал, что монархи отталкиваются от своей свадьбы, но от нее прошло где-то около почти двадцать лет (!) а августейшая чета слишком уж возбуждена. Сына Александра, будущего Александра II Освободителя собираются женить?

Вопрос, кстати, так и остался для попаданца открытым, поскольку ее дражайший муж не стал пререкаться с императрицей Александрой Федоровной. Вместо этого он развернул, так сказать, рекламную капанию, всячески хваля соль Макурина. Видимо, он так хотел отойти от опостылевшей свадебной темы, что уж чрезмерно одобрял ее. Помещик обалдевши, с удовольствием узнал, какая она приятная и лечебная, с каким-то малиновым вкусом.

Было очень неприятно опровергать императора, но Андрей Георгиевич уже собирался открыть рот, зримо представляя последствия даже небольшой стычке. К счастью, Настя, как и любая прелестная девушка, уже влезла в слова императора. И, как всегда, неудачно. Ведь красавице все можно!

Наступила почти звенящая пауза. Александра же Федоровна, как ни в чем не бывало, ложкой подцепила соль в солонке, почмокала, оценила:

— Недурственна. Не так, естественно, божественна, как ты сказал, но гораздо лучше, чем сейчас.

Она двусмысленно посмотрела на мужа.

Тот, не смущаясь, сказал:

— И все это совсем недалеко от столицы, там, где наши мудрецы бюрократических столов уже твердо заявили, что здесь никогда не было и не будет ничего, кроме воды и камней! А вот деятельнои сметливого это не остановило. Он просто взял и организовал ее добычу. Андрей Георгиевич, я от всей своей души благодарю тебя за такой благородный и честный труд. Скажи откровенно, что ты хочешь? Скажи, я прикажу!

Что хочешь. Хо, проще сказать, что не хочешь. Да и без этого, благодарность августейшего монарха сама по себе много стоит. Орденов множество, поместьев никогда не хватит, зато доброе слова правящего правителя не забудет.

— Ваше императорское величество, одно ваше слово благодарности стоит так много,

что я не осмелюсь что-то еще просить.

Император не поверил:

— Неужели тебе ничего не надо? Совершенно? Никак е поверю! Извольте признаться, ха-ха!

— Ах, ваше императорское величество! — спокойно ответил Макурин, — как — то не надо! Прошу прощения, даже очень. Какая красавица рядом, какие блага кругом. Только одно я и сам могу добиться, другое просто обожду, а третье с годами и так придется. Менять же земные блага благодарностью почти земного бога, или, по крайней мере, наместника божьего на Земле, это уж кощунство!

Ответ оказался твердым и убедительным. Андрей Георгиевич сам почти уверовал в своих словах. Особенно с учетом того, что в понятие наместник божий, он включал в материальное значения не только в первое слово, но и второе. И еще какое более значимое из них оказалось.

Слова Макурина, подкрепленные внутренним утверждением, оказало большое впечатление для всех.

Император Николай I только изумленно покачал головой, а императрица Александра Федоровна выдохнула что-то неразборчиво между «ах эти русские» и «какие они благородные». Цесаревич же Александр, который не очень уж много и говорил, но всегда помнил, что и ему когда-то быть императором после смерти отца, сказал:

— Ах как это красиво и благородно! Я вас уверяю, господин Макурин, что не только папа (ударение на вторую гласную, по-французски), но и я буду помнить о вас!

А его невеста Настя не сказала, но она так схватила его за руку и восхищенно посмотрела, что становилось ясно — в этой семье будет патриархат, а жена никогда не осмелится сказать поперек.

Николай все же первый осмелился пойти против общего молчания, сказав жене:

= Разумеется, я сразу же решил, что теперь на наш стол будет поставляться только соль помещика Макурина. И даже его относительная дороговизна не стоит препятствием.

Тут Андрей Георгиевич решил, что у него появилась возможность объясниться:

— Ваше императорское величество, позвольте мне сказать. В предыдущем разговоре, как поздно понял, у нас произошла некоторая ошибка. Когда вы спрашивали меня про цену соли, вы, как и любой нормальный покупатель, спрашивали меня о золотнике товара. Я же, не соориентировавшись, ответил, как и все производитель, в пудах. Вот откуда эта высокая цена. В реальности же стоимость гораздо ниже.

— Вот как? — нахмурился Николай, подсчитывая. Удивился: — но это же сущие пустяки! Только я не понял, — добавил он, — если вы делаете такую цену золотника соли, не бдет ли она убыточной?

— Ну, ваше императорское величество, конечная цена будет гораздо выше, почти в три раза, вы забываете государственные налоги. А так. что же мои расходы, то здесь проще.

— Налоги — это святое, — нравоучительно сказал Николай, — хотя и министерству финансов надо быть поумереннее. Я буду разговаривать с министром во время очередного доклада.

Не густо. Впрочем, Андрей Георгиевич и не ожидал большого продвижения. Тут они — глава государства и дворянский предприниматель — находились в разные стороны баррикад.

Важно другое — император пришел в хорошее настроение и Макурин, конечно, этим

воспользовался — заручился поддержкой в вопросе о церкви и священнике, поговорил немного о торговле. В общем, ничегозначительного, а государственная машина заметно сдвинулась. Все же абсолютная монархия!

Сдвинулись и их отношения с Настей. Они не только объявили о помолвке, но уже открыто сидели, держа руки вместе. Хорошенько он съездил в Санкт-Петербург.

Несколько дней в столице прошли в непрерывной работе и хлопотах. Но вот он и уехал в поместье. Напоследок невеста позволила себя крепко поцеловать и лучезарно облить взглядом. Хорошо хоть не сердитым, можно ведь и так.

А потом долгожданная бричка, кучер Федор, который, оказывается, очень соскучился по своей невесте (!) и дорога, также весьма плохая и еще более грязная. В поместье они приехали насквозь сырые и заляпанные грязью с ног до головы.

И отнюдь не стали предаваться неге. Федор, даже не заходя в людскую, прошел в конюшню — чистить, кормить и обустроить лошадей, а помещик Макурин, переодевшись и съев господский, то есть обильный и вкусный обед, отправился в кабинет — работать с бумагами и людьми.

Перво-наперво распорядился Леонтию найти в напарника молодого и крепкого парня. Гаврила-то не скоро найдется из женских тенет. А одному ему никак не справится с охраной и побегушками.

Затем сел с бумагами — полностью заполненными, наконец, таблицами. Кое-что ему сразу не понравилось и он побранил вызванного Аким. Крепостное право — это не нищий беспредел, помещик и община тщательно следят, чтобы бедных хозяйств без лошадей и коров не было. Ибо с бедных что возьмешь? Значит, помещик будет без денег, а повинности за них будут остальные крестьяне.

Это в теории. На практике же, со смертью прежнего помещика община явно не справлялась со своими обязанностями.

Смотри, разгильдяй, у вас почти с десятков хозяйств осталось без скота. Ладно, два хозяйства, там вообще мужиков не стало. А остальные? В одном лошаденка умерла, еще три хозяйства выделились, а отцы не осилили им скота дать. И так далее. Где тут ваша община, Аким?

— Так мужики не захотели, — тихо, но упорно возразил Аким.

Так, что это, бунт на корабле? — насторожился попаданец, — корпоративные интересы всегда сильны. И поскольку они здесь не интересны, то их надо безжалостно уничтожать.

— Аким, я сильно недоволен общиной. И ты, как староста Березовое, будешь наказан ха нее.

— Дык ведь!?! — пискнул тот, крайне удивившись такому подходу своего, как оказалось, сурового помещика.

— На следующем сельском сходе община будет в твоём лице наказана! — объявил жестко барии, огласи им всем, что я пока добр и не буду бить всех виновных домохозяев. А вот тебя побью. Тридцать розог. Хотел было, чтобы управляющий побил старосту. Но, поскольку, ты у меня пока и тот, и другой, то я жалую. Пусть мужики порют.

— Благодетель, не выдержу я по старости лет! — рухнул на колени крепостной крестьянин.

— Сам виноват! — непреклонно ответил барин, — побездельничали без помещика? Решили, что сами все можете? Забью или оставлю тебя от должности управляющего. Не надобномне такового!

Отдышался от внезапной вспышки. Ему стало жалко своего пусть немного лукавого, но все же слугу. Действительно же, не выдержит сердце. Потом к жалости присоединилось

практичность. Мужик ее крепок, а он, даже забив его, будет платить за него казенные повинности. То есть платить будет, конечно, крестьянская община, а все равно из его кармана. Таковы крепостные реалии XIX века. Да и управляющий... лучше ли будет из их мужиков? К этому он, по крайней мере, привык.

— Вставай, Аким! — торжественно провозгласил помещик, — жалко мне тебя. Но поскольку община все же виновата, розог тебе дадут, но по десять ударов за раз. Три последующих схода будет начинаться с твоей порки. И хватит об этом, — предупредил он любые возражения Акима, — каждые вяканья будут «вознаграждены» по десять розог дополнительно.

Его собеседник горестно, на замолчал. По этой тишине было видно, как ему тяжело далось молчание и какие бы твердые доводы он бы смог привезти. Больше всего старосту злило, что многие исправные хозяева выступали против повинностей куда горячее его, а накажут только его. Вот ведь паршивцы!

А барин меж тем говорил о другом, в общем-то, еще более важном:

— Церковь, я вижу, у нас прирастает и довольно-таки быстро.

Действительно, ватага пришлых строителей, стимулируемая финансово, работала весьма эффективно. И теперь можно было твердо сказать, что к сочельнику, а, может быть, и в рождество, церковь заработает.

— Слава Богу, церковь наша уже в этом году будет стоять. Богоугодное дело поднимаем, — перекрестившись, как полагается, сказал Макурин.

— Слава Богу, слава Богу, — тоже перекрестившись, одобрительным эхом отозвался его управляющий. Что бы он не говорил, а в Бога Аким верил. Радовала его и возможности получать православные таинства в своей деревине или, как говорит барин, в селе.

— В честь этого поискал я с божьей помощью священника. Трудно было, но все-таки нашел. Дом надо мужикам построить, как говорили. Только вот какая доука. Молод пока наш отец Дмитрий, а потому не женат. А этого наша православная церковь не любит. Надо женить. Что у нас девок свободных нет? Так ты, Аким, поговори, пусть своих дочерей подвигнет. От моего лица я обещаю, что жена отца Дмитрия будет свободна от крепостной тяготы. И я со своей стороны дам и скотинку, и одежду и мебель, все, как полагается.

Вот это славно! И богоугодное дело и какой девке повезет.

— Сделаем, барин! — охотно согласился Аким.

— И смотри не тьяни, что б к ближайшему сходу и крестьяне были управлены, и девка нашлась в жены отцу нашему. А то наказание тебе удвоится, — пригрозил он напоследок.

Сам он, несмотря на грязь, лужи и кое-где оставшийся снег, отправился к Лаврентию — для дальнейшего развития пчеловодчества и не только. А то сезон уже приходит, цветы вот-вот раскроются, а мы телепаемся.

Нет, разумеется, не все было плохо. Лаврентий оказался со старшим сыном в работе, подправлял, подчищал старые ульи и ремонтировал новые.

Четыре пасеки ныне поставлю, в каждой от полусотни до сотни семей пчел, — сказал хозяин, явно гордясь собой.

Андрей Георгиевич и сам понимал, что от одного крестьянского хозяйства больше требовать больше не надо. И психологически и физически уже не вытянет. А давиться, добываясь лишней сотни ульев... зачем это?

Более оптимистичный и более эффективный вариант — выделить от него старшего сына в отдельное хозяйство. Если у него такие же умелые руки и сметливая голова — а, судя

по всему, это так и есть — то в новом хозяйстве вскоре тоже будет четыреста — пятьсот семей. Воевать они не будут, если только соревноваться, так это даже хорошо. А так, поля огромные, рынок свободный, что еще надо?

— Лаврентий, подойди-ка ко мне с сыном! — небрежно приказал Макурин в полголоса.

Работавший с позволения помещика Лаврентий подошел сам и подтолкнул сына. На всякий случай поклонились. Барин все-таки, к тому же добрый, о крестьянине беспокоящийся.

Андрей Георгиевич подал знаком, мол, вполне доволен. Спросил об актуальном для него:

— А скажи-ка мне, Лаврентий, который год уже твоему парню? Что-то он у тебя больно взрослый для проживания в родительской семье?

— Семнадцатый уже, — сник крестьянин. Знал, затянул с сыном. Года два уже как надо было женить его. Да больно уж удобно было держать пару лишних мужских рук. Опять же священник далеко. Да и сосед, у которого в прошлом году посватали дочь, тоже не торопил. Вот и запоздал со свадьбой. А старший сын молодец, все понимал, помалкивал, хотя свою девку, нареченную невесту, втихомолку тискал. Не дай бог ребятенка умудрятся завести, перед сельчанами будет стыдно. Хотя и не навздыг. Жизнь все-таки.

— Нехорошо это, — наставительно сказал Макурин, — сам, мужик, знаешь. Как у парня борода появилась на лице — женить! У девки титьки растут — замуж! От внуков отбиваешься, дурья голова?

— Виноват, ваше благородие, не промыслил! — покаянно соглашался Лаврентий, лукаво шурясь.

— На днях к нам приедут отец Дмитрий, наш будущий священник и его родитель, священник Афанасий. Я с ними договорюсь, чтобы нынче же женат был. А ты, Еремей, что ждешь, — обратился помещик к соседу, который, слыша шум неподалеку, любопытно выглянул из-за плетня, — хочешь дочь бобылкой оставить? бабий век короток — сегодня рожать можно, завтра уже нельзя. Немедля ставь избу да у общины проси выделить надел земли. Слышишь, Аким, это и твоя задача, — сердито обратился он к управляющему, — совсем мышей не ловишь.

А вы, будущие родители, что б о приданом обеспокоились! Не поспешите, на ближайшем же сельском сходе выдеру, как сидорову козу!

Еще сердясь, сел на Ворона, поехал, потом повернулся к шедшему позади пешком Акиму:

— Ты выполнил мою вчерашнюю просьбу?

Андрей Георгиевич опасался, что по стародавней привычке его управляющий опять все отложит на потом и ничего не сделает. потому и спросил. Однако, Акима, как видно, будущая порка озаботила, даже не болью, позором. Он побеспокоился еще вчера и теперь только наклонил голову:

— Все сделал, благодетель. Мужички обрадовались, подсуетились, дочерей своих выделили.

Ничего себе «добровольность»! — опешил попаданец, — девок вообще за людей считают? Пожалуй, надо самому поспрашивать, а то из под венца придется выводить, коли невеста скажет, что силком замуж выдается.

— Ну-ка, Аким, тащи ко мне выбранных девок, — приказал он в раздумье, — сам посмотрю да поспрашиваю. А то мало ли что...

Управляющий при помощи вездесущих мальчишек принялся выполнять приказ барина, а сам Макурин, после некоторого колебания, решил остановиться на взгорье, где было не так грязно, и слез с Ворона. Не баскак же какой, чтобы с коня смотреть.

Посмотрел на собранных девок в количестве пятерых. Красивые, плутовки, здоровые, кровь с молоком. сам бы женился, да у него невеста Настя.

Лишь спросил:

— Почему целых пять? Он ведь не турецкий султан, а православный священник, одной жены хватит.

Аким пояснил:

— Мужички, значить, вчера не решили, чуть до драки не дошло. Постановили, пусть отец Дмитрий сам выбирает.

— Да вы с ума сошли, такое священнику предлагать? — ужаснулся помещик, — хотите, чтобы сам государь император надо мной посмеялся! Мужики, говоришь, не смогли. Так я сам выберу!

По его приказу девки выстроились в ряд, смущенные, но явно готовые идти до последнего конца. Понимают, не дуры.

А и то, — подумал Макурин, — замуж выходить все равно надо, а тут молодой священник, не простой мужик. Голодать никогда не будет и будущее у детей хорошее. Я же будущей избраннице вольную дал.

Как бы пробежал глазами, хотя сам уже решил, кто станет женой священника.

Рослая, русоволосая, красивая. Прямо-таки образец русской прелестницы. Нечего ей за мужиком мучаться, будет попадье!

Остальных он ласково отпустил, выдав огромные для молодых девок деньги — алтын серебром каждой. И отпустил, сам повернувшись к избраннице. Та стояла, покраснев, глазки к земле, щечки румяные.

— Как звать-то тебя, красавица? — спросил Макурин, постаравшись, чтобы голос не отдавался похотью.

— Клаша, — теплым грудным голосом ответила девушка.

К такой-то красоте еще и такой голос, — подумал попаданец, — не дай бог еще умная. Вот повезло-то отцу Дмитрию, что там твоя дурная невеста!

— А скажи-ка, девица, добровольно ли ты идешь под венец? — задал он почти обязательный вопрос.

Клавдия ответила прямо, не стала юлить:

— Тятя меня благословил, мамка чугунок сказала даст, значит, надо идти замуж. Не на шею же у родителей.

— Но сама ты тоже хочешь? — дотошно допытывался Андрей Георгиевич.

— Да, — тихо ответила девушка, еще больше покраснев

— Твой будущий суженый, Клаша, внешним видом пригож, а характером добронравен. Не бойся его, он будет тебе хорошим мужем.

«Хотя, я то откуда знаю, сам едва видел его, да и к помещику он будет одно, к своей жене другое. В общем, как всегда — стерпится — слюбится».

— Да, барин, — стрельнула глазами сквозь челку Клаша.

Сама все знает — понимает, что я к ней пристаю! — рассердился он на себя, — не маленькая уже!

— За добродетель свою и нравность, вот тебе девушка — красавица, мой личный

подарок. Выставь-ка руки!

И насыпал в девичьи руки большую горсть серебра — почти с ассигнационный рубль!

Аким, как видел Макурин уголком глаза, аж почернел от такого щедрого подарка. Какой-то бестолковой пигалице, дать такие огромные деньги.

Лучше молчи, мужик, пока еще не надбавил розог, барин и сам все знает!

Лицо Андрея Георгиевича было настолько сердитым и грозным, что Аким аж вздрогнул, когда барин заговорил. Но тому уже было интересно другое:

— Скажи, Аким, а среди моих крестьян есть умельцы работать по дереву на продажу?

— На продажу? — задумался немного управляющий и твердо сказал: — не-а, так, пожалуй, и не найдешь.

Ха, еще древние греки говорили — на любой вопрос можно найти ответ, лишь бы в вопрос правильный.

— Аким, нам срочно надо двухведерные бочонки для продажи и на двадцать ведер для возки. Ищи, кто может делать?

Слова барина о поиске, причем поиске именно им, заставили управляющего встряхнуться. А то еще найдется не нужная проблема.

— В соседней деревне Колье был старик один Миша, мастак был доски резать. Он и бочки умел делать.

— Почему был? — сразу спросил Макурин. Он не некромант, ему мертвые ни к чему, — да?

— Господь с тобой! — даже испугался Аким, — зимой еще был жив, да и вообще, он старик крепкий, может и нас пережить.

— Вот и хорошо! — подытожил помещик удовлетворенно, — ему и поручим.

— Только он упрется, — вдруг заявил Аким и на удивленный взгляд помещика, что у него две жизни появилось, так общаться с барином, пояснил: — он казенный лес втихомолку таскает, поэтому всех боится. Особливо тебя, барин.

— Поедешь ты! — решительно сказал Макурин. То, что он не в ладах с законом, его дело, а с помещиком он обязан работать. Ведь это его барин! Надо только объяснить это спокойно, без надрыва, — скажи ему, что если он будет поставлять мне бочки, то я их буду хорошо оплачивать. Прошное я забуду, а на свой товар я оплачу под него лес.

— Хм, — недоверчиво кашлянул управляющий, но с барином, как всегда, спорить не стал. Сказал, что поедет к Мише завтра утром и отбыл.

А Андрей Георгиевич, не торопясь, поехал домой. Дел спешных, торопливых больше вроде бы не было, весенняя погода стояла прекрасная. Под ногами, правда, еще была грязь с талой водой, но это было ноги коня, а не его. А ошметки грязи и воды он был готов терпеть.

Однако, к обеду приехали два священника — отец и сын — и торопливый ход текущей жизни сразу же убыстрился.

Священники — люди простонародные — не хотели касаться своими делами дворянина. Сам Макурин тоже не очень-то озаботился бы их заботами. Но они были люди религиозные, почти как люди не из этого мира. В общем, надо было хотя бы проявить вежливость хозяина, показать строящиеся церковь и дом священника с хозяйскими постройками, познакомить с ними своих крестьян. Наконец, познакомить хотя бы отца Афанасия с невестой и их родителями.

Короче говоря, вторая половина дня из спокойного превратился в суматошную, наполненную различными заботами, как гостей — священников, так и крестьян.

Одно было хорошо, обе стороны четко знали свои обязанности и не стремились лезть в

сферу собеседников. Особенно крестьяне. Этим любые даже намеки о правах виделись дикими. Простонародье XIX века было научено получать только заботы. Права они простодушно оставляли дворянам.

В отличие от крестьян священники кое-что о правах знали, но очень даже своеобразно. В XXI веке это бы просто называли работой. Молиться, общаться с Богом, касаться с таинствами. Не бесплатно, конечно, но и достойной оплатой с точки зрения попаданца не назовешь.

При посредничестве помещика разговор «покупателей и продавцов» был окончен моментально. Все таинства — венчания, именины, наречение имен у младенцев, похороны отец Афанасий как бы проводил от имени своего сына Дмитрия. То есть гораздо дешевле, как если бы он был приезжим священником.

Взамен крестьяне, не считая, и довольно больше, набрали продовольствия, привели скота и птицу. Для завершения строительства дома отца Дмитрия, а при нем хлева, сарай, погреба и так далее была организована «помощь». Это так называемая крестьянская взаимопомощь, когда мужики все вместе трудятся, а хозяин лишь за это поит и кормит.

Поскольку хозяева были мужчины — священники, то процесс «помощи» был скорректирован. Продовольствие, а нередко готовые блюда были просто принесены. Самогон почти не пили, вместо этого обильно молились.

Но самое интересное было даже не в этом. Теоретически предполагалось, что сначала с невестой познакомится отец Афанасий, он познакомит сына с его избранницей и появится новая семья.

Ха-ха! Неизвестно, чья эта была инициатива, но Клавдия и ее мать под предлогом помощи проскользнули строящийся дом и вскоре во всю командовали на кухне, варя и жаря, или хотя бы поднося еду.

Андрей Георгиевич на это с высоты двух своих жизней и прошлых веков относился сугубо равнодушно. Он прекрасно знал, что раз здесь будут женщины, а значит, появится кавардак. И потом, это не его свадьба. Жених доволен? Отец его доволен а остальное все преимущественно фиолетово

К концу строительства жених и невеста прекрасно друг друга узнали и даже как бы полюбились. Если бы попаданец не знал про взрывную любовь, то он о ней узнал бы сей момент и даже без особого желания.

Такая свадьба привела еще к одному плюсу. Если до этого молодые люди не очень-то и хотели, по крайней мере.

А ему приходилось бежать по делам дальше — искать мельника, гостя по соседям помещикам, а конкретно у Вязьмитиновых.

Соседский помещик отставной капитан Смоленского пехотного полка Петр Савельевич Вязьмитинов был лысый старичок пятидесяти лет (по этой эпохе такой возраст был уже пожилым), обремененный довольно-таки молодой и красивой второй женой Любовью Дормидонтовной и обалдуюем сыном Георгием от умершей первой.

Все это — и о себе, и о родственниках — хозяин вывалил скопом и предложил к столу. Испробовать мальвазии, намедни купленной проезжавшего купца и оказавшейся весьма недурственной.

Мальвазия действительно была приятна на вкус, но неожиданно крепка. «То есть, — соображал Макурин, — или сам хозяин в нее влил изрядную долю водки, либо шельма купец постарался».

Стаканчик мальвазии, выпитой сгоряча, имел эффект народной дубинки по французской голове и Андрей Георгиевич пьяно понял, что, если он думает идти отсюда на своих ногах хотя бы до брички, то ему надо с этим «вином» завязывать.

Но понимать одно, а реализовать другое. Андрея Георгиевича практически силой посадили за стол. Справа — хозяин с водкой, пардон, с фальшивой мальвазией, слева — его жена с голодным взором, а прямо впереди — великовозрастный сыночек, которому, судя по заинтересованному взгляду, тожечто-то было надо.

Сел за стол. Сам же приехал, екарный бабай, не привезли на «Вороне», сиди теперь угощайся! Как на зло, никакой закуски на столе не было. Только две здоровенные бутылки с вином да стаканчики.

Пришлось попивать водку, подаваемую под видом мальвазии, стараясь, как можно медленнее проводить этот процесс и вести «интересную» беседу. Как оказалось, ларчик открывался просто — мужская часть Вязьмитиновых — и сын и отец — жутко жаждала пристроить сыночка Георгия на службу. Великовозрастной орясине оказалось уже за двадцать и он жаждал послужить Отечеству.

Это было знакомо еще по XXI век. Юноша хочет по благу пролезть на теплое местечко? Да не вопрос! А что нам за это будет?

Такой подход тоже не был ни странен, ни чужд. Правда, излишняя прямота гостя несколько коробила, но это дело вкуса. Пока Любовь Дормидонтовна поморщилась от такой вульгарности, Петр Савельевич щедро предложил:

— Все что есть от живота своего, все отдам!

Любовь Дормидонтовна опять поморщилась, теперь уже на дурака мужа. Что он здесь может отдать, кроме свиней, кур до грубых крестьян?

Как оказалось, гость как раз имел на это виды и между мужчинами начался оживленный торг, закончившийся, впрочем, с понятным итогом — гость помогает устроится Возьмитинову — младшему, а хозяин тут же отдает своего мельника.

Когда же начали оценивать возможности так сказать претендента, разговор сразу притих. Оказалось Георгий, пусть почти такого же возраста, но гораздо более скудным жизненным грузом. Как гордо сказала его мачеха, читать и писать может и хватит. Главное, дворянин!

Увы, век уже был не XVIII, а XIX, и государство, и дворянское общество уже высоко ценили образования. Женщине этого не объяснишь, особенно из помещичьей семьи, где есть мнения — одно мое, другое неправильное и возразить некому. Однако, Возьмитинов — старший, человек трезвых взглядов, несмотря на почти литр мальвазии, и большого опыта армейской службы, думал по-другому. Решили, в конце концов, что можно попытаться засунуть его куда-нибудь в низшие классные чины. А там, коли не получится, уйдет в отставку. Ребенок один, родители, естественно умерев, отдадут в наследство поместье. Что еще надо от жизни?

Как он сел в бричку и доехал до своего поместья Андрей Георгиевич не ведал. Он только радовался потом, что сейчас едет на конной повозке, да еще с кучером. Был бы на автомобиле, точно бы разбился. Или бы вообще никуда не поехал, сховался в кустах.

Вот это помещики, гоголевские персонажи!

Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону, — пелось в песне XX века. Это, учитывая специфику XIX века, означает — мужики поехали на весеннюю посевную, а их помещик и одновременно чиновник его императорского величества отбыл в Зимний дворец. Все строго обязательно и обжалованию не подлежит. Страда пришла весенняя, орать землю надо, о чем тут можно говорить? Опять же чиновники — весна не весна — работайте господа уважаемые!

У Андрея Георгиевича положение было легче и благороднее, но, в общем-то, деваться ему тоже не было. Мало того, что он ехал по повелению Помазанника Божьего, то есть практически по воле Небес, так сегодня еще должен быть на придворном балу. Неявка туда обидела бы и дворянское общество. Фу-у! Нет, конечно, и так тоже можно жить, особенно за границей, только упаси Бог за такую судьбу!

В конце концов, ехал он на бал развлекаться, а государь к тому же соизволил совместить бал с процедурой награждения. Так что и ему что-нибудь перепадет вкусное, типа ордена или наградных бриллиантов.

И еще там была Настя — Анастасия Татищева — его нареченная невеста. После того, как он объявил, что им надо жениться и назвал дату, девушка совершенно изменилась. Из капризной особы, от которой можно ожидать что угодно, она стала верной подругой. И хотя жаждущие руки жениха она по-прежнему отбивала, но целовалась охотно и сколько угодно. А вообще они договорились — до свадьбы ничего серьезного, а после свадьбы даже обязательно. Чтобы в первый же год родить сначала сына потом дочь. Ибо что за это семья без детей, не по христиански это. А дети сами по себе не появляются. Это все знают, особенно взрослые.

Так, в думах и переживаниях он сам не понял, как оказался в Санкт-Петербурге. А там еще до Зимнего дворца накопилось много забот.

Крестьяне Макурина начали сеять, значит, хлеб осенью будет. Как и овощи. А уж молоко и молочные продукты, мясо, мед, изделия крестьянской промышленной поступали даже весной. Мало, конечно, пока только на собственное потребление, но ведь шли, угрожая летом и особенно осенью шквалом всяких изделий и продовольствия.

К этому времени Андрей Георгиевич должен быть в полной боевой готовности продавать эти натуральные повинности. Из-за этого зимой он и смотрел и спрашивал, как действуют его соседи помещики.

Самое простое для особо ленивых и неумех — это продавать сразу в поместье проехавшим купцам. Легко, но дешево. Поэтому все маломальские помещики продукцию своего поместья предпочитали сбывать в уезд или просто в столицу, на торжках или в лавках.

Так было выгоднее, но попаданец опытным взглядом видел, сколько, таким образом, уплывает денег из его рук. И вот сегодня он окончательно решил выбрать несколько лавок и трактиров и туда сбывать в первую очередь продовольствие. А потом посмотреть.

Быть собственником своих торговых точек или столовых более выгодно, но, во-первых, получится ли не местному помещику держать свои заведения, во-вторых, как посмотрит дворянское общество на такое общество? И, самое главное, как сам венценосный император? Николай I вроде бы смотрел на хозяйственную деятельность не плохо. А на торговую? Вдруг скажет, что не дело это для благородных дворян смешиваться с купчишками.

Так и поехал Андрей Георгиевич по приезду в столицу не в императорский дворец, а по лавкам и трактирах. И что увидел?

Наценки в тех и других были разными, но, безусловно, их хозяева и себя не забывали. И очень далеко не забывали. Вот ведь торговцы!

Посмотрел Макурин на эту картину и окончательно решил за лето-осень сделать свою структуру торговой империи. Нечего незнакомых людей обогащать, своя семья вот-вот появится.

А пока окончательно решил только одно дело — заказал в типографию напечатать специальные свадебные приглашения. Во как! В прошлой жизни ему и не снилось такое — печатать на свою свадьбу!

С этим и появился в Зимнем. Расцеловался с Настей всласть и отправился в рабочий кабинет императора под внимательные и строгие глаза Николая I. Хоть к вечеру и планировался большой бал, но монарх решил поработать. Единственно, что не очень долго. Андрей Георгиевич едва успел переписать одну большую докладную записку, да перебелить указ императора, как все!

Государь досадливо бросил взгляд на часы и предложил отправляться на предстоящие празднества.

Макурин только посмотрел на недописанный документ. Лучше бы дописать. Это ведь только так говорится, что писарь, пиши да радуйся. На самом деле делопроизводитель — это последний работник, работающий над письменным трудом. А, значит, именно он и должен чистить текст от орфографических ошибок, различного рода ляпов и недомолвок, в том числе досадных ошибок в имени и титуле. Казалось, пустяк, а как его ждут недоброжелатели и недоумевают простой народ.

А для хорошего внимания надо понимать и вникать в каждый документ, чтобы не пропускать ляпы в тексте.

Но раз надо, то надо. Тем более, приглашает сам император. Честь-то какая! И нечего морщить нос, не вонючий инсургент.

Не спеша пошли. Времени было еще с запасом, и император не торопился. Опаздывать он не любил, но и заранее приходить не старался. Спросил между делом:

— Скажи, Андрей Георгиевич, как ты умудряешься, быть хорошим во всех сферах? Ведь не только в писарском деле, но, оказывается, и в хозяйственных вопросах ты дока. Я, право, сначала не верил в тебя. Думал, очередной салонный деятель, который много говорит в теории, но не чего не понимает в реальной жизни. И вдребезги ошибается в практической деятельности. Ошибался, к счастью. Как же ты так?

«А вот это уже опасное любопытство, — слегка напрягся попаданец, — не скажешь же, что ты совсем другой человек с огромным жизненным опытом и жил раньше в будущем. Слава Богу, в эту эпоху есть стопроцентная отмазка. Тем более, она где-то правда».

— Благодарение Богу, ваше императорское величество, — искренне сказал Макурин, — одному ему верую Господу Нашему.

Перекрестился, как водится. Николай тоже перекрестился, задумался, вздохнул немного играя:

— То есть учить такому блестящему почерку, как твой, бесполезно? — как-то грустно подытожил монарх.

— Выходит, что так, — немного лукавя подтвердил Макурин. А и то, он, конечно, учился на традициях двух веков. Но ведь все равно, основа природная, или, другими словами,

божественная. Еще один такой человек в XIX веке не появится. Если, разумеется, Бог не думает по-другому. Но это уже мое дело. Хотя... — Ваше императорское величество, тем не менее, а, может быть, постараться?

— То есть? — заинтересовался Николай с облегченным блеском в глазах.

— Я предлагаю выделить мне двух-трех учеников из молодых людей благородного происхождения. Они будут и работать чиновниками в вашей канцелярии и учиться у меня. Через год — полтора увидим. Как у меня почерк у них не будет, но хотя бы подобие и то хорошо.

Император даже остановился от радости. Находиться в некоторой зависимости от одного человека было тяжело, до и неприлично. И если бы у Макурина были помощники, пусть прилежностью хуже, но хотя бы похуже, это бы стало гораздо приличнее.

— Я ставлю под это новый департамент! — жестко и бескомпромиссно сказал он, — старайся, я тебя не обижу. А теперь пойдём!

Вошли в бальный зал — император, как водится, первым, скромный писарь, пусть и с классным чином, за ним в некотором отдалении. И так уж все видели, с кем вошли и разговаривали его императорское величество.

Монарх, не оглядываясь, прошел в зону императорского трона — царствовать и править. Макурин туда не даже не посмотрел — вместе с императорскими чинами и их детьми, кроме самых младших, там были только официальные друзья — соратники с высокими чинами. Да еще несколько приглашенных друзей такого же положения.

Камергер Макурин, кстати, по своему уровню тоже мог бы быть приглашен Николаем I, пусть и с натяжкой. Но, видимо, сегодня не судьба. Впрочем, Андрей Георгиевич на судьбу не обижался. Среди женской части участников бала он зорким глазом заметил фрейлину императрицы Анастасию Татищеву. Как и положено, она стояла где-то в первых рядах, стоящих не у трона, но вблизи. Хотя и Макурин здесь был не лишним. Камергер его императорского величества — это всегда звучит гордо!

Он изящно поклонился ей, приветствуя, фрейлина в ответ сделала прелестный книксен и подала свою ручку. Макурин почтительно и бережно поцеловал ее. Не удержавшись, еще и в щечку. И ничего, что они уже виделись и даже целовались, пусть и недолго. Зато здесь при всех, под прицелом сотен глаз.

Настя зарделась, засмутившись, но от Макурина не отодвинулась. Пусть все видят, что они жених и невеста, а в ближайшем будущем — муж и жена. Окружающие, впрочем, не удивились и не поразились. В Зимнем дворце всякие слухи и сплетни разлетались мгновенно и они откуда-то (откуда?) уже знали о скором венчании. Относились к этому по-разному, в зависимости от пола и возраста, но как к объективной реальности.

Настя, не чураясь, даже подвела его под руку к одному своему дяде с семьей, потом к другому к другому тоже с женой и детьми. Оба дяди в генеральских чинах, в седилах и орденах, были уже довольно старые, хотя и крепкие. Своего нового родственника камергера Макурина, любимца правящего императора, они встречали как равного (как минимум). А то и кланялись уважительно первыми. Как никак фаворит Николая I! Не каждый так сподобится! И пусть век карьеры его недолог, но очень прибылен. Вон уже какое поместье прибабахал! Ай да Настя, ай да племянница!

Андрей Георгиевич под этими оценивающими взглядами не ступешался. Подумаешь, еще одни дворяне, мало их что ли! Главное, Настя!

Подходили они, между прочим, не просто так. Вручили только что распечатанные

приглашения на свадьбу. Кому приглашения, правда, писать надо было от руки, но тут уж Макурин сам постарался, написал красиво, с завитками. Смотри и любуйся, да прийти не забудь!

Вручили самим мужчинам, их женам. Дети по малолетству пока были обойдены. Она и так могут прийти при родителях. Все, как и положено в XIX веке.

Попаданец, разумеется, намеревался подойти первым к императору и даже подписал приглашение — Николаю I, его жене, августейшей императрице, всем детям — взрослым и малолетним, — но посмотрел на толпы людей около императорской семьи и передумал. Даст и позже, нечего ему там толпиться!

И гордо прошел мимо, хотя и понимал, что ошибается. Надо было как раз тесниться в толпе и раболепно улыбаясь, стремиться прорваться к августейшим лицам. А прорвавшись, низко кланяться и просить оказать милость хотя бы на немного показаться на свадьбе.

Понимал, но прошел мимо, подумав, что объяснит дворянской гордостью. Понятие в XIX веке уже не очень одобрительной со стороны монархии, а потом и общества, но частично все же встречающейся.

А потом, его ослепительно сверкающая и драгоценно прелестная невеста настоятельно тянула к родственникам. Это было, пожалуй, впервые. Хотя, можно подумать, приглашения они раздавали второй раз! Да, кажется, они по-настоящему шли к свадьбе, а не просто говорили. А потому, — как он думал с некотором огорчении, — его женщина, нет, еще девушка, наконец-то решилась! И стоит обратить внимание, НЕ ОН, А ОНА! Немного бил по мужскому самолюбию и одновременно радовало. Это прелестное чудо решило быть с ним. Ура господи! В смысле караул!

А на что он ее будет содержать?

Андрей Георгиевич постарался забыть о старческих тревогах и треволнениях и побольше прислушиваться к словам Насти. А она была сегодня в ударе! Вся какая-то в волшебном белом и золотом, осыпанная бриллиантами, невеста была очень красива и очаровательна. Даже Николай I, отдав дань традициям и пройдя в первом танце со своей женой императрицей пригласил ее первый на следующий. Разумеется, он ревновал бы к любому, но не к августейшему же монарху! И спокойно издали смотрел, как те кружатся в стремительном танце, как девушка, на миг опустив голову на грудь своему венценосному партнеру, что-то оживленно говорила.

А потом они оба говорили с ним. И оба, как ни странно, о материальном, хотя и с разной стороны:

— Настя щебетала все больше о драгоценном подарке императора, подаренном при расставании после танца, безделушке в виде пальмовой ветки, щедро осыпанной не такими уж маленькими бриллиантами. Но ценность подарка была даже не в этом. Пальмовая ветвь была любимой безделушкой Николая и то что он все же подарил ее, говорила о многом, в частности о том, что и она стала в фаворе у монарха.

Макурину, впрочем, не о чем было беспокоиться. Если Николай и сблизился с девушкой, то чисто платонически, он был морально высок и сдержан. И хотя, в конце концов, и он будет сломлен, но не полностью и не на 100 % уверенностью. И потом, это будет лет через двадцать, к старости императора.

— Говорил с ним по этому поводу и сам Николай Павлович. Проведя взглядом ладную фигурку фрейлины, осыпанную бриллиантами так, что глазам было больно от блеска, он вдруг сказал:

— Я, кстати, раньше не обращал особого внимания на ваши постоянные финансовые заботы о семейном достатке. Теперь же, глядя на бальный наряд вашей невесты, очень изысканный, а, значит, и очень дорогой, начал понимать.

Андрей Георгиевич должен был что-то сказать, не молчать же при монархе постоянно и он сказал:

— Ваше императорское величество, юная красота обязана быть окантована золотом и бриллиантами, иначе она и не красота уже будет, а нищета, пусть и юная.

Сказал и сразу понял, что не то вымолвил, можно сказать ляпнул. Его августейший собеседник как-то странно посмотрел на него, но ничего по этому поводу не сказал. Вместо этого посоветовал провести пару танцев, размяться, пока будет такая возможность.

Попаданец совсем не понял своего покровителя — по его подсчетам им предстояло быть на балу еще, как минимум, несколько часов. Но послушно отдался веселой кадрили со своей невестой. Вернее, он хотел было попросить танец у княгини Ливен, но его перехватила вездесущая Настя и просто повела в круг танца. Даже как-то неловко стало. Ему. А Насте, как и всем окружающим женщинам, все оказалось обыденностью. Был мужчина ничей, а потом стал одной из представительниц прекрасного пола. Ничейный мужчина слаб, а женатый, значит, спасенный. Не так ли, мой дорогой?

Что оставалось еще сказать дорогому мужчине? То, что нравится, его женщине, разумеется, разумеется и его. А то ведь обидится вусмерть.

А потом по сигналу императора танцы временно прекратились и началось действие с наградами — главный момент на балу у большинства присутствующих. Ибо, танцы — танцами, а ордена все же впереди. Все так считали и даже император Николай, который уже давно только награждал.

Андрей Георгиевич в отличие от остальных ничего не ждал. Он почему-то думал, что пальмовая ветвь его почти жене и есть обещанная награда. Больше он и не требовал. Основное его вознаграждение стояло рядом и, как всегда, что-то ласково щебетало. При чем и ему, и что важно, ей самой, неважно было, что она говорила. Они просто наслаждались обществом друг друга, не менее. Соседи их, как правило, народ семейный обоих полов, это понимали и не мешали.

В такой розовой и немного дурманящей атмосфере он внезапно слышал свою фамилию, что его, безусловно, удивило. Во-первых, он, как уже было сказано, не ждал сегодня награды от императора, во-вторых, шла еще начальная часть награждения, когда призывали только их высокопревосходительств.

Но глашатай повторил:

— Надворный советник камергер Макурин!

И он, неловко и торопливо, пройдя сквозь окружающих, и получив слабенький тычок от его будущей благоверной, двинулся к Николаю I.

Император с ним не поздоровался — еще бы, сколько часов они были сегодня в работе и на отдыхе — просто ласково улыбнулся. Андрей Георгиевич с некоторой поры входил в небольшой круг собеседников, которым не надо было сохранять маску жесткого и принципиально правящего монарха.

И затем начал награждать, громко комментируя, как всегда, чем и за что.

— Андрей Георгиевич в бытность свою у трона не раз в прошлом помогал нам в наших трудах и заботах. За это мы даруем ему орден Святослава I степени.

Придворные и те немногие счастливики — приглашенные равнодушно загалдели,

зашумели. Даже не для награжденного. Тот был хотя и явным фаворитом, но как-то не очень. Ибо хоть Святослав к этому времени и был в России новым орденом, пришедшим по воле Николая из Польши, и тем более Макурин поучил наивысшую степень, но в целом он был невысокой наградой для XIV — где-то X классов, то есть для большинства уже превзойденного периода жизни.

Попаданец думал также. И хотя любая награда из рук императора будет почетной, но для него Святослав даже I степени не является той вехой, к которой надо еще стремиться в будущей жизни.

Но император Николай его все же несказанно удивил. Он, оказывается, что думал, то и говорил, случай даже для монарха исключительный. Святослав был наградой действительно для прошлых его достоинств. А вот следующие награды были уже для будущего. И не только в виде какого-то ордена.

— Мы в своей работе увидели, что в своей личной канцелярии нам необходимо иметь еще и свой департамент, который обслуживал только бы нас. Это был бы оптимальный вариант. Одним из столоначальников в нем, безусловно, должен стать Андрей Георгиевич Макурин, как самый подходящий чиновник. Поздравляю вас, Андрей Георгиевич!

Он первым захолопал, а за ними зааплодировали и остальные.

Умеют же монархи удивлять! — несколько обалдевающе подумал Макурин. Такой награды он не ожидал. Нет, он, конечно, не пропустил сегодня днем слова повелителя о новом департаменте, но думал, что столоначальником станет другой его высокопревосходительство. Мало ли в столице генералов. Оказалось, с точки зрения Николая, очень даже мало.

И это было еще не все!

Подождав, пока легкое волнение в зале пройдет, монарх продолжил:

— Наш столоначальник и камергер Макурин по своему положению не может больше быть надворным советником. Да, Андрей Георгиевич? — спросил он вдруг у попаданца.

Что мог сказать бедный чиновник из будущего, которого к этому не готовили? Мявкнул, брякнул, а потом вдобавок густо покраснел. Очень получилось некрасиво с точки зрения самого Макурина. И очень прелестно с точки зрения окружающих, в том числе и самого монарха. Он ободряюще улыбнулся, добавил:

— Поэтому я решил поднять тебя в классе. А поскольку и следующий класс статского советника для столоначальника личного департамента императора оскорбительно уже для меня, Посему, пропустив статус статского советника, я повелеваю дать тебе класс действительного статского советника!

Вот ведь... его императорское величество..., какую спектаклю разыграл, — подумал крайне пораженный Макурин, — и похоже, не я один крайне удивился, судя по реакции присутствующих.

Но он (и остальные) еще рано подбивали бабки степени своего изумлению. Император, помолчав и явно довольный взглядами публики, снова громогласно объявил:

— Мой действительный статский советник в ознаменовании прошлых и будущих заслуг награждается орденом святого и благоверного князя Александра Невского!

Шум толпы резко подскочил, превратившись в гул. Орден Александра Невского в Российской империи был высок, не то, что в советское время. Им награждали только в генеральских чинах или приближенных к императору. Хотя Андрей Георгиевич уже стал действительным статским советником, то есть штатским генералом. Ха, посчитайте-ка

действительных статских советников, кавалеров этого ордена! Кажется, Николай I, хотя и стремится удержаться в официальных рамках, на этот раз дал немного маху. Хотя, кто ему это скажет?

Обласканный и награжденный по макушку, он вернулся обратно, чтобы выдержать новую волну празднований. Его, конечно, поцеловали в щечку (Настя и, вроде бы еще какая-то девушка, судя по злобной реакции невесты), похлопали по плечу знакомые и незнакомые, в том числе и бывший его министр генерал-лейтенант гвардии Подшивалов. Последний, впрочем, поздравил довольно кисло.

«Как это бывает, — подумал Макурин, — кисло-сладкий соус. Не дай Бог такая жизнь будет!»

Он подбадривающе улыбнулся генералу. У того действительно началась какая-то черная полоса, словно вместе с Макуриным из министерства ушла удача.

Попаданец сказал об этом шутливо, но Подшивалов кинул на полном серьезе. Господи, боже мой. До какой степени надо дожить, чтобы совсем не понимать юмора!

Впрочем, генерал-лейтенант со своими горестями и бедами вскоре потерялся в толпе окружающих. «Надо будет спросить как-нибудь у государя», — подумал Макурин и, не стыдясь, всласть расцеловал невесту.

Та тоже не пришла в ужас, только внимательно приглядывала за его руками и в ответ на укоризненный взгляд мило улыбнулась и тихонечко сказала, почти промурлыкала:

— Сначала венчание, милый, а уже потом все остальное в обязательном порядке, а не наоборот, как говорят некоторые.

Сам виноват. Андрей Георгиевич как-то раз практически в шутку предложил Насте быть новатором в амурных делах: сначала плотские утехи (в XXI веке — так называемый секс), а потом, когда они уже все опробуют и убедятся друг в друге, пойдут венчаться. Казалось, что с того, не режут ведь. Но Настя побледнела, посмурнела и целых три дня не допускала до себя. Или, точнее, не позволяла целоваться. А потом с завидной регулярностью напоминала, морально подпिनывая. Но ничего, он уже решил: обвенчаются, у них все будет, как мужчины с женщиной, вот тогда он ей напомнит.

С этими мыслями он ее снова поцеловал и даже вздрогнул, когда она мечтательно произнесла:

— Ах, вот когда обвенчаемся, вот тогда ты в постели за все заплатишь!

Господи, Боже мой, что у этих женщин в голове?

Как жаль, что время пребывания в Зимнем дворце состояло не из одних празднеств! Ведь следующий день для Андрея Георгиевича (и для Николая I, между прочим) был полномасштабным рабочим. Впрочем, Макурин не унывал. Наоборот, если бы завтра ему сказали — отдыхай, Андрей Георгиевич по-настоящему бы загоревал. Попаданец наш был обычный трудоголик и жизнь видел только в труде. Этого невозможно было радоваться или печалиться, а лишь констатировать, как объективную реальность.

Ранним утром для жителей XIX века (для попадана XXI столетия нормально) он, попи чаю с закусками, опять поговорил с императором о свадьбе, вручив ему приглашения. Фу-ух! Остальные для императрицы и для ее семьи согласилась вручить Настя.

Подкрепившись перед работой, он невозмутимо сел около стопки с документами, представляя Николаю самому выбрать приоритетные. В самом деле, бумаг было столь много, что за день даже при тщательной и эффективной работе их бы не переписать.

От императора, впрочем, указание было в быстром темпе провести в соответствующую очередь документов и Андрей Георгиевич не спешно, но и не затягивая стал переписывать.

От раннего утра и еще некоторого сна в голове говорить не хотелось обоим. Работали молча и эффективно. Сам Андрей Георгиевич переписал несколько бумаг легкого, но важного документа, как отметил Николай. Император в очередной раз залюбовался, видя, какой каллиграфический почерк получается у чиновника. Как его после этого не наградишь! И погрузился в следующий.

Но ближе к обеду они заметно приустиали и оголодали. Работали уже лениво и не так желанно, больше ожидая нужного времени. Николай, смотря на большую стопку проработанных документов, с удовлетворением обозначил:

— Сегодня не зря проработали. После обеда еще посидим и вполне ликвидируем этот завал, образовавшийся в последние дни. Хотя, так бы еще поработать завтрашний день... — монарх красноречиво посмотрел на Макурина.

Чувствуя, что разговор идет в нехорошую для него сторону, Андрей Георгиевич поспешно обозначил ряд работ в поместье. Он был такой большой, что впечатлился даже он, знавший, что одни можно отложить, а другие вообще забыть, как совершенно второстепенные. Все равно оставших оказалось очень много. А что вы хотите, весна. Не только у крестьян, но и помещиков страда!

— Я поспешу с новыми писцами, через месяц — другой они уже могут быть готовы к второстепенным бумагам, — предложил Макурин.

Императору такое предложение не впечатлило, но он больше не настаивал на дополнительном дне. Лишь предупредил, что учеба с недорослями не входит во время работы с бумагами.

Попаданец только мысленно вздохнул. Монарха тоже можно было понять. Работы было всегда много, а он ее уже выплатил авансом. Хорошо оплатил, между прочим. И чинами, и орденами. Только ведь и он просится не отдыхать. Дел тоже много, а время не резиновое.

Так в миноре, но с некоторым удовлетворением прошли в столовую, пообедали на этот раз одни, потом отправились обратно в кабинет. Уже беря очередную бумагу, Николай вдруг вернулся к уже забытому Макуриным разговору:

— А как это Настя тебя отпускает на такое время? Любовника нашла? Не похоже, мы

бы тут уже знали. Как вы так сговорились?

Андрей Георгиевич, честно говоря, и сам не понимал. Был бы ревнив, терзался бы, а так только надеялся, что Настя будет благоразумна. Ха-ха, юная девушка благоразумная. Ага, а пьяница не пьет. Будь у него хоть не много свободного времени, он бы быстренько подумал, что здесь что-то неладно. Но времени, как всегда, не хватало, а красивым женщинам обмануть мужчин было очень легко. И даже не надо чрезмерно думать, просто надо сделать разрез на груди больше. М-да, сильный пол в этом отношении всегда слаб и глуп, что в темном прошлом, что в светлом будущем. И кто из мужчин думает, что он умен и женщины в его воле, тот наиболее глуп и давно уже под женским каблуком. Се ля ви!

Макурин уехал поздним вечером, сразу после долгой, плодотворной, и, скажем честно, нудной работы. Документы сегодня были простые, знай только переписывай без переделки. Устал, зато был в радости от пяти следующих дней на природе. Весенней теплой природе, когда все люди слегка шалуют от весенних дней. И, кстати, не только люди.

Настя, правда, дотошно допытывалась, где и что он будет делать. Так, что и попаданец заподозрил, что здесь как-то не чисто. И не только от его стороны. Но подумал, глядя в правдивые глаза невесты, что она всего лишь слегка заревновала.

Дорога была почти летняя, уже не грязная, но еще не пыльная. Ехали быстро и без мучений и уже полночи приехали в поместье. Андрей Георгиевич, слегка покушавши, буквально рухнул в постель. Все назавтра, господа и поселянки!

Завтра, похоже, настало гораздо позже, так сказать, утро пришло в обед. Но Андрей Георгиевич не терял бодрость духа. Как говорится, начать (ударение на первую гласную), а потом будем смотреть.

С сегодняшнего дня, когда крестьяне еще пахали, и помещику по большому счету делать было нечего, он решил пройти по крестьянским хозяйствам и сделать сразу несколько дел:

Во-первых, просмотреть сами хозяйства, все ли правильно, а если неправильно, то почему;

Во-вторых, посмотреть, какие еще можно развернуть ремесла, ведь хоть средняя полоса России не столь богата природными ресурсами, но ведь и не пустыня. Главное, подопнуть, а уж крестьяне и сами полетят;

В-третьих, развитие молочных продуктов. Немного усилий, немного денег, а там крестьяне и сами поймут, что и им выгодно. С попаданца только передовых технологий еще XX века и немного злости для начала. И вперед, лошадки!

Планы были можно сказать наполеоновские, но сами они не пройдут. Более того, Макурин подозревал, что крестьяне в своем консерватизме будут очень упертыми и ему придется не одну палку поизносить об мужицкие спины, пока производственные связи обозначатся и товары пойдут на прилавки покупателей, а деньги, соответственно, благородному помещику и грязным крестьянам. Какая разница, они, ласковые мои, не пахнут!

«Между прочим, — подумалось вдруг ему, — а почему не построить трактир в Березовом? Так сказать в пилотном варианте. Много он здесь не заработает, не потому, что здесь мало пьют-едят, а потому как у его крестьян пока нет свободных денег. Исходя из этого, здание сего увеселительного заведения надо построить не в самом селе, а на небольшом расстоянии, у большого губернского тракта. В убыток не будет существовать и ладно».

За завтраком (за обедом) жуя бутерброд с божественной колбасой и запивая все это чаем с вареньем (очень вкусно!) он потребовал у Леонтия и у нового парня с нелепым именем Опрос немедля выломать новые палки и быть готовы к тяжелому физическому труду.

— Пороть будем, — пояснил он посмурневшим парням, одновременно в голове все еще обдумывая идею о трактире.

А парни, видимо, подумали, что палки они будут готовить себя, к многострадальным спинам.

Оторвавшись от мудреных мыслей Макурин, наконец, обстоятельно пояснил:

— Не вас будут бить, а вы будете бить. А то мужикам надо. Лучше сейчас бить немного, чем потом на кошмарную каторгу. Ясно, бестолковые?

Андрей Георгиевич продолжил завтракать, а парни угукнули, и, простимулированные, таким образом, ушли в ближайшую рощу — вырезать полюбившуюся палку. Помещик же начал искать масштаб рынка:

— А скажи-ка, Авдотья, — спросил он у ключницы, пришедшую спросить у барина указаний, — почему у меня нет на столе молочного? Ни творога, ни животного масла, ни даже простокваши (творога)? Что это безобразия, в конце концов!

— Дык, благодетель, особо не готовят, — ответила порядком струхнувшая старуха, — крестьяне все свежим молочком обходятся. Очень уж тяжело да муторно. А прежние помещики и не требовали. Они преимущественно вина да водок на стол хотели, да побольше и покрепче.

Вот ведь дожили! — уже по-настоящему раздраженно подумал Макурин, — помещик не может покушать, а то крестьянки устанут. Пся крив! И жрать, наверное, и самим нечего, кроме самых простонародных кушаний.

Но вслух только поинтересовался, привезли ли заказанное им оборудование. В принципе, знающему человеку это простенькие приборы и попаданец в два счета объяснил, даже нарисовал. Причем схитрил. Оборудование было некомплектное и в россыпь. Так сразу и не поймешь. А не достающее доделывают местные кузницы. Со временем, конечно, поймут, но позже, когда он уже разработается.

— Благодетель! — ожила ключница, поняв, что барин успокоился и уже в здравом уме, — все сделано, как вы велели. Миски, кувшины, трубы привезли, пока в сарае лежат. Кузнецу уже сказано было, будет кумекать и ковать.

Последние слова Авдотья сказала с натугой. Кузнец, видимо, оптимизма ключницы не держал и постарался это до него довести. Ха-ха, конечно, объяснит! У него уже есть драгоценный опыт пояснения кузнецов, растолкует и этому.

После завтрака, прежде всего, подъехал в деревенскую кузню с телегой, полной различного металла. Кузнец Герасим был пусть и неграмотным, но весьма сметливым. Попаданцу было достаточно один раз собрать нужные изделия, доработав некие дополнительные детали, как у того больше не возникало вопросов.

Посмотрев, как он умело и быстро собирает весьма сложный сепаратор, Андрей Георгиевич отправился к крестьянам — объяснять и, если надо, пороть. Процесс был довольно прост — мужика — домохозяина (или его бабу в отсутствии) сначала допрашивали о количестве и качестве местного хозяйства, возможности для дополнительного заработка. Потом приказывалось, что надо еще делать.

Ненароком приглядел место под трактир. Хороший пригорок — виден издалека и из

дороги, и из села Березовое, приличные подъездные дороги, есть просторная площадка для автомашин, пардон, карет и телег — он поехал непосредственно к крестьянским избам.

Как Макурин и догадывался, ни у кого интереса его предложение не интересовали. Кто-то из лени, кто-то из-за рук, которые не из того места растут. И у всех от примитивного консерватизма. Дескать, пусть бедно живем, зато как все. И ничего тут!

Хорошо все же быть полновластным помещиком! Он сразу находил лекарство — пять палок, для самых тупых и ленивых десять и крестьяне нехотя начинали шевелиться. Пока организационно, а потом будут и хозяйственно. А куда деваться? Если не будешь делать, как барин велел, он пообещал через день давать вдвойне палок, через два дня втройне и так далее, пока не помрешь.

Лишь один из примерно ста оживался при слове торговля или еще продавать. Робко спрашивали, а им что-то будет? Этих Макурин запоминал, подробно объявлял уже сказанное, что вся продукция, ими произведенная, делится на три части — одна пойдет ему, барину, в счет оброка, вторая будет обязательно продаваться по здешней цене, а деньги перейдут самим же крестьянам, третья доля твоя. Хочешь, продавай, хочешь, жри в три глотки, твое дело. Поэтому, это в твоей же выгоде получать больше.

Устал, охрип, но к позднему вечеру оказался доволен. Что-то, кажется, сдвинулось. Пусть добровольно, пусть принудительно, но крестьяне молочные продукты будут производить уже сегодня — завтра. А там, глядишь, и другие промысла пойдут. Андрей Георгиевич твердо сообщал свои крестьянам, что он будет брать и продавать не только овощи, но и ягоды (домашние и дикие), грибы, лекарственные травы. Схема такая же — одна часть бесплатно, как оброк, вторая часть обязательно будет продаваться с возвратом денег. А половину держи у себя — хочешь, жри, хочешь, продавай, барину все равно. Но каждое хозяйство, как минимум, должно выработать определенный объем.

Собеседники (мужики, реже бабы) недоверчиво хекали, но делали. А что им оставалось? Не хочешь — заставим, не можешь — научим. А потом обязательно выпорем. Это XIX век, детка. Бабы здесь в обязательном порядке должны рожать и работать, а мужики работать или воевать. И никакой бестолковой демократии!

Попаданец Андрей Георгиевич сам мысленно хекал и все удивлялся. Ведь все слушаются, никто не бунтует или хотя бы не прекословят. Молча делают и ложатся под палки. Во как!

Правда, что-то хорошее было сделано и самим конкретным крестьянам. Тем из них, кто исподволь работал в приработках и, что существенно, умел это делать и мог в будущем получать натурой и деньгами барину, тот, не раздумывая, урезал и земельный надел и оброк от этого. Ведь общая сумма даже увеличилась за счет ремесла. А кое-кому, наоборот, увеличивал земельный надел. Здоровье есть, сила есть, лошади тоже.

В таком хозяйстве земли не хватало даже с дорезкой доли от бывшей барщиной земли. Дам! Пусть работает, и получает себе больше хлеба и ему, бедному пока помещику.

Так, а что он получил в общем итоге? Есть послушные, но очень пассивные работники. Это хорошо. А вот дальше уже плохо. Лишь проговорены механизмы получения продуктов и изделий крестьянской промышленности от них к барину и дальше. Обозначены каналы выручки с туманным результатом.

Вот это слабое место в его эффективной, в принципе, структуре. Завтра же будем дорабатывать и искать.

Это было последняя мысль уже в постели темной ночью. Честно говоря, Андрей

Георгиевич наконец-то пришел к мнению, что секс с незамужними служанками — это даже хорошо. Без всяких последствий в виде беременности, семьи и романтической любви. А то ведь так иной раз так иная глянет, что мужская плоть просто затрепещет.

Но вот сегодня так устал, что ничего не надо, только спать!

Утром мышцы тела трещали и больно жаловались, даже те, о которых он не знал. Словно вчера он не напропалую трещал, буквально уговаривая крестьян, хе-хе, а мужественно физически трудился. Вот ведь закавыка! На счет уговаривать он, разумеется, погорячился, но и руками же не работал!

Кое-как сел в одном дезабилье в постели, опустил на приятно холодный пол. Этаж был второй, то есть его пол был для кого-то потолком. Как-то грело, в общем, но после кровати было все же холодновато.

Потянулся, закричав от удовольствия, и вдруг сграбастал шмыгающую кругом служанку Анюту, бросающую лукавые взгляды.

Та негромко ахнула. Не от страха, больше от неожиданности. Потом радостно замолчала.

Он тоже, между прочим, не набросился на нее, как зверь. Посадил ее на колени, четко обозначил свою позицию:

— Женюсь скоро, но не намерен. Где-то в течении полгода моя постель будет пустая. Пойдешь ко мне?

Анюта молчала, доверчиво прижавшись к нему, но попаданец чувствовал, как напряглась ее грудь. Понял, это она внешне спокойна, а внутри напряженно думает, как и что.

Поцеловал ее крепко в качестве дополнительного стимула, погладил по голове, как маленькую девочку. Она сдалась, смущенно негромко сказала:

— Да, барин, неженатая я, свободная. Суженый мой, с которым мы жили, почти как жена с мужем, в прошлом году помер. Вот и стала не нужна ни его семье, ни своей.

Вот же ж жизнь в эту эпоху, родишься и сразу умирай. А все считают, что это почти правильно. Бог дал, бог взял. Крестьянские семьи потому большие, что умирают много. А служаночку эту надо отдать замуж. Лицом пригожа, фигурка хороша, что грудь, что ноги, характер добрый. Чем не жена одному из холостых парней? Много их при помещике служат и как-то и не собираются жениться. А мне, помещику, от этого убыток. Дети ведь, как это не цинично звучит, тоже имущество от крепостных.

Осторожно положил Анюту на постель, опять поцеловал, ласково погладил ее по телу. А она и не против была, ответила, как могла, ахнула тихо и счастливо на его ласку. И когда стал снимать простой, но сложный наряд служанки (у женщин и так бывает) сама стала помогать.

В результате он опять встал к обеду. Крепостные его от последней служанки до Авдотьи все уже знали и только шептались, бросая жаркие взгляды. Барин сдался!

Ключница аж перекрестила щедрой рукой:

— Слава мученице Марфе, наконец-то свершилось!

— Что такое? — насторожился Макурин, — я сделал что-то непотребное, не по православным канонам?

— Господь с вами, благодетель, наоборот. Сколько девок и молодых баб накопилось при помещичьем дворе, а ты даже и не смотришь. Вот наши дуры и подумали, что барин наш и предается библейскому греху с мужчинами на стороне. Но раз так, то они все понятливые,

барин. Будут молчаливы и скрытны.

Вот еще, придумали, голубым он никогда не был! Сам с презрением на них смотрел хоть в XIX веке, хоть в XXI. Ну, бестолочи! Однако, решив одну проблему, он сразу получил другую. Надо бы ее сразу разрешить, хотя б частично. А то перед Настей стыдно. Да и обидеться она может серьезно, вплоть до развала новоявленной семьи Макуриных.

— Послушай, Авдотья, говорю с тобой прямо. Анюта девка славная и тешить мужскую похоть с ней приятно. Но она мне не пара, это понятно и ей, и мне. У меня есть невеста Анастасия Татищева, которая через несколько месяцев будет мне женой и станет здесь хозяйкой. Помнишь такую?

— Господь с тобой, благодетель, конечно, помню, — как обычно, перекрестилась ключница, — хорошая будет хозяйка нам, а тебе жена.

— Вот, хорошо, — обрадовался Макурин, — и когда она сюда приедет на медовый месяц после венчания, ей будет неприятно слышать такие слухи. Так ты, Авдотья, присмотри за прислугой. А то они, понятливые, разумеется, но бабий язык до Киева доведет. Скандал может быть громкий и неприятный. Поэтому, Авдотья, я тебе даю официальное поручение. Дай список самых болтливых, Леонтий и этот, Опрос, выпорют, дай и молчаливых, им я дам подарок. Тебе тоже, если справишься.

Ключница незаметно исчезла, а помещик Андрей Георгиевич Макурин, позавтракав а заодно плотно пообедав, отправился по намеченным целям. Под стоячий камень вода не течет, а чтобы быть богатым, или, хотя бы, зажиточным, надо прилично бегать. Поехал, как всегда, в бричке, но за ней ехали две крестьянские телеги с нехитрыми припасами. все понемногу, но зато прилично многообразно — рожь, молочные, мука, крупы, даже отруби из недавно пушенной мельницы, мед и воск чуть — чуть из прошлогодних продуктов, соль, разумеется. Ягод и лесных изобилий еще было мало, соленых и сладких изготовлений он брать не стал. Все одно мало. Зато в разнообразии были изделия из лесоматериалов и из ряда очередных — от лыка до деревянной и берестовой посуды. Крестьяне сработали и помещику дали.

Хм, ну как дали. Макурин ведь не только расспрашивал. С подачи Акима, у которого давно моська была в пуху, он легко нашел смекалистых ремесленников. Вот, например, этого. Хозяин явно не был готов к такому нездоровому интересу и его изделия густо работали и на столе, и на скамьях, и даже на полу. А ведь барину ничего не давал в счет оброка!

— А ты, говоришь, только в отдаленных деревнях умельцы, — упрекнул помещик управляющего и взял первую попавшую деревянную кружку. Липовая, с хорошим запахом и вычурным вырезанным рисунком на растительными и животными темами.

— Ух, вот это он сделал! — оценил Макурин, спросил, между прочем, — как, кстати, тебя зовут?

— Удальцовы мы, — без всякого восторга сказал крестьянин, — крепостные, значитца, вашей милости.

— А ты, кто будешь из Удальцовых? — продолжал допрашивать Макурин.

— Михаил, — окончательно сник хозяин, как увидел помещик, наконец, совсем еще молодой крестьянин.

Да ведь ему лет шестнадцать! — удивился попаданец, — как он на соху встает? Там сила должна быть богатырская!

— Не рано ты стал домохозяином? — прямо спросил он у крестьянина.

— Да нет, остальные тоже в эти годы stanовятся, — пожал он плечами, — да и не как нам иначе. Матка давно умерла, с сестрицей трудно разродилась, Тятка нынче зимой замерз.

— Как это? — опять удивился Макурин.

— Все в воле Господне, — вздохнул Миша, — поехал нынче зимой в рошу берез порубить за лес и для поделок, а к вечеру лошадка наша сама привела. Немного дров и тятю. Мертвый и уж совсем замерзлый.

«Да уж, — подумал попаданец, — по нынешней поре и не узнаешь — то ли сердце, то ли мороз, а, может, и кто убил».

На фига он сюда пришел. Вроде бы семья как семья, а такое горе. И что же община? — метнул он убийственный взгляд на Акима. Тот только руками развел и Андрей Георгиевич понял: кормилец есть, лошадь от прежнего хозяина осталась, землю пахут. А остальное не их дело. Ха, община, может, и не дергаться, а управляющий помещика как же?

Он-то думал, что тут молодая семья живет, хозяйство развивает, ночью любовь крутит да ребятенков рожает. А тут брат с сестрой бесполезно живут.

— Братья — сестры еще есть? — уже командно спросил он.

— Нет, — отрицательно покачал Миша, — двое мы живем. Я да Лена.

— Понятно, — резюмировал Макурин, приказал: — непотребно это по православному обряду. Слышали, священник в селе появился?

— Да, — дружно сказали брат и сестра, тревожно переглянулись. Чуют, что не обычаю живут. Что же тогда не прекращают?

Разгадка оказалась простая, едва спросил.

— Да к кто ж меня возьмет, бесприданницу, — вдруг всхлипнула Лена, — и Мише почти ничто не идет из имущества. Лошадь уже старая, дома лопоти никакой. А бедноту и уродины нам самим не надо.

— Ну, надо не надо — это не вам решать, — не пошел на поводу у хозяев Андрей Георгиевич, хотя сказал: — а по хозяйству это трудно.

Хотел было, как всегда, свалить на общину. Это их дело, паразитов! Но потом подумал, что мужики, как стопроцентные бюрократы, все отволокут. А хозяин замечательный мастер, такого жалко мучить. Решительно вытащил из кармана стопку кредиток, отсчитал приличное количество, громко сказал:

— Михаил Удальцов и его сестра Елена! Вот вам по сорок рублей ассигнациями, даю вам по два дня сроку, чтобы девушка, соответственно, вышла замуж, а молодец женился! Ясно, хозяйева?

— Ясно, барин! — хором ответили они. Макурин заметил, что тревога, наконец, оставила их лица, особенно сестру. Красавица, хотя и ничего такого. А вот Михаил зря успокоился. Они еще о его товарах не говорили.

— Теперь об этом! — мотнул он головой на труды хозяина, — слышал мои хозяйственные принципы?

— Слышал, барин, — почему-то не испугался мастер.

«Хозяин — барин, — пожал плечами Макурин, — хотя барин здесь только Я, хе-хе». Прямо спросил:

— Во сколько ты оцениваешь свои товары?

Михаил изрядно помолчал, раздумывая. Если он скажет немного, то и оброк будет небольшой. Но тогда и сам он получит немного. Продавать-то будут через работников

помещика. Можно и больше сказать, но тогда оброк увеличат, а вот продадут ли еще?

Осторожно приценился:

— Несколько гривенников, максимум полтинник, барин.

Макурин с ним не согласился:

— Рубль, а то и два, не меньше. И не спорь со мной, мал еще!

Он рывкнул сердито, хотя тот и не пытался говорить. И правильно делал. Попаданец был столичным дворянином в этой жизни, и опытным торговцем в прошлой. Он видел, какой ему попался искусный ремесленник, какие товары он создал. Сам Макурин ни за что не будет продавать их. По крайней мере, из этой серии. Часть оставит у себя, часть подарит знакомым, в первую очередь невесте. И, пожалуй, императору!

А что, — подумал он на деревянный сервиз с вырезанными портретами императорской семьи, — уровень такой, что не только возьмут, но и еще попросят и даже деньги навязывать будут.

Однако, парню надо сегодня авансом дать хоть копеечку дать. Пить — есть тоже необходимо. Опять же дерево, тоже, поди, ворует.

Вот тебе, милый, полтинник серебром, — бросил он на стол два рубля банкнотами, — и не воруй из казенных лесов. Продам в Санкт-Петербурге, потом зачтемся, сколько тебе, сколько мне.

И вышел во двор, не слушая благодарности хозяев. А теперь вот нагрузился на продажу и в подарок. Высокая политика! Изысканная дипломатия!

На взгорке он остановился, еще раз огляделся. А все-таки изрядно хорошо! Точно здесь будем строить!

— Вот, Петр, здесь и будет наш будущий трактор, — обратился он к собеседнику, — пойдут едоки и питухи, только держись.

— Должны пойти, — прогудел тот, оценивая обстановку. Впрочем, сказал совсем о другом: — особенно, если пища да питье будут недороги, вкусны али крепки.

«Хех, не учи зрелым ворон воровать», — довольно подумал Макурин. Не то, что он нуждался в его одобрении, но все-таки было приятно, что абориген этого, не совсем такого же века, как у него, положительно оценивает его усилия.

— Здесь я тебя оставлю, — сообщил он ему, — реши, что и как построишь. Планируй сам трактор, обязательно гостиницу, склады под товары, лачуг каких под жилье. Я приеду, организую рабочую помощь. Все одно крестьяне после посевной посвободнее. В раз поставят.

Потом подумай, кого можно взять в подавальщицы, мальчиками да кухонными мужиками. Смотри по всему поместью, не только по Березовому. Наглые, хорошенькие или, наоборот, ни к чему не годные. Что бы в хозяйстве они были не нужны, а тебе, напротив, поболее пригодились.

Посмотрел внимательно на мужика, — сообразил ли, бедолага? Вроде бы сметливым казался. С другой стороны, дело для него новое, надо помогать, особенно по первую пору. И рабочей силой, и припасами, и умными мыслями.

— Решишь все, иди домой, меня не жди. Завтра договорим.

И поехал. Некогда уже. Как в XXI веке, жизнь убыстрилась, только успевай поворачиваться. Раньше это в прошлой жизни напрягало, а теперь вот только радуется.

Заглянул еще на мельницу. Как Аркашу-мельника сторговал (или выпоил, ха-ха?), так и ни разу не был на мельнице. А тот по-хозяйски разработался с мужиками. Те ведь тоже не дураки, понимают, зачем она нужна. А тут еще «добрейший» Макурин через Акима сообщил крестьянам:

— Мол, своим жителям дозволено будет два али три мешка зерна в ближайшие месяцы молотить бесплатно. Налетай, подешевело!

Обычный маркетинговый ход, но в темный XIX век простоватые аборигены ах уписывались от восторга: Добрый барин (дурак, между нами) изволил бесплатно молотить!

Конечно, прибыль от этого изрядно уменьшалась, но вообще не исчезала. Всем хорошо, а барину всех лучше.

Мельница была поставлена неподалеку от села, немного от дороги, понятное дело, на реке, как еще можно поставить сооружение с водяным двигателем. Мужички вырыли котловину, поставили насыпь, на ней хороший сруб. Аркадий с помощниками (молодые местные парни без хозяйства) поколдовали, пошаманили. И мельница, заскрипев, заработала на радость «обчеству»! А втихомолку, конечно, барину.

Она и сейчас скрипела за несколько верст по округе, пугая местных жителей. Сюда даже не надо было ставить замки, крестьяне приезжали строго по нужде и, обмолочив зерно, сразу же уезжали, крестясь и поминая Господа. Понятно, почему стало столько сказок о темной силе на мельнице!

Андрей Георгиевич, разумеется, не трепетал от ужаса. Деловито перекрестился (мужики не поймут, если так просто пойдешь, это как рукопожатие в некрещеном будущем), поговорил с мельником. Они здесь с Аркадием не только муку мололи, но и подешевле покупали.

То есть, разумеется, льготы всем были в честь открытия мельницы, (своим побольше, чужим поменьше, но все равно зримо), а продавали добровольно. Ведь все равно народ продавал. Ведь это бедняки мололи на еду, а зажиточные крестьяне по летней поре больше на продажу.

А продавать не все одно, на рынке или у мельницы? На рынке, естественно, дороже, но если посчитать затраченное время, да пошлину, да дорогу, то не очень-то и получается выгодно.

Аркадий доложил, что муки куплено на пятую сотню пудов и удалось дешевле. А то новый урожай скоро. Это ведь у кого как ассоциируется начало лета — у бедняков нехватка и впроголодь, а у зажиточных необходимость продать зерно от прошлого урожая. А топустишь момент и будешь сидеть с затхлым зерном.

Мельник там им и говорит, предлагая дешевую цену (он уже вошел в доверие Макурину и тот разрешал ему проводить денежные операции). Нет, поначалу почти все, негодую, отказывались. Но потом довольно быстро соображали, что им тоже хорошо. И как, и уже всю продавали. Ассигнации ведь и серебро не портятся, не зерно и, тем более, не мука.

Похлопал ему по плечу, показывая, что доволен. А про себя подумал, что уже пошли товары в массовом порядке, а у него еще товарная стриктура не доделана. Караул! Так ведь он и ничего не заработает! Не стыдно тебе, господин Макурин, и даже не Андрей Георгиевич XIX века, а Андрей Игоревич XXI столетия. Продажа, это был когда-то его конек!

Поэтому взял еще полмешка белой пшеничной муки и торопливо уехал. Надо быстрее ехать торговать и между делом везде дарить, чтобы потом тоже торговать. Маркетинг — дело тонкое!

Но в поместье к Вязьмитиновым все же приехал. И не только по делам с недорослем, их бестолковым сыном. То есть, сначала с сыном, а потом с хозяйством. Деньги ж счет любят, это каждый знает!

В поместье сразу оглушил чету Вязьмитиновых:

— Честь имею видеться, действительный статский советник и камергер Макурин, столоначальник в собственной Е.И.В. канцелярии!

— И-ик! — пискнула от неожиданности жена, — надворный же был советник!

— Пожалуйте к столу, — поддержал ее муж, — мальвазии уже нет, но есть другое, такое же хорошее вино! Обмыть надо чин и должность тоже!

«Бр-р! — аж передернулся Макурин в воспоминаниях, — не надо нам никакого вина, ни хорошего, ни очень хорошего!».

— Никак не могу-с, — вслух вежливо отказался Андрей Георгиевич. Пояснил: — его императорское величество очень торопит меня по службе. Дела немешкотные!

Положил свой служебный головной убор на стол, но сам туда не уселся. Нальет еще щедрый хозяин так называемого вина, опять день пройдет насмарку.

— Я чего к вам приехал. Помню, говорили, о вашем сыне, Георгии.

— Да, ваше превосходительство! — слабо улыбнулась Любовь Дормидонтовна, — ежели пристроите, век будем вам благодарны!

— Вам очень сильно повезло! — объявил Макурин, — его императорское величество изволил набрать для себя новый департамент, в который я тоже буду служить! И мне надо двух-трех письмоводителей, не больше. Как, Георгий, пойдешь?

— Он будет делать все, что вы захотите, ваше превосходительство! — опять влезла Любовь Дормидонтовна, — мы же дворяне!

— Мне вряд ли! — укоротил он Макурин, — а вот императору — да!

Сказано было громко и сильно. И пока старшие Вязьмитиновы, оглушенные и потерянные, молчали, Андрей Георгиевич в приказном порядке велел Георгию:

— возьми несколько листов бумаги, чернильницу с доброй мерой чернил и пиши прощение на мое имя.

Хоть это он знал! Быстренько написал на этом же столе требуемое. Макурин бегло просмотрел. Содержание его пока не требовалось. Прокомментировал нужное:

— Почерк, право же, не дурен, и ошибок мало, всего лишь четыре на весь текст. Для начала неплохо, но нужно еще очень проучиться. Еще более улучшить почерк, никаких ошибок и ляпов. Ты готов, Георгий?

— Я готов! — подтвердил он, но его мам еще не была готова:

— Но вообще-то он может писать! — рассердилась она.

— А его императорское величество Николай I не вообще! — отрезал Макурин, — так как же?

Он на память написал выходное сочинение (вкратце).

— Вот к такому-то и должен стремиться, — резюмировал написанное.

— Конечно, он будет готов учиться, — вмешался Петр Савельевич. Он, видимо, изрядно пнул жену по ноге под столом, поскольку та ахнула и больше не говорила. С мужчинами же Макурин договорился быстро. Георгий две-три недели поучится в той же школе и у той же учительницы, что и Андрей Георгиевич и поселится, как и Макурин, в той же квартире. Это и дешево и хозяевам будет приятно. А там и попаданец приедет.

Георгий, посмотрев на текст столоначальника, даже как то съезжился. Его почерк, казавшийся неплохим по сравнению с гостем, выглядел теперь, как курица лапой. Проняло даже Любовь Доридонтовну, больше не открывшей рот.

Договорились на счет сына, поговорили и на счет хозяйственных вопросов. Петр Савельевич, правда, уже успел продать будущий урожай за двести рублей ассигнациями, но Андрей Георгиевич тут же перекупил за двести пятьдесят тех же рублей. Рынок-с, это вам не пуси-муси!

С тем и расстались в общем удовлетворенные собой и весенний погодой. Лишь мать малолетнего героя Георгия Петровича была недовольна. Впрочем, женщины всегда смотрят на окружающий мир с кислым видом, на это они и есть женщины!

Уезжал Андрей Георгиевич сразу в Санкт-Петербург. Ибо при более глубоком размышлении понял наш попаданец, что самый оптимальный вариант рынка в любом случае будет столица. Так чего же тянуть собаку за хвост? Надо ехать туда и развивать городской рынок.

Хотя, разумеется, первая его попытка представляла не более, чем разведывательный рейд. Ибо, что можно делать с товарами на двух телегах и даже немного на одной бричке? Только смотреть и прицениваться. Да-с!

Всюду представляясь провинциальным помещиком, что было правдой лишь отчасти, он понемногу представлял то мучицу, то соль, то мед, — в общем, весь имеющий товар.

Их покупали, потихоньку бранясь за недостаточность количества. Но про качество практически каждый раз молчали, из чего Макурин пришел к выводу, что правильной дорогой идем, товарищи! Так держать!

Оставив порядком облегченные телеги с обалдевшими-таки от столицы возчиками, Андрей Георгиевич завернул в Зимний дворец с некоторым количеством продовольствия и, в первую очередь, ремесленных изделий, последние, в основном, из рук небезызвестного Мишки Удальцова. Он с удовольствием их раздавал, а местные придворные с большой радостью их расхватывали.

И, что немаловажно, император Николай I, его жена Александра Федоровна, их дети тоже довольно брали, как отдельные виды посуды, так и целый сервиз на десять персон, более ста деталей! Их активность еще более увеличилась, когда обнаружилось невзначай, что нарисованные люди — императорская семья — это искусно вырезанные силуэты!

И ведь не редкий тогда фарфор, ни драгоценный металл типа золота или серебра, или даже алюминия. Обычное дерево, а ведь поди ж ты!

— Мастер мой, к сожалению, ни разу не видел ни вашего императорского величества, ни вас, ваше императорское величество, ни, те более ваших детей, — извинился он перед Николаем I и его женой, а потом старшими детьми сыном Александра и дочерью Татьяной, — поэтому и портретное сходство пока не очень.

— Ну ничего, — после некоторого молчания (короткого) сказал Николай, — портреты, конечно, не похожи, особенно дети, но вообще посуда по качеству показывает зрелого мастера. Пусть старается!

— Да, — подтвердила Александра Федоровна, — такая посуда, так и хочется сказать брависсимо! Очень похоже на мастера мейсенской школы. Да, Андрей Георгиевич?

— К сожалению, вынужден вас огорчить, но оный мастер мой крепостной крестьянин Мишка Удальцов никогда свое не покидал и уж, конечно, мейсенской посуды не видел и их изображения не копировал.

— Да? — искренне удивилась императрица, — а похоже. Я бы точно перепутала бы. И как отработана посуда, чем он так, какая краска?

— Или лак? — добавил император, аккуратно трогая пальцем поверхность тарелки, — как-то очень уж гладко, аж оторопь берет.

— Нет ваши императорские величества, — ответил Макурин сразу венценосному монарху и ее жене, — здесь нет ни краски, ни лака. Только тщательная обработка и золотые руки мастера.

— Вот они, русские люди! — искренне порадовался за своих поданных Николай I и уже деловито сказал: — ты как хочешь, но мы в твое поместье летом заедем. Сам виноват, и огурцы у тебя замечательные, и природа изумительная. Да еще оказывается мастера золотые. Прямо-таки не поместье, а рай земной!

Конечно же, Андрей Георгиевич не собирался отказываться. Да и его мнение уже ничего не решало. Император всероссийский подумал! И раз государь велел, то кто в России захочет отказаться?

— Разумеется, ваше императорское величество, — поклонился попаданец, — я с большим удовольствием приму своих сюзеренов.

— И я поеду! — поддакнула Настя под руку, сидя рядом (разговор был в столовой перед обедом).

— И ты, моя милая, когда выйдешь замуж, — согласился Макурин. Посмотрел на

невесту и понял, что сказал как-то не то. Женщины, как и кошки, научились очень не вербально разговаривать. Вот и сейчас Андрей Георгиевич видел, как холодом повеяла ее спина. Подумал, что будет ему на орехи после обеда. Надо будет после столовой срочно бежать. Можно, конечно, и без сегодняшнего обеда, но тут еще светлейшего императора обидишь. Трудно быть всеобщим любимцем!

Впрочем, после обеда он все же благополучно удрал. Причем так ловко, что монарх подумал, он у невесты — молодости важны амуры! А Настя решила, что Николай I увел его в кабинет — работа же.

Каково же было их удивление и даже некоторый конфуз, когда они встретились в коридоре и оба без искомого Андрея Георгиевича!

А он уже был довольно далеко от столицы, настолько, насколько могли бежать его лошади. В самом деле, каналы сбыта он нашел, безделушки и посуду раздарил, что ему еще здесь болтаться? Посевная закончилась, но работы-то все равно в сельском хозяйстве много! Айда домой!

Уже женатый кучер Федор был со своим барином общего мнения. Не дело это, жену на ночь одну оставлять, соломенную вдову из нее создавать. Мужик он или нет! А потому то и дело кнут в его руке звонко щелкал. Коней он все-таки бить не хотел, благо они, чувствуя настроение людей, и так спешили.

Уже ночью, после обильного ужина и амурных шалостей заскучавшей Анюты он все же решил провести назавтра общий смотр крестьянского инвентаря. Это, конечно, надо было перед посевной, а не после, но лучше поздно, чем никогда. В конце концов, и осень будет (для озимых культур), а там и весна в будущем году пройдет (яровые), и опять пахать надо будет.

С тем и уснул, прижавшись к пышной груди любовницы, а утром встал как нельзя рано, еще и петухи не все прокуковали. Кухарка лишь в бессилии махнула руками — она ж так рано не готовила, нечего еще на стол нести!

Отмахнулся от кухарки, велел, как и в прежние дни, готовить завтрак к обеду. Выпил кружку холодного кипятка и пошел в помещичий двор, решив начать провезти ревизию с него. Хотя там ничего для летних работ и не было. Барщину крестьяне проводили со своим инвентарем, а сам помещик за плугом не ходил. Не положено-с!

Все-таки нашел неплохой плуг, довольно старый, хотя и не изношенный и железную борону. К чему они здесь, бог весть. Из живности были только лошади. Понятно дело, помещики ездили много, а ноги берегли. А вот ни коров, ни даже куриц и уток не было, если надо было пообедать, то брали сразу от крестьян.

Да уж! Оставалось только кивать на отсутствие в последние месяцы помещиков. Но ведь и он-то местный барин!

— Вот что, Аким, — распорядился Андрей Георгиевич, — земельную барщину я отменил, но вообще мужикам и их бабамзимой ленился нечего. А то детятей станет излишне много.

— Так, — готовно согнулся управляющий, — как и когда прикажете, барин, мужиков поднимать?

— Мгм, — несколько удивился Макурин покорности собеседника. Обычно тот всегда делает, но куда старается, всем своим видом показывает несогласие. Порки, что ли, боится? Разъяснил: — на очередном общинном сельском сходе скажешь мою волю — я желаю, чтобы летом и осенью в свободное время мужики что б бревна приготовили, а зимой

поодаль от помещичьего дома поставили бы несколько ферм. Господские скот и птицу буду разводить.

— И... сколько живности надо будет собирать? — осторожно спросил его подневольный собеседник.

Понятно, как всегда в эту эпоху, Аким решил, что их помещик в очередной раз грабит своих крестьян или, что еще хуже, вздумал дурить, а крестьяне опять же будут страдать.

Можешь не страдать, мой крепостной Вергилий, — насмешливо подумал Макурин, глядя на понурую спину управляющего, — грабить я точно не буду, дурить..., ну с вашей точки зрения, буду и дурить, но, прежде всего, за свои деньги. Вот так!

Решил же попаданец попытаться реализовать свою давнюю мечту, еще с XXI века — создать передовое животноводство. Речь, правда, поначалу шла о колхозе XX века, но, в принципе, не все ли равно, что уровню деревни, что по труду крестьян, что по организации — колхоз ли, поместье ли?

Поставить несколько ферм с высокопроизводительным скотом, в первую очередь с коровами, кроликами и свиньями, а также птицей, в главную очередь, курицей. Ведь в XXI веке как бы невзначай они заваливают всю страну своей продукцией. Так почему же нельзя в XIX веке? Заготовить бы:

— Десять тысяч литров с коровы в год;

— Под сто телят со сто коров, и пятьсот хотя бы голов со ста крольчих:

И со ста куриц несколько тысяч яиц, мяса и пуха побольше, а?

Лошадей же першеронов он будет разводить просто на племя. Видел он крестьянских лошадок, срам один, как на таких пахать, много пахать?

Только не надо размельчать животноводство по крестьянским подворьям. Дешево вроде бы на первый взгляд, а на самом деле на этом разоришься. Нет, только колхозные, тьфу, помещичьи фермы!

— Пусть строят, — ответил Макурин через некоторое время, когда Аким уже и перестал ждать, — скот и птицу я сам привезу!

Акиму ничего не сказал, но так красноречиво перекрестился, что стало ясно — ждал худшего.

— Но а с вас, мужики и бабы, я потребую труда. Хорошего и даже самоотверженного. Сам это пойми и остальным вбей в тупые головы. Иначе полезу в ваши подворья. Я жениться собираюсь, деньги очень нужны.

Акиму понятно и как-то испуганно кивнул. То-то же. Помещик будет напрягаться и вы, мужики, тоже. Иначе никак, это Россия.

Помолчали, помещик еще раз посмотрел вблизи, не ошибся ли ненароком? Да нет, вроде бы хорошее место, тихо, вода мало и у него под боком.

Распорядился:

— Сегодня еще раз пройдемся по крестьянским дворам, глянем кто и как.

— Помещики с дальних времен так не ходили, — намекнул управляющий, послушно, однако, идя следом за хозяином.

— Я хочу быть скорее тревожным, но богатым, чем ленивым и безденежным, — ответил Макурин, даже не поворачивая голову. Знал, его слышат и на этот раз понимают. Не зря же старался говорить «по-мужицки» и еще «по-хомячески». Поймет, гад, или пойдет в рядовые крестьяне.

Пошли довольно рано, но по весенней поре мужики уже шевелились, хотя дениво.

Сейчас была такая пора, когда после весенней посевной и летними работами оставалось буквально несколько дней для отдыха и срочных работ.

В доме Макурин не заходил, что он там не видел, шел сразу к инвентарю. Обычно у хорошего хозяина где-то вместе (в задней стенке избы, в хлеву, в мастерской) находились все орудия труда. Попаданец смотрел, сравнивал, выделял плохое и хорошее. Сначала было интересно, потом уже с определенной скукой. Тем более, общая картина смотрелась ужасно. Или, хотя бы, довольно противно для гражданина XXI века.

Средний крестьянин, прямо-таки середняк (это немного разные термины, хотя и выглядят одинаково) жил и работал еще в темном средневековье. Это было бы неплохо, если бы не выглядело так плохо. Крестьяне пахали на примитивных сохах. Бороновали деревянными боровами — суховатками, сеяли вручную, набирая семенное зерно в лукошко. Бережно, даже скупно.

Единицы из крестьян Макуриных были так сказать передовые. Из самых сметливых и зажиточных. Из тех, кто не только понимал, что не от одного Бога зависит урожай, но и от хорошего инвентаря, но и имел хотя бы небольшие деньги на него.

Одного из них — рыжего Еремея — сметливого, умного, даже начитанного, он попытался разговорить. Кивнул на плуг:

— Пашешь, стало быть, а не царапаешь землю, Еремей? Понимаешь, что надо хорошо обрабатываешь!

Его собеседник осторожно посмотрел на помещика Макурина. «Век бы тебя не видеть, барин», — явно говорили глаза крестьянина. Боится и не любит. А может и ненавидит. Ничего, перетопчется. Будь сейчас 1917 год поднял бы на вилы, а так слишком уж на разных ступеньках в социальной лестнице они находятся, чтобы он мог показывать свое плохое настроение.

— Да, барин, — простужено прогудел Еремей. Говорить-то ведь надо что-то. А то барин рассердится да и прикажет выпороть.

Макурин откровенно усмехнулся, показывая, что все видит и понимает.

— А скажи-ка мне, Еремей, не хочешь ли ты стать у меня передовым крестьянином?

— Это как? — растерялся крестьянин от неожиданного предложения помещика.

— А вот так, — сказал, как припечатал Макурин, — я вам говорил, и буду говорить об улучшении своего хозяйства. Дескать, как это увеличивает доход. Только ведь вам, мужикам, надо не только говорить, но и реально показывать. Вот ты и несколько других общинников будете хорошим примером.

— Не бойся ты, — засмеялся помещик, видя ошеломленность собеседника, — тебе всего лишь надохорошо работать на современных орудиях труда и, при случае, показывать это остальным. А уж я буду вам помогать. Вон, сегодня закажу хорошие плуги, один будет твой. Хочешь?

— Э-хе-хе, — прокашлялся Еремей, искоса посмотрев на помещика, — а как расплачиваться буду?

«И хочется и колется, — понял Макурин, — больно уж соблазн большой, а страшновато. В конце концов, он ведь у меня полностью в руках».

— По стоимости расплачиваться будем, по-христиански — урожаем, что будет сверх обычного — пополам. А? И если будешь работать прилично, то я тебе орудия совсем отдам по себестоимости.

— Эх! — швырнул треух об землю Еремей, — умеешь ты, барин, зубы заговаривать.

Согласен!

Макурин, однако, еще не считал, что они договорились.

— Ну что, по рукам? — спросил он весело и крестьянин робко, но решительно ударил с баринном по рукам.

Что же, — подумал Макурин оптимистически, — день прошедший был удачный. Крестьян я, кажется, потихонечку расшевелил. Пусть только часть, но для начала и этого хватит. А деньги истраченные, собственно, не жаль. Не последние они у меня и процент с них будет хороший. Эх, полезно поспать после рабочего дня, да кто-нибудь помешает.

И ведь накаркал!

— Барин, — просунулась прелестная головка служанки Анюты в проеме двери, — вы не спите еще?

Вот и поспал, однако. Экая она горячая и спелая. Так ведь и на погост затащит, окаянная между делом!

— Спи уже, Анюта, — буквально попросил попаданец, — мне сегодня не тянут амурные затеи. Так устал, что только сон остался.

— Да нет, — смутилась служанка лукаво, — я по-другому поводу пока. Там в людскую к нам девушка приبلудная пришла, попросилась переночевать. А нам что, не жалко, пусть спит. Только девушка это какая-то странная. Как бы не какая переодетая барышня. Гордая и все про вас спрашивает.

— И что? — поднял голову с подушки удивленный и рассерженный Макурин, — мне-то какое дело? пусть поспрашивает вас, тут ничего секретного нет. Сами ведь все расскажете!

— Да пусть говорит, — разочарованно протянула Анюта. Она-то думала, он заинтересуется. Потянула: — просто я думала, вам будет вельми интересно. А раз барышня, точно будет из-за вас. Зачем еще она станет приходить сюда? Не мы же нужны.

Вот ведь, малявка, и сама не спит и мне на дает! — озлобился Макурин на непонятно кого и встал в постели, — посмотрим. Если ошиблась — плетей ей!

Одел свой халат, и так, по-домашнему, спустился женскую часть людской. Там действительно была чужая особа. Увидела барина, встала, поклонилась. А ничего, хорошенькая.

М-гм, но что-то она ему все равно не понравилась. Молодец. Анютка, гривенник дам. А то и два. Не простонародная девушка это! Одеться да, пройтись по комнату почти похожа, но все равно уже не то. А вот кланяться так в простом народе не будут. Тут дело даже не в унижении. Какой-то есть лоск и предостережение, — мол, я девушка простая, а ты чухой барин, не трожь меня!

Неужели Настя? Теперь понятно почему она так легко отпустила. Решила проверить, значит. Вот я ее, нехорошую такую!

Хотел было сначала позвать Леонтия, чтобы принес ее к нему, но потом передумал. Все-таки его будущая жена, чтобы допускать до ее тела, сам поднимет до второго этажа, там и поговорим, ух как поговорим!

Подозвал ее к себе. Немного помедлила, делая вид, что убирает с подола платья какую-то мусоринку, нехотя подошла. Ой, Настя, не переигрывай, не ведет себя так девушка из народа!

А ведь как приделалась, платье хорошее, модное, но простонародное. И никак не придерешься, и очень идет. И личико спрятано, только нос да прядки волос. Был бы Андрюша Макурин без опыта и молодой, точно бы обманулся. Только перед тобой, девица-красавица, зрелый и очень знающий попаданец и он чувствует не только по лицу, а еще по

фигуре, по движениям, по голосу. Короче, попала ты на бабки или, хотя бы на интим, иначе не выпущу, оставлю в гареме, а потом растреплю по высшему свету, ха-ха!

Настя еще скромно шла, наивно думая, что она не узнана и стремясь по-прежнему прятаться. А он уже стремительно пошел на встречу и протянул к ней руки.

— Что вы делаете! — не некоторое время она потеряла самообладание и стала тем, кем стала — дворянкой из рода Татищева. Но Макурин невозмутимо вытащил ее из людской и девушка опомнилась: — барин я грязная и эта-а, я больная, вот!

Она с надеждой посмотрела на него, пряча лицо. Андрею Григорьевичу стало ее немного жалко и он проговорил в воздух:

— Все уже, барышня, не стройте из себя дурнушку, вас опознали.

— Ну да, я виновата, захотела сыграть простолюдинку. Но ведь это не наказуемо? На самом деле я дворянка из Московской губернии и хотела немного получить приключения, — протараторила она бойко. Молодец, самообладание прекрасное, память замечательная и, э-э-э, грудь крепкая. Умирать будешь с чувством долга!

Попаданец шутил, конечно. Никого он убивать не собирался.

Между тем, пока они так шли и говорили, Макурин вошел в свою спальню. Девушка увидела расправленную постель, черт те что нафантазировала на сексуальную тему: «Здесь коварный маньяк, а я беззащитная девушка» и тоненько завизжала.

— А ты приятно визжишь. Очень сексуально... Настя! — мстительно выговорил Макурин, сказав напоследок имя.

Оба помолчали. Макурин на правах победителя, Настя проигравшей. Потом девушка вспомнила, что она юная и весьма приятная особа, которая не может быть проигравшей, и томно сказала:

— Сударь, если уж вы меня вычислили, то будьте добры, ведите себя как дворянин с дворянкой!

Вот ведь какая. Плюхнулась в лужу и еще что-то пытается из себя строить!

— Почему же, — возразил он, — все видели, пришла простонародная девка. Я тоже, еще и покоренный красотой и вседозволенностью, ничего не понял и притащил к себе наверх, где занялся с ней развратом.

— Бестолковый дурак и грубиян! — воскликнула она, покраснев, — как ты так можешь хотя бы говорить, а тем более делать!

Андрей Георгиевич почувствовал, что перегнул. Девушке, а тем более будущей жене такого не говорят. Потом лет десять будет напоминать и встреть.

— Она, конечно, мне что-то говорила и даже ругалась, но я же мужчина, а она нагая женщина в постели, — невозмутимо сказал он.

— Андрей! — воскликнула Настя, уже во всем готовая сдаться, — ты так не можешь делать!

— Конечно, не буду, — подтвердил он спокойно, — я же дворянин, — хотя продолжил он, — хотя кое-кто и говорил мне, что я бестолковый дурак и грубиян.

— Прости меня, я виновата! — воскликнула его невеста таким тоном, когда во всю кричат о появившемся пожаре или наводнении.

Ладно, теперь точно хватит. Она уже только не говорит о пощаде. Он, любя, поцеловал ее в руку, словно поставил точку. Потом, уже просто любопытствуя, спросил:

— Право же, я все могу простить и понять, Настя, но скажи мне, как ты могла поехать за десятки верст одна, в ночи?!

— А что? — возразила она, — кругом все спокойно и тихо. И потом я ехала в карете и меня сопровождали Мария и Гаврила, между прочим!

Андрей Георгиевич только покачал головой. На одно замечание она ответила, но так, что появилось сразу несколько. Но говорить об этом не хотелось. Его Настя, барыня XIX века, просто не могла понять, что ее крепостные тоже люди и им надо не забывать давать хотя бы простые удобства.

Вместо этого он позвонил в небольшой колокольчик, на который приходил только Леонтий или, в крайнем случае, Опрос.

На этот раз появился Леонтий. Макурин ему велел:

— Друг мой, изволь взять коня на конюшне и езжай на большой дороге...

— В сторону Санкт-Петербурга, — поспешно добавила Настя.

— В сторону Санкт-Петербурга, — согласно добавил Андрей Георгиевич, там будет карета Татищевых с Гаврилой и Марьей. Приведи их сюда.

Леонтий обрадовался. Бесцеремонный, но добрый и говорливый Гаврила кого угодно мог заставить себе понравиться. Дружить с ним было хорошо.

— Не извольте беспокоиться, барин, сей же миг скачу на Демоне! — отрапортовал его охранник.

— Да возле кареты шуми побольше, — лукаво улыбнулась невеста хозяина, — а то они не услышат, слишком заняты собой. Медовый месяц все же!

Леонтий вначале обескуражено посмотрел на Настю — Гаврила никогда не был тугова на уши. Или он в городе ослаб на здоровье? Но потом, особенно после последних слов девушки, заметно осклабился, строго кивнул и пошел выполнять приказ помещика.

Но дороге он еще в начале лестнице встретился с Анютой. Служанка пришла помочь господам помочь раздеться перед сном да и мало ли чего. Хотя как раз ей тут было не место, судя по потяжелевшему взгляду Насти. Невеста помещика в миг взревновала.

— Я и поесть могу и горшок принести — унести, — не смущаясь, произнесла заботливая, или даже наглая служанка, — на кухне, я слышала, есть еще господская пища.

В помещичьем доме было несколько кухонь, в том числе и господская, в которой готовили только для господина Макурина, это, видимо, и имела в виду Анюта.

Она бойко вбежала по лестнице в спальню помещика, при этом так ловко проведя по лицу Леонтия, что даже ничего не знающего человеку было понятно — между ними уже был интим, или, по крайней мере, поцелуи.

Леонтий с красным от смущения лицом ушел на первый этаж, а Анюта показалась, наконец, вся перед господам — бойкая, говорливая, готовая на все для любимых барина и барыне. Вот ведь оторва!

— Это твой... — замолчала Настя, не зная, как сказать. Решилась и спросила прямо: — парень?

— Да, — стрельнула она глазами сердито в Макурина, — мы думаем о будущем вдвоем! Впрочем, как господин укажет.

— И как господин укажет? — повернулась Настя к своему жениху. Взгляд был такой веселый еще насмешливый, что Андрей Георгиевич насупился. По-моему, две этих юных мегеры изволят шутить? Вот я вас!

— Я укажу тебя нещадно бить на конюшне, если ты не образумишься, — зловеще проговорил Макурин, — а с тобой, Настя, мы еще поговорим. И судьба твоя будет незавидна и плоха!

Представительницы прекрасного пола растеряно переглянулись. Такого они своего мужчину — строгого и жестокого — еще не видели. Потом Анюта под предлогом визита на кухню, а Настя села в виде скромной, но весьма прелестной пай-девочки и смиренно посмотрела на «своего господина».

Такое поведение, впрочем, Андрея Георгиевича особо не впечатлило. Те еще особы. Дай им только возможность, сразу на шею сядут, и ножками будут болтать!

— Анюта! — строго он дал указание в спину служанке, — много еды гостье не давай, не заслужила еще, да мне какой-нибудь пирожок принеси, что б не подавится и побыстрей, пока я окончательно не обозлился!

— Да, барин! — ответила служанка так беспечно, что попаданец только вздохнул. Беда с этими бабами! Сказал строго невесте:

— А ты думай вначале перед тем, как злить мужчину вечером перед сном в общей кровати!

Настя после бойкой и почти бесбашенной Анюты как-то утихла и посмотрела почти испуганно:

— Почему в одной, у тебя разве нет еще постели?

— Не-а, — нагло ответил гадский жених, ухмыляясь так нехорошо.

— А твои гостиные номера? Я еще там ночевала, — напомнила Настя. Вот сволочь, мог бы и пожалеть слабую девушку!

= Мои гостиные покои предназначены для благородных гостей, а не такой грызнули, как ты.

— Я благородная дворянка Анастасия Татищева! — гордо заявила девушка.

— Ты на себя в зеркало смотрела? — обломил ее безжалостный хозяин, — тоже мне дворянка! О а вот и Анюта с едой. Поешь, и быстренько спать ляжем.

А ты, — показал суровый перст помещика на Анюту, — должна понимать, что можно дворянке, то совершенно нельзя простолюдинке. Ясно?

— Ага, — испуганно кивнула служанка и, кажется, была готова заплакать. Андрей Георгиевич был всякий с девушками — щедрый, ласковый, добрый — но никогда таким сердитым и злым. Что это он, может, из-за невесты?

— И чтобы не забывалась, сходишь завтра с утра на конюшню. Там тебя будет ждать Леонтий с розгами. Высечет, как сидорову козу, чтобы неделю сидеть не могла!

— Барин! — все-таки испугалась Анюта своего благородного любовника.

— Андрей Георгиевич, нельзя же так, — вторила Настя, тоже изрядно испуганная поведением жениха.

— Все девушки! — прекратил бесполезный женский гомон Макурин, — Анюта, сегодня ты свободна. Завтра, если не будешь высечена, сам поведу и будешь высечена вдвое. И скажи там Гавриле с женой, чтобы спали в покоях гостей, барыню пусть не ждут. Настя, ешь давай скорее, я уже в нетерпении от нашей ночи!

Сделал вил, что не увидел умоляющие взгляды, что одной, что другой. Разумеется, он не собирался бить одну и заставлять заниматься сексом другую. Но они об этом не должны были знать. Иначе женская часть точно обнаглеет.

Взял вкусный пирожок. Гадская Анюта вместо одного, как он просил, взяла целую миску. И ведь не оторвешься! Так он совсем разъестся!

А Настя ест совсем немного, будто в укор. Что за мир!

Уже совсем обозленный и в первую очередь в себя, съел все пирожки и, не дожидаясь

невесту, строго скомандовал:

— Спать, ничего не знаю!

И уже не очень-то и слушая, потушил свечи и кинул Настю на кровать.

Та рухнула безмолвно, словно не та, которая каждое его движение непрерывно комментировала.

Немного обеспокоенный ее покорностью, торопливо раздался, лег рядом с ней.

Та сразу обняла его за шею теплыми руками, нашла губы, неумело поцеловала.

— Так и не училась целоваться, — сообщил он ей, — как замуж пойдешь?

— Ха, — сообщила наглая невеста, — я не пойду, так меня муж под венец затащит. Так ведь? — вдруг ласково и нежно спросила она.

— Конечно, — согласился он с Настей, — такая красивая и желанная, куда я без тебя?

— Вот! — удовлетворенно воскликнула девушка, — можешь ведь, когда хочешь, милый мой, дорогой! Ой!

Это последнее восклицание у него вышло помимо воли, после того, как Макурин рывком поднял ее на себя и прижал.

— Но мы же не женаты, — жалобно напомнила Настя, — а как же Господь наш Вседержитель?

Однако второй раз на эту ловушку Андрей Георгиевич не поймался. Он подумал и решил, что не такая уж эта греховность, заниматься плотскою любовью до венца. Куда больший грех не заниматься ее вообще и не иметь детей.

— Мой грех, — сообщил он, — я буду отвечать перед Господом Нашим. А ты тут не при чем, моя красавица!

— Да как же не при чем, — почти заплакала она, чувствуя, как он норовисто (когда успел научиться?) снимает с нее платье и женское нижнее белье, которое она специально одела на этот случай.

— Я тебя заставил, а ты сопротивлялась, — решил он, — значит, ты не виновата. Лежи спокойно!

— Да как же лежи спокойно! — отдышавшись и ответив на его поцелуй, ответила Настя, ты ведь... Ай!

— Все! — решил попаданец, — эти женщины всегда будут болтать, что в XIX, что в XXI веке. А я, значит, значит, должен страдать... Вот тебе!

И начал решительно атаковать, навалившись на свое пока еще невесту, но уже почти жену.

А она, вначале отбиваясь, не потому что против, а потому что так не положено, чем дальше, тем все более этого хотела. И, наконец, сама прильнулась к нему.

Потом они уснули, крепко обнявшись, как настоящие муж и жена. Еще одна семья, наконец, появилась на этом свете. Гип-гип ура!

Утром Андрей Георгиевич проснулся от какой-то радикальной и радостной новизны. Словно он снова появился в XIX веке и перед ним будет целый и желанный мир. Полежал немного, греясь в этом чарующем чувстве. Потом понял, что рядом кто-то есть, вспомнил: Настя! Допрыгалась-таки, плутовка. И ты допрыгался, негодный мальчишка!

— Дорогая моя, пора вставать! — нежно и ласково почти пропел он, — уже утро, петухи вон стараются, нас будят.

— Ах, милый, с тобой так хорошо спать! — зевнула она лениво. Потом почувствовала, что как-то все по-другому, попеняла: — эх ты, греховодник, склонил-таки меня к греху! Я же

еще невенчанная, а уже в постели с женщиной.

— Ага, — поддакнул Андрей Георгиевич, — правда, тебе пришлось много постараться. Аж прямо приехать к жениху!

— Ну да, — не смутилась Настя, — если вас, мужчин, все ждать, так человечество совсем вымрет! Ничего не делаете!

— Как так! — даже опешил немного Макурин, — я же еще и виноват буду! А в чем — что сталкивал к греху, или, наоборот, не сталкивал?

— Да! — припечатала Настя, не отдавая активность, — и сегодня, и всегда, — сказала немного саркастически: — такова уж ваша судьба! Видел, наверное, даже император Николай I перед своей женой Александрой Федоровной периодически бывает виноват. И ничего, терпит.

Макурин помолчал, подумал, потом уже спокойно сказал:

— Я учту это. Но тебе придется изрядно постараться, чтобы я склонился к своей вине.

— Кстати, а ты уже решил, когда у нас будет венчание? — как бы невзначай спросила Настя.

— Как вы умеете переводить темы разговора, чтобы только в вашу пользу! — восхитился Андрей Георгиевич.

— Что! — возмутилась Настя, — этой ночью я стала женщиной. С твоим, между прочим, помощью. А теперь хочу быть честной женщиной!

— Хочешь, значит, бракосочетания? — возмутился Макурин, — что же, будет тебе таинство. Прямо-таки сегодня!

— Как, но я не хочу сегодня! — возмутилась уже Настя, — здесь же никаких условий нет для свадьбы. НИ-КА-КИХ!

— Так ты хочешь замуж или нет? — спросил Андрей Георгиевич спокойно, — что тебе надо: церковь есть, священник есть, свидетелей целое село?

Настя всхлипнула от избытка чувств, нашла причину:

— Но я не могу так, чтобы у меня, столбовой дворянки, были на священном таинстве крепостные крестьяне! Фу!

— Думаешь, Богу все равно! — хмыкнул Макурин., что голубая кровь, что обычная?

— Не хочу, — уперлась Настя, Богу, может и все равно, а мне нет.

— Ладно, — безропотно согласился попаданец, — будут тебе дворяне. Еще какие условия?

— Ах! — удивилась она искренне, — то есть, по-твоему, это уже меня надо уговаривать? Я вообще-то думала, мы сейчас тебя уговариваем!

Разговор сводился к пьяному варианту с его классическому: «Ты меня уважаешь?» с тем же классическим итогом. То есть абсолютным нулем.

Андрей Георгиевич постарался по возможности мирно выйти из этого тупика и поцеловал ее, потом еще и еще. А руки непрерывно гладили и ласкали девичье, или, пардон, уже женское тело.

Настя вначале сопротивлялась, но потом быстро сломалась. Не железная же она, в конце концов?

Через вселенскую паузу и еще пять дополнительных минут разговор продолжился. Женщина, как всегда в таком случае, сдалась и только представила некоторые мелкие условия:

— Венчание должно быть, как у всех в высшем свете, чтобы никто не вякал и не шептал потом о нашей свадьбе.

Ничего себе мелочи. Впрочем, ладно, побегаем, попрыгаем, что любимой не сделаешь.

— Ну, — необдуманно обтекаемо согласился Макурин, — конечно же, моя дорогая, а как же! Обязательно, таким образом, все рты закроем.

Настя на это взвилась:

— Не надо мне тут таким образом делать. Потом окажется, что ничего не получается и ты только раздвинешь руками. Мол, ты не против, но ведь не получается!

Она нависла над ним, грозная и темная, как большая туча. Из глаз то и дело метались молнии, и вообще казалось, что для него наступил последний день Помпеи.

Однако, как и любой мужчина в такой ситуации, он постарался найти что-то частично хорошее из общего плохого. Его глаза пройдя по лицу грозного противника (будущей жены, гм?), скользнув дальше, остановился на двух прелестных грудках. Они были прекрасны, в чем Андрей Георгиевич быстро уверовал, коснувшись губами и языком одного из сосков.

А-а! — отозвалась она и сразу сдалась, спрятавшись в одеяле. Через некоторое время оттуда послышался голос Насти, — вот ведь гад такой, пользуешься слабостью беззащитной девушки. Хотя приятно, конечно, — призналась она.

— Давай все же так, — деловито предложил он, чувствуя, что сегодня разумно думать может только он, — хоть ты и против, но проведем бракосочетание здесь.

— Но я требую условий! — тут же стала активно разворачивать свой огромный список будущая жена.

— И никаких «я пытался, но у меня не получилось», — невежливо перебил он ее, — как только ты почувствуешь, что венчание фальшивое, мы сразу прекращаем, и перейдем к Ильину дню в Санкт-Петербурге.

— То есть я не становлюсь женой, — огорченно уточнила Настя, — ведь мы не венчаемся!

— Зато мы проводим свадьбу «как положено» и тебе ни к чему придраться, — dokonчил свое предложение Макурин.

Казалось бы, он во всем аккуратно согласился и, можно сказать, капитулировал перед ней. Но Настя как-то и не особо радовалась. Даже наоборот, опечалилась. Тебе вообще, что надо, милая? Что-то провести или выесть будущему мужу мозги?

Уточнил на всякий случай:

— Но вместе с тем, ты не думай, что я, пользуясь этим, буду тянуть с венчанием. Я хочу, чтобы ты стала моей женой перед Богом и государством уже сегодня, — видя ее недоумение, объяснил: — перед друг другом мы уже стали этой ночью. Осталась только формальность.

Она задумчиво провела рукой по его щеке, выскользнув из одеяла и показав всю свою красоту перед будущим мужем. Андрей Георгиевич, разумеется, тут же этим воспользовался, перехватив руку и страстно ее поцеловав.

Прикосновение губ выглядело, как замыкание рабочих контактов под напряжением. Все

ее тело содрогнулось, а из прелестных губ раздалось мучительно-страстное: «А-ах!»

Он еле-еле удержался, чтобы не схватить ее в объятия и продолжить амурное влечение. Только старческий разум его остановил. На белом свете был уже, между прочим, приличный день. И хотя помещика никто не осмелится поднять, крепостные его только обрадуются, что хозяин их не дергает. Но только ведь и дела так не идут. А их в этот будний день пришлось очень изрядно и сами они почему-то не произрастают.

— Настя! — решил он, — встаем на раз!

— Ну-у, хотя бы еще немножечко поспим! — заскулила она, — чуть-чуть, совсем маленько.

Она, естественно, уже не очень-то и хотела спать. Просто ей очень так нравилось лежать с милым человеком. Болтать ни о чем, предаваться плотским утехам и не думать совершенно не о чем.

Макурин тоже любил так лежать, но текущие важные дела, гхм! И он бесповоротно встал, несмотря на ее умоляющий взгляд.

— Я пойду, скажу на кухню завтрак, а ты уже вставай, — предложил он Насте. Даже пригрозил: — а не то приду, сам одену.

— Вот ведь, окаянный, — погрузилась она в одеяло в знак протеста, — сам не спит и мне не дает!

— У нас сегодня свадьба, — промурлыкал он в ответ, погладил открытую лодыжку Насти, и, не слушая крики протеста, прошел на первый этаж. На кухне вполне понятно ничего еще не было, хотя персонал уже находился — мальчишка — поваренок растапливал огромную печь, а его мать в роли кухарки сидела рядом на табурете. Похоже не то, что уже не спала, но и к созидательному труду еще готова не была.

Неожиданное появление помещика был как звук трубы Гавриила на Страшном Суде. Кухарка встрепенулась так, что опрокинула табурет, а ее сын сделал движение, как будто сам собирался оказаться в печи вместо дров.

— Так, — прокомментировал Андрей Георгиевич, понимая, что оказался здесь не к месту, но не собираясь по этому поводу мандражировать, — мы сейчас собираемся завтракать. Минут через пять подавайте еду.

— А-а, — протянула кухарка, не готовая сказать, что завтрак еще совершенно не готов, и они сами только — только здесь появились.

— Ничего серьезного, — понял он, — колбаса с яичницей, по паре блинов. Варенье, животное масло, может быть творог, мед. Чай, конечно. Пять минут вам хватит. Пошевеливайтесь!

Это не вольные повара XXI века, которые и сами могут послать посетителей куда угодно. Крепостные же!

Посмотрев, как они засуетились, Андрей Георгиевич одобрительно кивнул и неспешно пошел. Зуб готов отдать, поваренок понесет первые блюда, хотя бы тот же творог со сметаной раньше, чем он сам придет в столовую. Тем более, ему еще невесту поднимать. А там, пока поцелуешь, пока приласкаешь, час пройдет!

В спальне, однако, у него произошел полный облом. Настя, совершенно живая и пробужденная, словно это не она категорически отказывалась подниматься, активно одевалась при помощи появившейся Анюты.

При виде жениха она всполошилась, глазами показав на стоявшую рядом Анюту. Как мог чужой молодой мужчина, раз еще невенчанный, значит чужой, так свободно всходить в

спальню девушки!

Но Макурин лишь махнул рукой. Словно она не жила в крепостном мире. Женщины этого мирка, конечно, ничего не скажут господам, но, тем не менее, сами будут знать все и обо всем. И не надо смущаться. Они все и вся знают, тем более Анята, бывшая свидетельницей вечерней сценки укладки в постель и теперь видевшая кровь на простыне. Молодец, значит, помещик, не просто добился своего, но и превратил девушку в женщину. Ай да сволочь такая!

Забывшись, она лихо подмигнула Макурину. На что тот подмигнул в ответ и ласковопоинтересовался, была ли она уже на конюшне.

Анята, конечно, еще не была. Она надеялась, что их добрый и, в общем-то, мягкий хозяин при помощи гостыи забудет о порке и сделает вид, что он и не говорил о ней. А уж Анята поблагодарит его, постарается. Ведь не вечно незнакомка, то ли дворянка, то ли простолюдинка будет в его спальне!

Выходит, что-то у них было не то. И ведь была любовь, раз появилась кровь, а барин не смягчился. Или так он рассердился на служанку, что даже сладкая ночь не помогла? Ахти мне тогда!

Служанка, пригорюнилась, продолжая убирать туалет госпожи, а та, чувствуя, что что-то неладное из этой игры глаз, остановила ее. Она ведь тоже была не дурра и помнила, то здешний хозяин обещал местную девушку отдать пороть. Дикий он какой, а еще хочет стать ее мужем!

— Ты не отдашь ее никуда! — приказным тоном сообщила Настя своему, может быть, мужу, — нельзя так обходиться с девушкой, пусть она и крепостная!

«Вот вам и барышни, Юрьев день! — изумился Андрей Георгиевич, — впрочем, сам виноват. Должен был сообщить невесте о своем замысле. А то ишь, как рассердилась. Так и до первой семейной ссоре легко дойдем, когда еще и семьи нет».

С размолвкой он покончил легко — просто промолчал. Настя тоже не стала продолжать, а Анята тем более не стала нарываться. За завтраком же, отослав Аняту с какой-то надобностью, кажется, приказав передать Гавриле с Марьей поест в людской, да и самой поест, он решил продолжить разговор о порке служанке.

Поев творог со сметаной — вкусные, жирные, свежие, не то что магазинные XXI века он, пользуясь моментом, негромко сказал:

— Я чувствую, нам надо поговорить об Аняте. Так вот все по правде:

Во-первых, да, она была моей любовницей;

Во-вторых, нет, я не буду ее пороть. Я совсем не наказываю так женщин, только мужчин, да и то по делу, а не из дурного настроения.

В-третьих, Анята еще не дает, что на конюшне ее ждет жених Леонтий, но не с розгами, а с пирогами. Будет ей предлагать стать его женой. Можно было просто ей сказать. Это жестко, но правильно. Она-то не знает и страдает. Такая жестокая шутка проделана не случайно. Он не моя жена, а всего лишь крепостная девушка. И потому она не должна так со мной разговаривать, как ты. Если поймет, забудем, я их даже дам свадебный подарок — рубля три или четыре ассигнациями. Не поймет — выпорю, хотя и не так сильно. Скорее всего, отдам тому же Леонтию. Пусть поговорит с ней с розгами.

Выпил чай из подставленной ему поваренком кружки, жестко, но спокойно подытожил:

— Вот так вот. И не какой я не самодур и нахал, как, наверное, ты подумала. Это жизнь, а я помещики хозяин.

Настя тоже отпила чай, откусила небольшой кусочек пирога — воробушек больше склюет. Сказала именно на ту тему, которую он как бы предложил:

— Значит, она была твоею любовницей... И, наверняка, не одна?

— Одна. И была, но не будет, — спокойно сказал Андрей Георгиевич, — я был шальной холостяк, но я буду честный муж. У нас будет благообразная дворянская семья и я не буду волочиться за каждой юбкой, ни в поместье, ни в Зимнем дворе.

— Посмотрим! — вздохнула она довольно тяжело. Разговор уж оказался неожиданным и неприятным.

— А посему, — продолжил Макурин между делом, как бы не замечая пасмурное настроение своей невесты, — все девушки в моем помещичьем мирке будут обязательно замужем, а все парни — женаты. Не желающие будут незамедлительно отчислены в мои населенные пункты, а чрезмерно злостные или чем-то опасные окажутся в Сибири.

— Вот как! — Настя посмотрела на него с любопытством, — ты такой безжалостный, но интересный, мой рыцарь!

— И последнее, — попаданец сделал вид, что не услышал провокационного высказывания невесты, закончил свой «Программы новой семьи»:

— Всем молодым семьям, а у меня во дворе все семьи будут только молодые, дано задание — в течение года родить ребенка.

— Но мои дети не будут жить в поместье! — возразила Настя уверенно.

Андрей Георгиевич на это ничего не возразил, но в его молчании было столько скепсиса и неверия в слова жены, что она надула губы.

Без пяти минут ее муж, однако, на это не сказал, а вместо этого стал норовисто пить чай, между делом поглощая медовые соты с пирогами.

Конечно же, такое зрелище подвигло к поеданию меда и Настей, и разговор на некоторое время незаметно затих.

Однако, молодая привлекательная особа, избалованная во дворе вниманием и ждущая разговора, лишь только ждала повода для дальнейшего разговора. И он, разумеется, нашелся в лице незабвенной Анюты. Она незаметно вырисовалась около господ с забавным выражением лица: «Ну спросите же у меня чего-нибудь, я вам такое расскажу!»

Помещица, естественно, изволила спросить, что ей сделали на конюшне и не очень ли больно. При том, как запоздало понял Андрей Георгиевич, ее двигало не только любопытство, но и желание узнать, не обманул ли ее жених. В конце концов, венчания еще не произошло, а тешить беса невенчанными³³³³³⁶³ было нравственно нехорошо, но ни перед Богом, ни перед государством не было подсудно. Хотя...

Макурину уже и самому стало интересно, до какой линии разрыва пойдет Настя в случае, если обнаружится, что он ей нагло соврал. Откажет ему в руке? Уйдет со скандалом? Не поздно ли, моя нареченная невеста?

Он, разумеется, ей ни в чем не солгал, но между ними были всякие посредники, в том числе весьма болтливая девушка с неумной фантазией. Она может соврать, просто так для виду. И потом уже будет решать невеста, та еще, между прочим, девушка.

К счастью, Анюту переполняли положительные чувства, и она в этот день категорически не могла подсовывать гнусные каверзы.

— Я пришла в конюшню, как мне и сказали его милость. Думала, ой, моя бедная задница, быть ей поротой нещадно! — таинственно улыбаясь, сказала Анюта, — там меня действительно встретил Леонтий и строго потребовал... стать его женой! Так, дескать

приказал барин.

— И что ты сказала ему? — уже не скрывая улыбки, спросила невеста, понимая, какой будет ответ.

— Ха, у меня был выбор? — наигранно изумилась Анюта, — с одной стороны, нещадная порка и недовольство барина, — она любопытно стрельнула глазами в Макурина, — с другой стороны замужество, дети и хозяйство. Конечно, я выбрала Леонтия! Хотя он какой-то странный, толи любит, толи не любит. О любви говорит, а даже не поцеловал, ни разу не обнял.

— Правильно, Анюта, — удовлетворенно сказал Андрей Георгиевич, — и произнес известную ему сентенцию: — женатый мужчина — спасенный мужчина. Так что берегите мужчин! Мы же со своей стороны, так стремимся спасти свою душу, что без всякого перерыва пойдем к венцу! Любит он тебя, кудрявая, не сомневайся, я тебе от Леонтия сам подтверждаю!

На это фразе Настя, не скромничая служанки, звонко щелкнула его по лбу. Удар оказался неожиданно гулким и невеста ойкнула, но не из опасности его боли, а из ощущения боли в собственном пальце.

— Вот! — тожественно сказал Андрей Георгиевич, как бы не чувствуя пальца невесты, — молодцы, что женитесь добровольно. Мир и любовь вам!

— Барин, а что с нами теперь будет? — жалостливо протянула Анюта вроде бы без всякой связи с предыдущим разговором, но Макурин ее понял. В прошлом помещик незамедлительно отсылал вышедшую замуж девку. Раз выбрала не меня, то с глаз долой! Вот и приходилось выбирать — либо девкой при помещике с непонятно каким настоящим, либо семейной женой с очень плохим будущим.

Андрей Георгиевич здесь имел очень четкое понимание:

— Как жили, так и будете жить. Я Леонтия не собираюсь никуда отсылать, сколько сил истратил, чтобы появился хороший слуга. Хватит уж, Гаврила ушел. А ты, Анюта, если барыня захочет, будешь при ней. Как Настя?

Невеста, которую невзначай застали врасплох, только молча кивнули. У нее, правда, и так было с десятков девок. Но, с другой стороны, прибыток в одну служанку никак не обнаружится!

Вот и хорошо, — внезапно закруглил разговор Макурин, — ешь, Настя, а я побегу, дел много. И, как бы не слыша жалобный возглас: «а как же я?», стремительно ушел из столовой. Завтрак для него закончился!

Дел вообще-то у него не было. Точнее, срочных неотложных дел, требующих сверхсрочного побега. Можно было еще посидеть, поболтать с Настей и с ее лукавой, но ласковой служанкой Анютой.

Но нет, если с ними поболтаешь, все время пройдет, а дела из текущих повседневных вырастут в срочные и важные. Дел-то по жизни всегда весьма много, на это она и жизнь. Особенно у сельского помещика, того же председателя колхоза.

Андрей Георгиевич суровым взглядом оглядел округу, готовый как всегда, командовать, посоветовать, принуждать, что крестьян, что приبلудных куриц....

Однако, сельская местность, такая мягкая и ласковая ранним утром в начале лета понемногу подействовала и на требовательную натуру господина помещика. Макурин еще немного постоял и, не видя объектов указаний, сдался.

«Посижу немного на крыльце, погреюсь на солнышке, — подумал он, — дела сами и

поются, Спорим с самим собой, что пять минут не усидишь спокойно?»

Сел на мраморную ступень парадного крыльца и начал ждать. Немного походя, откуда не возьмись, у крыльца появился Леонтий.

— Барин, а я вас как раз искал, — как-то нездорово обрадовался парень, — что мне теперь делать? Анюта-то никак не ответила мне, хотя я все сделал, как вы велели.

— Дурак ты, Леонтий, — внезапно зевнул Макурин, — ты все норовишь подумать с ней, как о человеке, а ведь она женщине! Ты после того как с ней поговорил, в сахарные уста ее целовал? На сеновал водил?

— Не-е, — растеряно спросил Леонтий, — а что, так можно было?

Видимо, он из такой категории парней, которых самих надо вести к венцу, иначе никак, — подумал Макурин. Лениво произнес: — балбес, Леонтий. Настоящий девственник! Ты хоть одну девку за вымя щупал?

Открыто циничный вопрос хозяина застал парня врасплох. Он густо покраснел, почти побагровел и тихо сказал:

— Не-а. не довелось как-то.

И стоит понуро, как брошенный любовник. Чего вот придумывает, ведь в порядке все. Целуй да и веди под венец.

Все понятно. Андрей Георгиевич хотел было по-простому, как мужик мужика, спросить, было ли чего у того с Анютой, но уже понял, что нет. Вот ведь Господь шутник, дал парню совершенно девичий характер. Ничего, и этого женим, и пойдут у него ребятенки. Дал общую характеристику обстановки и ЦУ:

— Вот ты тут убиваешься об отсутствии любви, а там Анюта моей невесте говорит о свадьбе и о вашей семейной жизни.

— А? — сразу ожил Леонтий, — так она не против?

— Придурок, — даже пожалел его Макурин, — она же согласилась миловаться с тобой и слушать твои речи?

— Ну да, — немного стеснительно подтвердил Леонтий.

— Значит, согласилась, — уверенно сказал Макурин, — пора под венец, нечего тут разусоливать!

— Да? — вопросительно согласился парень, твердо веря в барина в то же время как-то сомневаясь.

— Не бойся, я уже за тебя во всем согласился, — сказал Макурин, — сегодня до обеда будем венчаться мы с Настей, а потом пойдут крестьянские свадьбы. Ты с Анютой будешь вторым. И хватит тебе робеть, ты же мужчина!

— Ох, поскорее бы уж! — откровенно закручинился парень.

«Откровенный телок, — удивился Макурин, — а внешне здоровенный парень. Как такое бывает?»

И это пройдет, — философски сказал Макурин скорее себе, чем для Леонтия и уже конкретно для него уточнил: — пойду сейчас хлопотать и для себя и для молодых крестьян. А ты ходи позади, будешь сопровождать.

Собственно, большинство хлопот были позади, священник готовился к таинству, бабы готовили праздничный стол. Но кое-какие мелочи еще были не разрешены, в первую очередь к «господскому венчанию». Где же он найдет в Березовом для Насти дворян?

Побегал и дажесвоему удивлению довольно легко нашел. Едва отойдя от помещичьего дома, наткнулся с кибиткой, в которой спешил к Андрею Георгиевичу фельдъегерь с

бумагами от императора. Этот официальный посольный был хороший знакомый при дворе и являлся дворянином. При чем даже не по чину или по ордену, а потомственный! А второй оказался Георгий, которого родители перед поездкой в Санкт-Петербург послали зачем-то к нему в поместье. Вот ведь, то неделями никто не ездит, а то как знали!

Само бракосочетание ему не то что не понравилось, но как-то поразило своей обыденностью. словно и не божье таинство производили, а занозу вытаскивали. Конечно, господское венчание это не крестьянское. И священник старался, и в церкви все вещи были строго по православному канону, а все же не так.

Единственно, что приглянулось Андрею Георгиевичу (и его супружнице Насте), так это то, что когда священник проводил обряд и обратился к Богу, тот вдруг ответил им. Сначала где-то в церкви раздался слабый отзвук, словно где-то вдалеке раздалась труба, затем всех находящихся накрыла волна тепла высокой радости и какого-то облегчения.

Окружающие стали странно коситься на Макурина, а его жена негромко со странной интонацией сообщила, что у его мужа вокруг головы появился нимб. «Да ты у нас, наверное, святой!»

Андрей Георгиевич попытался было свести все к шутке, но и священник, и свидетели дворяне, и тем более крестьяне, кого допустили в церковь, все молча, или негромкими возгласами подтвердили это явление и Макурин сдался.

Ведь он уже был один раз так сказать на аудиенции у самого Бога. И ему вдруг показалось, что именно этим и отличаются святые — нимбом вокруг головы и приходом живым на небе. Значит, осталось получить только нимб.

Ведь не так ли?

На следующее утра он снова проснулся с чувством новизны. Но на этот раз она была с оттенком радости и оптимизма. Он, наконец, за две свои жизни сумел жениться. Слава тебе яйца, дождался!

И жена его красавица и богачка, из доблестного дворянского рода. Да и он сам далеко не урод и не бедняк, и не из простонародья, ха-ха.

Андрей Георгиевич поднялся на локте и на этой высоте, нет, не птичьего полета, а существенно ниже, пожрал взглядом свою невесту. Да что там невесту, настоящую жену! Они не только обвенчались в церкви, но и с помощью прилетевшего и улетевшего фельдъегеря подали весточку в Зимний дворец. Уже муж и жена и сами, без императорской четы!

А жена у него прелестна, как она лежит, ах! Иные так встают в позу художнику. А она так естественно уже в постели и такая красавица. И все это его!

Не в силах сдержаться, он легкими поцелуями, чтобы не дай Бог не разбудить Настеньку, покрыл лица, потом шею, потом прелестные грудки.

Прекрасная жена его, конечно, была разбужена, но не обозлилась и даже не удивилась.

— Ах, как это прекрасно и романтично, проснуться в объятиях мужчины — мужа и он бы посыпал тебя поцелуями! — прокомментировала она немного хриплым со сна, но все равно чудесным голосом действия Андрея Георгиевича.

В постели они не смущались, ни он, ни она. Вот еще, законные же супруги, она — жена ему, он — муж! Господом Богом поклялись вчера в церкви и чего теперь, Господа будем стесняться?

Хотя Бога, конечно, сюда втаскивать нехорошо. Как говорится, либо трусы надо одеть, либо крест снять. Иначе нельзя. Обидишь еще Бога.

Куда, кстати, он убрал вчера, перед, так сказать, первой совместной ночью. Так сказать, поскольку близость у них уже была и чтобы он этого еще стеснялся! Да ни в жизнь! Скорее, будет гордиться, что эта красавица теперь его.

Сноровисто одел крест. Иначе нельзя. Лучше трусы не надеть, но крест днем должен быть всегда! Таков нынешний дресс-код и не ему указывать аборигенам XIX века, как им вести себя.

— Если ты будешь приказывать накладывать завтрак на стол, то вели положить посOLIDнее. Что-то я сегодня голодна, — попросила она, видя его действия.

Еще бы, милая моя, ты не голодна. Он тоже готов хоть корову съесть. Знатно они ночью сегодня пошалили! он смачно чмокнул Настю в знак согласия, оделся и вышел из спальни. Леонтия сегодня здесь не было. Также был при исполнении, хи-хи. Молодая жена и тоже красавица. Если бы не любил Настю, фиг бы отдал Анюту! Была бы цветком его гарема!

Впрочем, пусть. Чего не быть, того не миновать, а гарема ему, православному, уже не видеть. И пусть другие помещики хвастаются, он чист, целомудрен и имеет прелестную жену!

— Вели завтрак приготовить хороший, как обед, — велел он Опросу, — кушать хочется. Но чтобы не валандались там. Через час чтобы все было на столе. А что не успеется, то не успеется. Понял?

— Да, барин, не извольте беспокоиться, первые блюда будут принесены сей секунд! —

поклонился Опрос с понятливой улыбкой. Сам он, несмотря на молодость, был уже женат и сейчас готовился стать отцом первого ребенка. А ведь едва успел шестнадцать лет встретить, паразит.

Вернулся обратно с надеждой пообниматься и так далее с женой в постели. Куда там, Настя уже одевалась! Однако, служанки Анюты сегодня не было и, пользуясь этим, он просто взял жену на руки и умыкнул обратно в постель, несмотря на крики и вопли, что у нее французское кружевное белье, что она уже постаралась одеться сама, что какой он сволочь и последний гад.

Хотя звуки она издавала недолго и, скорее всего, не очень-то искренне. Он ее муж, а она его жена, и супруга не только убьется своего законного мужа, но и старается его всемерно ублажать. Ведь он же муж!

В столовую они вышли с заметным опозданием. И никто не удивился, будто сами новобрачными не были. А они и не стеснялись. Во-первых, они здесь почти всем господа (кроме благородных гостей) и будете, крестьяне, важничать, то пойдете в конюшню, во-вторых, но то они и новобрачные.

И народ это чувствует. Хоть и господа, а все одно православные! И на завтрак была положенная курица, ну и еще с полсотни мясных блюд, холодных и горячих, кухарка и без напоминания знала, что молодым надо сытно поесть, особенно жене, вдруг уже сразу понесет!

Ну а вместе с блюдами появились и благородные гости. Все двое, как и было на венчании — фельдъегерь и писарь Георгий. Чины пока не большие, но зато настоящие дворяне!

Пришлось слегка повиниться. Впрочем, первый коротал с неплохим вином, а второй, не имея возможности вкушать вина по малолетству, с первым.

Обильно позавтракали. Потом гости уехали в столицу (служба!), а хозяйева занялись своими новобрачными заботами. Настя по молодости полагала, что муж снова потащит ее в постель и сама была не против, честно говоря. Она была почти права, молодое тело Макурина так и полагало, но вмешался Андрей Игоревич со своим довольно-таки старческим разумом. И им пришлось согласиться на небольшой — в несколько дней — визит. Официально в честь бракосочетания молодых, неофициально — для хозяйственной ревизии. Насте всю правду, естественно, не говорили, она бы его буквально сожрала за такой прагматизм. То есть она, конечно, не против хозяйства, но не за ее же счет!

А так, немного обмана, немного лести и они мирно поехали — три брички, четверо слуг и они, двое господ в еще розовом настроении. По крайней мере, Настя точно. Андрей Георгиевич, как мог, поддерживал ее на таком уровне. Так, по крайней мере, она и никому не мешала, и мужу настроение скрашивала.

Первым делом заехали в уезд. Официально — в уездный собор, очень старинное красивое здание. Помолились, порадовались вместе с отцом священником. И между делом, пока жена отдыхала, Макурин заехал в каретную мастерскую. Там было все в порядке. Настолько, что пришлось распорядиться увеличить финансирование. Мастерская стала весьма популярна, это предполагала значительный рост доходов в будущем и, к сожалению, увеличение расходов в настоящем. Поблагодарил всех за хорошую работу. Кухарку по стародавней просьбе мастера навсегда оставил при мастерской. Кухарка была любовницей старика, они уж и не скрывали этого. Не был против и барин, но только потребовал обвенчаться. Дело это весьма сквалыжное, оба не раз были под венцом, а супруги их

оказались живы.

Но Макурин стал жестко ЗА и предупредил мастера, что если сам не начнет бракоразводное дело, то он сам потащит за бороду. XIX век уже, не замшелое средневековье, если надо, он его императорскому величеству доложится!

При словах об императоре, старый мастер начал заикаться и искренне обещал в этом же году обязательно начать дело.

Проехал по торговым точкам — три лавчонки, место на базаре и еще кое-что не важное. Кое-где побранил, кое-где похвалил. Процесс явно пошел, но опять же было ясно — хозяйственный пригляд нужен обязательно. Люди такие — не своруют, так потеряют.

А потом вернулся обратно домой. Настя как раз уже проснулась. Для нее он находился у уездного начальства разного уровня — местный городничий, уездный предводитель дворянства, исправник и прочее.

Так себе бюрократы, даже штатских генералов нашлось всего два, куда им с его-то влиянием, чинами и орденами. Ему статского советника сам император дал! А все проходится, ведь никто не поймет, ни здесь, ни в столице, если просто поедет и не поклонится.

Но жизнь она ведь динамичная даже в XIX веке, без диалектики никак. Вот и он в прошлые года не раз приезжал к ним пусть с мелкими, но просьбами. Как-то и равенство было в чинах и чиновники кланялись, а все равно было понятно, кто просит, а кто барствует. Теперь же и будто и он снова приезжает и чиновники то же и по тем же вопросам, только просителями уже они, хе-хе.

Андрей Георгиевич с удовольствием расцеловал свою жену Настеньку в румяные ланиты, потом ее же в сахарные уста. Ах, хороша, чертовка! И смотрит как, с интересом. Дескать, целуй, раз муж, а потом обязательно подарок. Или ты не муж?

Он вручил ей золотые сережки с крупными изумрудами и с улыбкою произнес:

— А ты, голубушка, зря не поехала к местным чиновникам. Посмотрела бы, как бегемоты умудряются сидя показывать разные танцы. Право, умора!

Настя с интересом прислушивается к его словам, и как-то уже не против, но муж строго объявляет, что им, к сожалению, уже пора. Счастливое свадебное путешествие не может долго ждать!

Ах, как жаль, — радостно вздыхает новобрачная, — а после путешествия мы можем их посмотреть?

«Будто бы зоопарк какой, а не присутствие», — мысленно радостно скалится попаданец, но вслух согласно обещает:

— Конечно, дорогая, потом обязательно посмотрим, благо денег они много не берут, так натурой — вина и закуски. А сейчас пора ехать.

Настя отчасти согласна, хотя и не понимает, почему так быстро, они же господа! Почему нельзя завтра, или хотя бы послезавтра!

Это, кстати, их принципиальное разногласие и Андрей Георгиевич понимает почему. Что делать, когда семья существует из представителей разных веков, при чем даже не последующих, а в разрыв, скажем XIX и XXI века. тогда обязательно начнутся сложности. Но ведь они не дети и любят друг друга, а потом могут просто промолчать.

Настя, хотя и являлась женщиной, думала примерно так же. Во всяком случае, не разоралась громко и сердито. Вот и прекрасно, моя дорогая, можем неспешно ехать.

Его красавица, как уже отмечалось выше, все же была женщиной. Поэтому, пусть все

было логично и он был на двести процентов прав, но, тем не менее, начало пути она поехала в обиженном виде, показывая, как она страдает и мужчина должен ее пожалеть.

Но хорошая летняя природа, усилия Макурина, а он ее, конечно, пожалел, сделали свое. И на второй десяток верст она была уже весела и весьма счастлива. Ведь они все же были в свадебном путешествии и ехали (официально) на реку, чтобы там без людей, слуги не в счет, купаться и загореть на теплом солнышке что для этой почти северной местности очень даже было редко.

На самом деле они ехали на солеварню, но вы же не скажите об этом Насте? А она сама, скорее всего, не догадается.

На реке же было хорошо. Теплый воздух, приятная вода, замечательная природа всех привела в хорошее настроение. Тем более, и Андрей Георгиевич внес свой вклад. Еще в поместье по его настоянию изрядный кусок молодой говядины был положен в пряно-соленый раствор. Бр-р, как приятно пахнет. И теперь оставалось только испечь его и съесть. Аборигены XIX века, по крайней мере, крестьяне, слыхом не слышали, что такое шашлык и как его надо готовить. Но ничего, в прошлой жизни Макурин не раз готовил это блюдо и под его руководством Гаврила, Леонтий и даже Федор быстро выросли в прекрасные шашлычники.

Добавили к этому несколько капель хорошей водки (для женщин прекрасного легкого вина из Франции) и в итоге от места недавнего отдыха все поехали в замечательном настроении.

А там попаданец загрузил всю кампанию в «случайно попавшийся» корабль, на самом деле уже третий день карауливший Макурина и Ко, и они со всеми удобствами поплыли дальше. Женщины, разумеется, тут же стали эксплуатировать кровати, а Андрей Георгиевич с Гаврилой (Леонтий с разрешения барина остался около Анюты, тоже ведь молодожен) поднялись на палубу. Там Гаврила принялся любоваться проплывающей местностью, Макурин же дотошно допрашивал капитана, как важного свидетеля экономической деятельности.

Прежде всего, помещика интересовал масштаб перевозок. Тут-то капитан должен знать?! И тот действительно все обозначил, ибо с какого это, хм, хрена он будет хозяина обманывать?

Андрей Георгиевич только удовлетворенно кивал головой. Его мужики и арендованные люди, а крестьянам разрешалось заменяться, работали уже полным ходом. От солеварни уже привозили сотни пудов соли. Обрато же везли грузы (дерево, продовольствие и прочие товары) не только солеварам, но и местному населению. Иезуитский замысел Макурина подработать и на перевозке груза полностью сбился. Оно ведь как? Дешевизна перевозки речными судами и почти полное отсутствие себестоимости продукции привозили к тому, что товары было проще отдавать вообще даром! Естественно, население, как только узнало, стало покупать только с солеварен. Целые дороги из дерева сюда протоптали.

Так что помещик с удивлением узнал, что и без соли он уже очень хорошо стал зарабатывать. И то есть, не то, что он совершенно «вдруг» не знал и сейчас ему открылся весь масштаб обогащения. Тем более, капитан суденышка знал только то, что видел, а цифры для него были полностью скрыты, но всю картину он получил полностью.

Ему даже не испортило настроение нижайшая просьба (по другому и не скажешь) Настеньки ей самой не заворачивать на солеварню. Жена его, хоть и молодая женщина, то есть разумным человеком была относительно, но не тупа абсолютно и дважды два, по

крайней мере, посчитать могла. И быстро вычислила, зачем сюда приплыл в действительности ее муж. Пусть сам страдает! С тем и начала разговор в каюте.

Встреча была тет-а-тет, без посторонних людей. Копошащихся под ногами служанок Машу и Анюту супруги не замечали. Она, потому что была барыня XIX века, он, так как все таки житель гуманистического XXI века, где уже собирались давать права выбора коровам и собакам.

Договорились. Настя сумела сказать о своем муже все нехорошее, и ей ничего плохого от этого не было. И более того, Андрей Георгиевич вытащил из несессера заранее приготовленный сверсток и предложил жене развернуть.

Та чуть раздраженно развернула и потом с улыбкой посмотрела. А ее служанки аж завизжали в восхищении. Им такого не получить от слова совсем. Бриллиантовое кольцо может получить не только красивая женщина и столбовая дворянка, но и имеющая такого богатого и щедрого мужа.

А что получил Андрей Георгиевич? Ну, видимо, получил, если спокойно промолчал. По крайней мере, попаданец-то он был не последний.

На солеварню Настя после этого не ходила. Так, подышала воздухом немножко поодаль от корабля, и ушла обратно на оный, поближе к уютной каюте и богатой кухне. Зато Макурин поработал за двоих, окончательно отрегулировав практическую логистику поставок сразу в Санкт-Петербург и оттуда столичных товаров.

Но сразу же сказало отсутствие своих лавок в столице и, особенно трактиров. Вот ведь как! Он бы, конечно, хоть завтра, но как? Не хватало денег, пока товаров и, главное, людей. Трактиры ведь сами не заработают, нужны деловые трактирщики и умелые слуги, повара нужны и даже полотеры. А у него только дремучие крестьяне, которые старательно работают, но только в узкой сфере деятельности. А что бы дальше за этим — боже упаси. Мальчишки еще ладно, но взрослые ни-ни. Не могу и не хочу.

Вот ведь же ж! Население уже почти хватает, но людей пока нет. Что делать? Курсы открывать деловых людей?

Засопел, недовольно повертев головой. Потом плюнул на дела дальней перспективы, с удовольствием смотря на текущие проблемы солеварни. А та, несмотря на относительную малость, явно процветала. Во всяком случае, несколько сот пудов в год хорошей соли тут будут получать, обогащая хозяина, а больше он и не желал.

Вернувшись, Макурин дружелюбно чмокнул жену:

— Вот видишь, как я быстро. И за все за это ты получила великолепное кольцо!

Настя отстраненно посмотрела на драгоценную безделушку. Похоже, деловые супружеские отношения у молодой дворянской жены еще не были привиты. И драгоценности она желала получить просто так, а не за что-то.

Ой, как запущено-то как! Растудыть за помидоры!

Предложил ей побывать на обозначенной ранее лесной прогулке. Свращал ее тем, что рыбьить и убьить они смогут на корабле, а в лесу будут передвигаться на лошадях, которые передвигаются сюда пешим ходом, не спеша, но целеустремленно.

— И что же, мне надо уже соглашаться? — язвительно спросила Настя, — а раньше ты не пожелал спросить, хочу ли я!

«Эгхм, — огорченно подумал Макурин, — все-таки не только красивая язва, но и еще умная и сообразительная. А ты вот проморгал, молодой человек! Давай теперь бухти, вешай китайскую лапшу на прелестные ушки».

Понадобились несколько часов горячих убеждений и «железных» доводов в его любви, пока Настя не сломалась. Все-таки она при всем при том была представительницей слабого пола, ха-ха. Но в будущем надо быть поосторожнее. Настя, конечно, не Чингачкук, но два раза на грабли может и не наступить.

А в летнем лесу при все при том оказалось здорово, даже Настя перестала на него обижаться. Немного прохладно, хотя и не холодно, очень приятно пахнет и очень вкусны лесные ягоды.

Быстро нашли своих лошадей, уже пришедших и пока объедавших молодую лесную травку. Федор, «поставленный над лошадьми», доложил, что все в порядке, никто не устал и, боже упаси, не болен.

Лошади ржали и бегали, дамы смеялись, охотно дурачась, мужчины им поддакивали. Шумная кавалькада прошла по лесу, пугаясь зверей и сама пугая их же. Между делом попаданец услышал доклады старших лесорубов, охотников и травников, они же ягодники. Заодно посмотрел на итоги их деятельности. Итоги приятно удивили. Нет, разумеется, соль будет на первом месте, но и лесные ремесла займут достойное место в ряду доходов, как крестьян, так и их помещика.

В этот же день уплыли. Первоначально Андрей Георгиевич хотел сразу же вместе с солью уплыть на судне в Санкт-Петербург, но Настя, оказывается, почему-то не взяла часть туалетов и виноватый муж (!), извинившись (!) завернул в поместье.

Ночью Настя, правда, кажется, чувствуя все-таки себя виноватой, а, может, излишне игривой, очень перед ним «извинялась». Так что они почти всю ночь не отдыхали, зато, естественно, компенсировали это крепким сном в первую половину дня. В общем, практика счастливой молодой семьи и Макурину ни в чем не было себя извинить.

После обеда он все же нашел в себе воли и заставил сходить на место стройки. Там было еще небольшие результаты работ. В основном мужики рыли ямы — котлованы под здания, обходные каналы под дождевую воду и т. д. Бревен же оказалось мало, даже одну ферму не построили. Но в лесу срублено деревьев было достаточно, и помещик был доволен — в этом году фермы точно появятся. Благо поголовье скота и птицы было в наличии, пусть и не достаточно. В Санкт-Петербурге должны были приплыть из Дании бык и три телки тамошней молочной породы, один не очень везучий помещик в соседнем уезде, не сумев разводить першеронов, продал ему весьма недорого двух жеребцов. Наконец, из подмосковного имения должны были подвести десяток несущих и несколько петушков.

Все, разумеется, было заранее проплачено и денег ушло у Андрея Георгиевича прилично, но ведь и окупится скоро и обильно, знай только работай!

И все-таки ему было как-то неприятно или даже грустно от такого обильного пока убытка. И поэтому весьма неожиданно он повернулся к мельнице. Один пока его стопроцентный проект, сделанный полностью и дающий доход. Конечно, было еще пчеловодство и сельское хозяйство в целом, но там его вклад был все же небольшой, да и давали они пока денег мало.

А тут уже пара тысяч рублей! И еще ожидается гораздо больше. Можем же, если хотим! Мельник задумчиво озирает пруд. На мельнице что-то молили, как всегда. Подобного рода механизмы должны работать постоянно, с техническими перерывами, разумеется, но каждые сутки. Иначе, зачем строили?

Но аврала сейчас не было. И потому, к производству был «прикомандирован» лишь один работник.

— Овес мужик привез, — пояснил мельник, — да к обеду молодую рожь начнем молотить, да и все, пожалуй. А завтра будем плановый ремонт проводить.

Макурин в ответ кивнул. Об этом ремонте они говорили еще при строительстве. Был он не долгий и не сложный. Плановый, короче, как говорили.

— А ты что смотришь, на воду глядишь? — поинтересовался помещик, — раз большой работы нету, так отдыхал бы, пока время есть.

— А что отдых, — махнул рукой мельник, — сколько не спи, все одно захочешь, — ты мне, барин, лучше скажи, — перевел он на более актуальную тему, — пора уже воду окультивовать. Пруд устроили, берега улеглись. Пора уже траву сеять да рыбу растить.

Ха, за душу его взяли затеи хозяина, ишь, как ожил, сам заговорил! Ничего, не забудем, благо ничего нового да страшного в этом для крестьян нет. Мельницы на водяном двигателе всегда ассоциировались у населения с прудом, а как иначе? А раз пруд, то, естественно, рыба. Сама появится из соседних рек по воде и по воздуху на лапах птиц, знай только лови.

Андрей Георгиевич этот процесс несколько модернизировал. Во-первых, рыбу предложил растить озерную да прудовую более ценную, например, карпа. Во-вторых, и самое главное, растить на пруде траву. Оно и рыбе будет веселей и сытней, и крестьяне корм получают. А если не крестьяне, то помещик точно. На фига ему фермы строят?

Всякий нормальный человек этими идеями заинтересуется. Мельник тоже был не дурак и даже в теоретическом аспекте любопытствовал. Макурин его не обманул. Карпов ему продали у помещика-рыболова — почти профессионала в ихней же Петербуржской губернии, а семена водной травы, водорослями по-современному, он достал в Санкт-Петербурге. Считаю бесплатно, с возвратом.

Посеяли. Попаданец почувствовал, что положил еще один камень в фундамент этой жизни. Хорошей комфортабельной жизни, находящейся между технической цивилизацией и естественной биологической. Жить можно!

Как всегда, расположившись в своей удобной для него походной бричке, на этот раз вместе с женой Настей Макуриной, урожденной Татищевой, твердо усевшей слева от него, он поехал в Санкт-Петербург. Пора, так сказать, из наших домашних пенатов, сытных и спокойных, переместится на беспокойную государеву службу. И там за одним получить положенное жалование, компенсировавшее неприятные неудобства. А то поиздержался он, честно сказать, как последний бедняк, или даже нищий. Видано ли дело, в императорской России генерал и нищий! Сотня, другая рублей и все!

Деньги еще, конечно, были у ненаглядной Настюшки, но как-то стыдно было у нее просить. Его превосходительство, столоначальник личной его императорского величества канцелярии, персона, пользующая доверием у августейшего дома, клянчит у своей жены. Сам зарабатывай, дорогой мой!

Да и не эта докука была главной. Неспешной дорогой, а это полдня раздумий, любил он порассуждать, молча, естественно, о планах на грядущее и об итогах на прошлое. Как-то так получалась, что даже власть. И даже Настя здесь не была неприятным препятствием. Скорее, приятным довеском.

Сейчас у него были две главные проблемы и он, как могучий сенбернар Булька, желал обсосать их сахарные косточки, а одновременно учесть все сложности и пока неясные трудности. Лучше вот так, еще до начала реализации, чем потом, до вторичной подготовки. Тоже ведь люди — человеки, имеем право на ошибки, а все же не хочется зря тратить время и силы.

Сегодня он, удивительно, но первый раз появлялся на монаршей службе не рядовым служащим, а его превосходительством столоначальником. Во как грозно и честно! Хотя, находясь при императоре Николае, он уже давно и не чувствовал себя рядовым, хе-хе.

А все же стал столоначальником и проблемы стали другие. Тем более и учить надо всех своих служащих. Всех пятерых или шестерых, ха-ха. М-да, смех смехом, а учить придется много и мучительно. Это ведь любой вуз при существующей технологии и наличии квалифицированных кадров имеет тысячи студюзов. А он, в одиночку, при отсутствии навыков вряд ли сумеет брать одного — двух учащихся сразу. А сколько будет в конце учебы, даже страшно представить.

С другой стороны, с него ведь и не требуют массовость. Он готовит писарей только для одного императора и, если сумеет подготовить двух, даже одного, уже будет оптимальным результатом.

Значит, из этого и будем исходить — берем двух рекрутов, готовим из них одного солдата. Вот такая средневековая кровожадная технология. Но на практике в данном случае это означает, что почти половина обучающихся будет всего лишь отчислена, а не забита, запорота до смерти. Обычный результат.

— Да, моя милая? — обратился он к жене, которая уже какое-то время, несмотря на толчки и резкие движения, неловко отодвинулась и цепко смотрела в его лицо. Так, что он даже забеспокоился. Что это с ней?

Но на его слова Настя оттаяла, размашисто перекрестилась, так что под благословением попал не только муж, но и бричка с лошадьми. Хотя на это никто не обратил внимания.

— Ты такой каменный был, — поделилась она впечатлением, — или нет, даже каменно-злобным. О чем-то плохом подумал, милый?

На это он не мог ее не поцеловать. Какая она все же у него заботливая и приветливая, просто страсть! Или ужас?

Еще раз поцеловал в готовно подставленные губы, пояснил:

— Государь-император в последнее время все чаще и чаще беспокоится сильным недостатком хороших письмоводителей, теми, кто хотя бы хорошо писал, вот и думал, что можно было делать.

— Он хочет тебя отправить в отставку? — откровенно забеспокоилась Настя, — оставить без жалованья? Нет, мы, конечно, неплохо проживем на приличные доходы от наших поместий, но все-таки...

— Ах, милая, разумеется, нет. Государь строг, но справедлив. Зачем же ему гнать старательного меня? Другое дело, он понимает, что я с годами не молодею, да и чинами обрастаю. Ведь, когда я был юным молодцом и титулярным советником, как бы само собой разумеется, что я не только мог бы, но и должен бегать за нашим солнцеликим государем, подписывая за ним и отдельные слова и целые документы. И совсем другое, когда также носится пожилой генерал.

— Ну, — запротестовала Настя на его оценку возраста, — ты не настолько молод и не опытен. Хотя, — подколола она, — балбес еще тот!

Он в свою очередь остался равнодушен на ее оценку и на какое-то время в бричке слышались звуки веселой борьбы. Кучер же Федор старался не поворачиваться, понимая, что не его это возможность оценивать не только молодоженов, но и господ.

Наконец, они запыхались и устали, и Андрей Георгиевич, нежно обняв ее, сказал, объясняя императора:

— Наш монарх Николай Павлович не собирается меня гнать от себя. Все-таки россиян с таким почерком больше не существует. Но он стремится облагородить мою роль. И я, в свою очередь, думаю, как бы это сделать для меня не трудно и не болезненно.

«И кого взять на вакантные должности», — добавил он про себя. Насте об этом лучше не говорить. По женской привычке все растреплет, даже не думая. Потом и император будет ругаться, и подчиненные станут бестолково мешаться под ногами. Нет уж, покорнейше благодарю!

А ведь эти умные и совсем не бестолковые мысли пришли ему сегодня в бричке, как итог размышлений, — подумал Макурин, успокаиваясь, — во-первых, несомненно, отказаться от массовости. Императору нужен только штучный товар, а не усредненные выпускники. Медиократы пусть работают в массах, а у нас будут талантливые избранные. Во-вторых, мне не за чем пасти студюзусов моего стола постоянно. На это есть специальные школы. Те еще учреждения, надо сказать, весьма слабые, но на первых порах и они пойдут.

Как он понимал, в Зимнем дворце его ждали пять благородных недорослей, набранных по приказу императора. Аппарат количественно выполнил приказ неукоснительно. Это чиновники сделали, кому же хочется быть наказанными? А вот качественно, мозгов уже не хватало.

В итоге, Макурину было предложено пять человек дворянского сословия, молодые и грамотные. Но какой у них был дурной почерк! И сколько было элементарных ошибок!

Он дал им диктант и в конце жестко поставил оценку:

— Господа, извольте определить свой уровень — он не больше, чем посредственный.

Да, да, судари мои, вы будете работать у его императорского величества. И как вы думаете, такая грамотность монарху пойдет?

Оценка под таким углом, безусловно, оказалась неприятной и несколько неудобной. Как и у остальных учеников, они были всего лишь научены писать без учета уровня, а потом они лишь читали, читали, читали, пытаясь стать образованными. Грамотными надо быть, прежде всего!

Посмотрите, что вы написали. Хорошо? — грустно спросил у подчиненных столоначальник Макурин.

— Да вроде бы ничего, ваше превосходительство, — осторожно ответил сидевший перед Макуриным блондин, которого тот вроде бы выбрал в качестве ответчика.

Их столоначальник ничего не ответил. Вместо этого он скорехонько, но очень четко написал тот же самый текст. Без ошибок и с очень красивым, можно сказать, элегантным почерком.

— Вот, господа, к чему вы обязаны стремиться. Не получится, будете служить в одном из министерств, но не в императорской канцелярии. Понятно?

Недоросли опять ответили, но уже довольно уныло. Кажется, этого они не ожидали. А как же история, география, латынь, которыми они набирались в предыдущие дни?

— Вас сюда набрали на должность именно письмоводителей, — четко произнес их жестокий начальник, — соответствуйте имеющимся требованиям. Нет, будьте добры уйти добровольно.

Я встречусь с вами через дня три-четыре, и буду одним из учителей. Надеюсь, к этому времени вы хоть чему-то научитесь. Для начала не рвитесь за мной писать целые тексты. Пишите буквы. Вот так!

Он вытащил новый текст, написал букву «А». полюбовался, написал букву «Б» с новой строки. И так весь алфавит.

— Когда рядом с моей появятся такие же ваши, я появлюсь рядом с вами радостный и с предложением о ваших кандидатурах в обозначенный департамент. Иначе буду гневаться и сердиться.

Андрей Георгиевич внимательно осмотрел всех пятерых. Всех их еще не готовили, при чем не только технически, но и психологически. Эдакие увальни, прости господи!

Наобум проговорил, как бы советуясь:

— Впрочем, если вы не считаете себя готовым, или, наоборот, свое положение порочащим в этом департаменте, вы еще можете уйти. Да?

И к его ужасу, молодой человек из рода Васильчиковых, немедленно четко обозначился в своей позиции:

— Предлагаемая мне данная служба, к сожалению, на мой взгляд, не соразмерима статусу дворянского рода и я вынужден отказаться.

Четко встал, поклонился — сначала столоначальнику, потом товарищам — и вышел из комнаты

Не фигу се, ему предлагают служить самому всероссийскому императору, а он кочевряжится. И что он полагает, в молодости и низких чинах он может получить что-то лучше? Сразу министром встанет? Наивный взгляд на текущую жизнь, а, скорее всего, излишняя надменность.

Впрочем, ладно. Лучше вначале, чем отдать ему массу усилий и времени, а потом тебе покажут известную операцию из трех пальцев. И все-таки гадко все. Неужели это показатель

кризиса начала XX века, когда подавляющее количество дворян даже не подумает идти на помощь императорскому престолу и в итоге сами погибнут и, как класс, и как отдельные представители.

Николаю I он, тем не менее, позднее ничего не сказал, как и остальным невольным свидетелям. Пять так пять, четыре так четыре, мало ли какие причины нечаянно могли появиться? А он не жандарм и даже не полицейский, не обязан-с!

Прав был или не прав был Андрей Георгиевич, он никогда не узнает, хотя он бы стал побдительнее, никому бы от этого хуже не было. Но он лишь отметил, что старый знакомый Георгий оказался чуть-чуть лучше остальных и занялся уже своими делами. Ибо служба службой, а коммерция тоже важна, хоть она не совсем одобряется и императором Николаем I, и высшим слоем чиновничества

Но и Бог с ним, ему с ними детей не крестить. Хотя с монархом, скорее всего, придется, даже более того, ему придется навязываться, Настя всю плешь ему проест. Но это будет очень не скоро и потому не стоит по этому поводу страдать.

Постарался забыть об этой мысли, полакомившись воспоминаниями об учительнице первой своей Анне (в XIX веке). Пусть он уже женат и при чем любит жену, а она его, не ведь никто не запрещает ему восторгаться красавицами. А она весьма не уродина. Эдакий, знаете, классический тип невзрачной русской красоты, от которого мужчины сходят с ума во все века, вы уж поверьте попаданцу на слово, он вам не соврет!

Подумав, решил поехать в город, благо бричка пока своя, не уехала в поместье, а Федору нечего без дела сидеть. Заодно и другие кое-какие дела сделает. Найдя важные причины для побега от прелестнейшей жены, Андрей Георгиевич заметно взбодрился. В Зимнем дворце сейчас начнется поистине спектакль — процесс сообщения с виноватым видом о проведенном таинстве бракосочетания в тайне от всех — а он может уехать. Просто так, для лучшего самочувствия.

Причины были объективные, да и честно говоря, Макурин полагал, что большинству было глубоко плевать на все это. С другой стороны, светская вежливость этого времени в высшем свете означала именно это. Кланяйтесь, кланяйтесь и кланяйтесь, особенно когда вы молоды и в низших чинах, а ваши собеседники уже седые и обязательно их превосходительства.

Только ведь и он его превосходительство, и с вельможным государем, если надо, он поговорит сам. Настя не решится побеспокоить его в рабочем кабинете, что означало — император в трудах и заботах и не лезьте к нему со всякими глупостями!

Вот с Александрой Федоровной она пусть сама по-бабьи поговорит, самое то. Нечего туда мужчину подтягивать, это только шум и гам получится. Что еще? С остальными, в крайнем случае, можно отговориться на очередном балу, мол, такой-то и такая-то уже обвенчались и все тут.

А потому, бежим! В пампасы, мой друг, пампасы. Или в Саратов, что в XIX веке почти все равно!

С этими словами Андрей Георгиевич, как мальчишка, удрал в город. Пусть слабая женщина суетится и мужественно борется с трудностями!

Правда, уже на улице он все же постеснялся и даже пожалел свою горячо любимую жену, но возвращаться назад уже не стал, понимая, что на встречу с августейшей императрицей он все равно опоздал, а здесь за него никто работать не будет.

И пошел пока по образовательным учреждениям, размышляя, какой бы подарок

преподнести Насте, чтобы та хотя бы не была по голове больно? А то ведь с нее станется, оставит без головы.

Анну он увидел еще на улице в окно, как и полагал, на уроке занятой до бледной синевы. Впрочем, не очень она ему и нужна. Главное, договорится с начальством, а с рядовым педагогом можно немножко поговорить о технологиях, напоследок обозначив в виде рукопожатия протянутых два пальца. Или, если это девушка, покровительственно похлопав по щеке. Что еще поговорить его превосходительству с таким учителем частной школы, не имеющего даже низшего классного чина?

Однако, перед этим надо поиграть, удовлетворить директора. В приемную Макурина медленно, глядя на всех встречных надменно и холодно, словно ученый на надоедливых насекомых.

Надеюсь, секретарша, имевшая среди не только учеников, но и рядовых учителей «суровая Лиза» за неподкупность и надменность, не выгонит его?

Впрочем, на находившуюся там секретаршу он посмотрел с интересом, как мужчина. Чиновник же только поморщился. Такой вот причудливый букет из позитивных и негативных эмоций.

Хотя секретарша не очень-то испугалась. Который год уже сидит, навиделась. Как ее, кажется, Лизонька?

— Елизавета, голубушка, передайте директору Василию Герасимовичу, что ученик «Школы языка» прошлых выпусков просит принять его.

Секретарша несколько поджала губы. Неизвестно как письму, но воспитанием его точно не научили. Как бы невзначай подсказала:

— Василий Герасимович сейчас занят. Однако, если вы покажете свою фамилию и имеющийся чин, я бы сумела уговорить выделить вам буквально пять минуточек.

Ах да, что же это он! При чем ударение секретарь сделала именно на чине. Сам ведь виноват, пришел в штатском платье, не в вицмундире. Да и имя его ей сдалось. Тем более, может еще и помнят. Торопливо сказал:

— Андрей Георгиевич Макурин.

— Ага, — лицо было таким же равнодушно-вежливым. Мало ли здесь заканчивалось учеником и даже с отличием. Но вот продолжение было для секретарши поразительным:

— Действительный статский советник, столоначальник его Е.И.В. канцелярии.

Боже святой и этот великий человек ждет!

Перо сделало неожиданный антраша и поставила большую чернильную кляксу. Впрочем, Бог с ним!

Елизавета резво соскочила со своего места:

— Ваше превосходительство, для нас является большая честь видеть вас! Пожалуйста, посидите пока, я только доложусь.

И уже не слушая оробевшего, в общем-то, попаданца, самолично посадила его, да не на жесткий стул, а на мягкое полукресло для почетных гостей. В кратковременную бытность свою учеником этой школы он несколько раз по разным поводам был в приемной и, чего уж говорить, любовался на это полукресло. Такое уж оно было воздушное и прекрасное!

И вот теперь садился сам. Хо-хо! Не раздавить бы ненароком. Он хотя и был поджарым, без лишней жиринки, но все равно за три пуда весил.

Расположился аккуратно, огляделся. Секретарша Елизавета, их суровая Лиза, конечно же, скоро исчезла в кабинете директора. Ну это, наверняка, надолго. Чтобы Василий

Герасимович что-то быстро делал! Его даже педагоги вынуждены часами ждать. Судьба такая!

Тем не менее, его ждала приятная неожиданность. Он только поудобнее присел в полукресле, намереваясь здесь быть, как минимум, час — другой, как дверь кабинета стремительно раскрылась и на пороге показался легкий, вежливый, предусмотрительный, то есть никогда ранее такой не видимый титулярный советник Кудрявцев (как он сам себя назвал). То ли должности директора частной школы показалось ему маловато для высокого гостя, то ли он сознательно принижал себя — что такое титулярный советник по сравнению с действительным статским советником, но тем не менее.

Макурин был несколько поставлен в тупик быстрым появлением директора. Не привык еще попаданец своему высокому званию. В провинции как бы само собой разумеется было, что местные чиновники любого ранга почтительно относились к столичному коллеге. А в Зимнем дворце большинство собеседников и сами были высокого чина. Или, как скажем члены императорской семьи, которые класса не имели вообще, но положение имели высочайшее. Потому бывший попаданец и не видел особой разницы, как, впрочем, и его знакомые. Тот же император Николай, который, кстати, и награждал, разве чувствовал повышение в классе? Или, скажем бывшая невеста, а ныне законная жена Анастасия Татищева?

А вот в столичном обществе, особенно далеком от Зимнего дворца, быстрая карьера бывшего ученика очень была замечена и зафиксирована. Ибо далеко не каждый чиновник за год от безклассного новика поднимался до действительного статского советника. Да что там говорить, иные за всю жизнь и до титулярного советника не поднимались. Так и барахтались всю жизнь под ногами, изображая чиновничий планктон.

Андрей Георгиевич в этой серой массе изрядно выделялся, что четко обозначилось местными администраторами. И Макурин это сразу прочувствовал, а потом и понял.

Андрей Георгиевич, какими судьбами! — радушно раскинул руки директор Василий Герасимович, показывая, что его помнят, что он тут свой.

Пришлось обняться. Что он здесь не фурсетка какая, мужских рук бояться? Потом сам не понял, как оказался за столом за чаем с вареньем и душистым ромом.

Между делом обговорили нужное Макурину дело. Вообще-то школе оно было весьма невыгодно, поскольку людей на казенные должности она должны была учить бесплатно. Это прекрасно понимали и со стороны местной школьной администрации и со стороны высокой государственной. Не зря Макурин в свое время отучился как бы на свои средства, хотя в конечном итоге казна косвенно заплатила в формевсемилейстивейшей помощи пострадавшим. Кушать-то всем хочется.

Его превосходительство тоже все это чувствуя, хотел поговорить и о компенсации государства школе за «бесплатном обучении» будущих. Но директор школы легким движением прервал его. Финансовый вопрос казенных обучаемых давно уже был решен, и от высокопоставленного служащего требовалось только сказать «ДА» в целом.

Ему даже показали его прежнюю учительницу Анну Гавриловну с несколькими словами похвалы. Не более, раз он выбрал, скорее директор показал, что его превосходительство не ошибся и этот педагог действительно недурен, хотя и женского пола.

А потом пришлось возвращаться обратно в Зимний дворец. То есть не сразу, вначале он все же посмотрел свой будущий трактир, но еще до наступления сумерек Андрей Георгиевич переступил порог своего нового жилища. И сразу понял, быть беде! Ибо жена его была не

просто в плохом настроении, она была в гневе. Что пыталась донести до него путем хлестких пощечин.

Ее высокопоставленный муж, хотя внешне вроде бы и не возражал, но при этом так двигался и так поворачивался, что ее руки ни разу не дотянулись до лица.

— Не смей уворачиваться от меня! — наконец не выдержала Настя, — ты виноват и должен быть наказан!

— Ах это было наказание! — как бы только что сообразил ее недалекий муж, — а я думал, что ты пытаешься меня приласкать в порыве страсти!

— Я тебе дам в порыве страсти! — в бешенстве воскликнула она, пытаясь освободить руки для очередной пощечины.

Как бы не так! Обе руки находились лежали на столе в объятиях «ласкового» мужа и отпускать их он не собирался. Мичурина еще на белом свете не было, и никто не говорил, что нам не надо ждать милости от природы. Но Настя все же попыталась отбиться от этих милостей.

Ха! В недалеком XX веке женщины постепенно смогут добиться равенства от мужчин и на политическом плане, но никогда в биологическом. Здесь мужчины были и будут всегда выше, что и Андрей сумел доказать.

Пять минут молчаливой борьбы, прерываемой лишь восклицаниями невольными вздохами, ничего Насте не принесли. Ее руки по-прежнему были в объятиях «милого», «ласкового» мужа.

Зато Андрей Георгиевич вдруг неожиданным движением перебросил жену к себе на колени.

— Ах, как это некрасиво! — воскликнула Настя, но с коленей мужа вырваться не спешила.

— Моя дорогая, моя прекрасная жена! — воскликнул он и нежно поцеловал ей руку. А потом как ни в чем не бывало предложил:

— Может быть, ты все же расскажешь мне о событиях сегодняшнего дня в Зимнем дворце и, если я увижу в чем-то свою вину, то позволю дать пару пощечин?

Настя оказалась в этот вечер показалась попаданцу излишне нервной и подвижной. Одно из двух: либо она была встревожена своим положением в высшем свете, ведь свободная прелестная девица Татищева вдруг превратилась в занятую семейную женщину Макурину. А отсюда львиная доля мужчин (и, надо сказать, женщин, хотя и по-другому поводу) сменяют свое отношения в негативном отношении. Либо императрица Александра Федоровна изрядно нами недовольна и постаралась это довести до своей фрейлины. А той сбавить напряжение было лишь на мужа. Куда теперь деваться!

Макурин влюбленным взглядом погладил пусть нервную, но все же прелестную фигурку жены, сообщив ей ненароком:

— Любимая, нам надо быть сейчас у венценосных монархов, и поэтому я вынужден не давать тебе бить по моему лицу. Веди и к августейшему императору Николаю I, и к ее супруге Александре Федоровне. Они, несомненно, вдосталь обратят внимание на его ужасную «красоту» и тебе самой будет неловко.

— Хм! — удивилась она. В таком аспекте их положение она еще не рассматривала. Ведь физически она уже стала женщиной, но психологически женой явно нет, по-прежнему намереваясь отвечать лишь за себя.

«Э, нет, дорогая, — усмехнулся Макурин, — теперь тебе придется отвечать за двоих, за себя и за своего мужа, а потом еще и за наших детей».

Он ловко поцеловал жену и ласково посмотрел на нее. Настя, занятая трудными мыслями, запоздало отмахнулась рукой. Потом ответила ответной улыбкой. Как все-таки прекрасно быть рядом с родным мужчиной, который и прикроет, и приласкает, и даже подумает за тебя.

— Я думаю, нам надо пройти с сообщением о нашем бракосочетании к обоим монархам. Тем более, к императору Николаю ты подойти так и не решилась, а к императрице Александре Федоровне не смогла наладить ключик.

— Смогла бы! — не согласилась Настя, — просто та сегодня уж слишком не в духе и не пожелала меня слушать.

Ага, судя потому, что она не соглашалась неохотно, он ее поймал. Спорить с нею он не собирался. Вот еще! Если нечего делать, то пожалуйста. А ему совсем некуда. Так что обойдется, милая.

Настя, с тревогой ожидавшая ответных доводов мужа, спорных и отнюдь не серьезных, но уносящих много времени, с облегчением пошла за супругом. Ведь вместо никчемного спора он просто взял ее за руку и повел к Николаю Павловичу, которого она до сих пор боялась и могла спокойно подойти только за спиной кого-то, например мужа. Она хихикнула и как бы ненароком погладила эту твердую и надежную спину.

А Андрей Георгиевич шел к императорскому кабинету спокойно и даже вальяжно. Вопрос о тайном бракосочетании для него был не вторым и даже не третьим месте, перед этим возникали проблемы с Е.И.В. канцелярией, а точнее, с письмоводителями, еще перед ним требовалось срочно решить хозяйственные вопросы с помещьем. Оно хотя и развивалось, но далеко не до конца и помещик должен был лично вмешиваться во все недостатки. Иначе откуда он возьмет деньги в достаточном количестве?

И только потом можно было заниматься их свадьбой, а, точнее, самой важной и

официальной частью на Земле и на Небе — таинством бракосочетания. И ничего, что они уже его прошли в поместной церкви. На Земле главным событием было не собственно бракосочетание, а его отблески у разных лиц.

Вот теперь им и предстояло увидеть реакцию общества в целом, и отдельных персон в частности. Да что уж было таиться, им важен был ответ, прежде всего, двух людей, почти богов, — императора Николая I и его жены Александры Федоровны.

К первому Андрей Георгиевич привел свою жену Настю почти силой. То есть не то, что она была против, но как-то не хотелось и вообще, лучше бы не сегодня?

Но при этом ногами она терпеливо перебирала, и ее муж молча вел его в кабинет и, наконец, встал перед августейшим монархом и поставил свою жену.

Император, между прочим, серьезно работал. Чувствовалось, что ему очень не хотелось отрываться от важного документа, но государь превозмог себя и отодвинул листочки поодаль.

— Надо же, — даже изволил удивиться он, — не прошло и нескольких суток со дня бракосочетания, как ты явился! Изволь, Андрей Георгиевич, объяснись, где ты был, друг мой любезный.

Ну, хотя бы громко не ругается. А объяснить императору он всегда может, два века все же говорил, сумеет и сейчас.

Макурин внимательно посмотрел на Николая. Ему предстояло как бы прошмыгнуть между Сциллой и Харибдой — объясниться предельно подробно перед монархом и не оскорбить жену Настю интимными подробностями. А они были изрядно интимными, эти детали, хо-хо!

— Ваше императорское величество, конечно же, мы не хотели никого не обидеть. Боже упаси! Но ночью в моем поместье между ними случилось то, что происходит между всяким парнем и девушкой, в результате чего они становятся мужчиной и женщиной. После этого я, как честный человек, не мог не привезти Настю в церковь, не затягивая время.

— Нет, это-то понятно все, — внезапно раздался позади них голос цесаревича Александра Николаевича, — вы нам лучше скажите, чета Макухиных, вы свадьбу собираетесь проводить?

«Фу ты, ну ты, кажется, обошлось, — облегченно подумал Макурин, — хоть и Настя покраснела, как спелая свекла, а государь явно имеет дополнительные вопросы, но оба молчат, за что он им очень благодарен.

Ха, а ведь умную мысль высказал будущий Александр II, — переменял Макурин тему размышлений, — большинству нет особого дела до церковных процедур, дот которых и не допустят, ведь даже столичные соборы не так велики, чтобы допускать тысячи людей. А вот светская свадьба это другое дело, тут чем больше, тем лучше. Тем более, с учетом императорской семьи, если их удастся привлечь, не все придворные будут приглашены».

— Ваше императорское высочество, прошу извинить нас, что не увидели вас, — извинился Андрей Георгиевич от имени всей четы Макуриных и предложил: — если вы позволите, мы, естественно, проведем свадьбу.

«Еще одну свадьбу, — подумал про себя попаданец, впрочем, не особо раздраженно, — та свадьба в поместье Насте все равно не понравилась. Столичная штучка, а там лишь два дворянина».

— А будет она...? — спросил император Николай, который, казалось бы, совсем не прислушивался к разговору, витая в облаках. Еще как прислушивался!

К чести Насти, она явно видела лучше государя, живя при императорском дворце практически с детства. Поэтому ответила живее:

— На Троицу? — осторожно предположила она, глядя на августейшего монарха сияющими глазами.

— На Троицу, — одобрительно кивнул император с улыбкой. Благо смотреть радостную и еще прихорошевшую Настю (хотя, куда уж больше!) всерьез было нельзя. Сбросив большинство проблем и тягот на мужа, она вдруг стала походить на ангеласо своим внеземной красотой.

Это пришло в голову не только Макурину, но и Николаю I, который вдруг серьезно заметил перед тем как отпустить ее:

— Только ты не улетай до свадьбы, дитя мое.

Озадаченная, она пошла в их семейное гнездышко, полученное в исключение от общих правил Макуриными. А трое мужчин — Николай Павлович, его сын и наследник Александр Николаевич и сам Андрей Георгиевич стали перетирать свои дела, важные, актуальные и не очень.

Первым заговорил самый младший — всего лишь его превосходительство. Дисциплина и порядок! Ведь сам вельможный монарх задал вопрос, надо отвечать, пусть и был вопрос необязательным и о нем вроде бы и забыли.

Трудно сказать, что думал про себя в этот миг попаданец, но внешне он был, прежде всего, исполнительным чиновником, желающим ответить на вопрос высокого начальства. И ведь не ошибся! Император ничего не забыл и обо всем помнил, несмотря ни на что, сразу же оживился и стал задавать дополнительные мелкие вопросы, расширяющие и углубляющие существующую картину.

А заговорил Андрей Георгиевич, разумеется, об обучении письмоводителей и об увеличении в связи с этим штатов.

Александр Николаевич тоже немедленно активизировался и между тремя мужчинами развернулся конструктивный разговор. Вначале существовало три точки зрения на данную проблему — по количеству собеседников. Затем постепенно Андрей Георгиевич не то, чтобы настоял — Боже упаси! — просто обрисовал картину будущего так, что его направление оказалось самым перспективным.

При чем, что характерно, выводы делал сам монарх Николай I, но сугубо в его ключе. При таком раскладе Макурин, естественно, не возражал, как не был против и цесаревич Александр Николаевич. Решено было на первых порах вести учебу каллиграфии силами педагогов «Школы языка», а также, при необходимости, подключая учителей других школ. В дальнейшем же можно было и подкорректировать. Сам же Макурин корректировал и помогал наиболее перспективным.

Потом Николай I и его личный письмоводитель разбирали накопившиеся документы, а цесаревич, сославшись на неотложные дела, ушел. Везет же человеку!

Макурин такой возможности не имел, император не хотел. Поэтому, покряхтев, они более детально рассмотрели содержание имеющегося документа о всемирном, в данном случае, европейском миропорядка в связи с беспорядками начала 1830-х годов (в истории затем оставшихся, как революции 1830-го года). Главной причиной этих событий (называйте, как хотите) у обоих собеседников были довольно бестолковые действия властей соответствующих стран и провокационные шаги Англии. Андрей Георгиевич, правда, усматривал здесь и объективные следствия. Монархия, как европейская форма правления

явно устаревала, но об этом он благоразумно промолчал, поскольку разговор плавно перешел бы на Россию с соответствующими выводами. А он что, революционер?

Интересно было другое. Поскольку тема была международная, то документ был обильно заполнен иностранными терминами и словосочетаниями. Николай по традиции семьи Романовых в XIX веке, великолепно знал ведущие европейские языки. Но он искренне удивился, что и Макурин знает и как бы не лучше монарха. Сам попаданец по традиции XX] века плотно общался с европейскими странами (и не только) и выучил почти десять языков. Для XXI века это было обычно, для XIX удивительно и император только кивал головой поражаясь разносторонностям поданного.

А у Макурина на это был один простой ответ, как он сказал однажды и не императору, хотя и при нем:

— Я, господа, представитель потомственного дворянского рода, включенного в Бархатную Книгу. И поэтому имею многие способности, на то я и русский дворянин, честь имею!

Николай тогда сильно удивился простоте и силе ответа, на который и возразить никак было нельзя. Поэтому при работе над документом он только кивал головой, а потом одобрительно сказал:

— Милостивый сударь Андрей Игоревич, изумительно видеть разные ваши способности при моем престоле. Очень рад!

На это Макурин, не мудрствуя лукаво, ответил:

— Государь! Не в способностях поданных дело, это от Бога, а не от самих людей, а от возможностей монарха ими воспользоваться. И я рад, что у меня такой повелитель, при котором я могу в полную силу использовать Богом данные мне таланты!

Вот как, и потаенные мысли, обдуманые еще в XXI веке, высказал, всего лишь заменил начальник на монарх, и императору довольно-таки потрафил, и предельно честно сказал! Так бывает очень не часто!

На вечернее чаепитие в императорскую столовую он пришел с некоторой опаской. Императрица Александра Федоровна со слов Насти достаточно сильно им, двум молодоженам, пеняла за секретность их бракосочетания, и особенно то, что оно было без них. Фрейлина Татищева была ее воспитанница, почти родная дочь и императрица была этим шагом недовольна.

Она и Макурину это сказала и четко показала собственным поведением. Ему пришлось оправдываться и напрячь свой болтологический аппарат. При чем, как и любой женщине, ей были чужды все эти логические экзерсисы. Он должен был оправдываться, искренне и громко, что Андрей Игоревич и делал весь ужин. И не важно, что он говорил

И ему еще повезло, что августейшая императрица ему позволила говорить. Иных поданных, на которых она была особенно зла, Александра Федоровна вообще не желала слышать, а то и видеть. Так и был всю жизнь виноватым.

Николай I молча сидел рядом и благодушно улыбался. Все выглядело так, что не государыня ругала поданных Макуриных, а строгая мать отчитывала молодых родственников, по недостатку лет сумевших влезть в хорошую лужу.

Он только один раз открыл рот, но эти слова были логичной точкой в разговоре, после которого и говорить уже не стоило:

— Я поговорил с молодыми и мы договорились, что подлинная свадьба будет в

ближайшую Троицу.

Это был и приговор и, одновременно, помилование. Что еще говорить? Императрица Александра Федоровна это так и поняла, и мягко улыбнулась. Гроха миновала.

Сама свадьба была в одном из столичных ресторанов. Императорской четы здесь не было — Николай I сам почти не пил и не любил пьяных. Но в соборе монарх со своей супругой и детьми присутствовал и вместе с другими окружающими обратил на нимб вокруг головы попаданца.

В сельской церкви его поместья Андрей Игоревич уже встречался с этим так сказать божественным явлением. Сам он, конечно, нимба не видел, но окружающие люди, даже хотя бы новопоставленная жена Настя, дружно сообщали о его святости. Что еще сказать на хорошо видимый нимб?

Но то была деревня и как бы семейный кружок. Макурин даже особо не обращал внимания, несмотря на настоятельные просьбы жены.

А тут все же Исаакиевский Собор и цвет российского дворянства во главе с императором Николаем I! И когда тот удивленно остановился, глядя на несанкционированный для высокопоставленного чиновника внешний знак, остановилась вся процедура.

Благо шло не таинство бракосочетания, а всего лишь молитва благодарения. Сам Николай Павлович, надо сказать, был человеком довольно верующим. А кто в XIX веке не верил в Бога? Но одновременно он четко выделял в повседневной жизни: православная церковь — это государственная структура и она связывается и даже подчиняется с Всевышним только через своего монарха. А потому ему и повинуетя. Император тоже подчиняется Богу, но церкви и вообще подчиненных это не касается.

Потому он совершенно не смутился, когда митрополит Санкт-Петербургский Иоасаф был вынужден остановиться. Благо и сам митрополит несколько вошел в тупик при виде сиятельного нимба.

Император же, попросив Макурина остановиться, внимательно осмотрел на нимб, который он до этого ни разу не видел, и попытался его взять. Вообще-то это было откровенное богохульство, но ведь брал Помазанник Божий!

Брать ему было не трудно, с его-то ростом! Андрей Игоревич, хотя и был среднего для XXI века роста, то есть высокий для XIX столетия, все же оказался ниже своего вельможного монарха.

Увы, даже высокий рост и сиятельный статус ему не помог, нимб — четкая полоска света, видимая и в темноте и при свете в Соборе, охотно пропускала пальцы, никак не реагируя. Хотя в другой ситуации, скажем, при молитве или при приближении к духовным реликвиям, он становился более ярким и объемным.

Сделав несколько неудачных попыток, Николай I благоразумно прекратил усилия, перекрестился на алтарь и негромко произнес:

— Воистину верую во имя Отца и Сына и Святого Духа.

И вздрогнул. Откуда-то изнутри, из центра Собора и одновременно ото всюду ему ответил отчетливый голос:

— Воинственно верую. Аминь!

Голос был изумительно прекрасным, и на миг окружающим стало очень приятно и хорошо. А нимб на голове Макурина превратился нечто в подобие короны.

Это было весьма кратковременно, но очень четко и запечатлелось в сознании и всех

придворных и самого императора. Немного подумав, тот решил довести до конца молитву благодарения и затем начать празднества Большого Хода. Ибо Голос Божий — а это, безусловно, был он — повод для большого христианского праздника.

Пока Николай отдавал приказы, придавая изрядную суматоху, попаданец, ныне столбовой российский дворянин и высокопоставленный чиновник в классе действительного статского советника, взяв под руку свою жену, тоже, м-гм, потомственную дворянку, незаметно по стеночке прокрались на свет Божий. Придворные бы не позволили молодым так легко уйти, но им повезло — это было время необычных приказов императора и все внимание окружающих было поглощено на них.

А на улице была весна. Или вот так — Весна. Прибалтийская весна, так медленно приходящая и расцветающая, наконец-то расцвела, и на свежем воздухе было прелесть как хорошо!

Так он их и встретил — обнимающих и откровенно балдеющих от теплого солнца молодоженов, которым в этот момент было все равно от экономических, политических и прочих разных проблем.

Они даже сразу не отозвались от предупредительного кашля неподалеку. Только через некоторое время Настя (умничка!) догадалась посмотреть на звук. И увидела императора Николая, так же безмятежно смотрящего на округу и подставляющего лицо весеннему петербургскому солнцу.

Почти испугавшись, она задергала мужа за рукав. А когда он не стал выходить из состояния неги и спокойствия, сердито окликнула.

Андрей Игоревич с досадой вернулся в этот суетный мир и тоже увидел Николая I. Монарх не сердился, но и не таял от теплоты солнца. Это заставило его прийти в состояние обыденной настороженности и забыть о весне.

— Прямо-таки почти маленькие котята, — прокомментировал Николай, — даже беспокоить жалко, но надо. Поехали, господа, в Зимний дворец, думать об нас, грешных, и о тебе, святом.

Андрей Игоревич раскрыл рот в немедленном протесте... и закрыл, молча проехав весь путь до дворца. Император явно был в большом беспокойстве, и любое неповиновение расценил бы почти как социальный бунт, как вторую пугачевщину. Ну и что это за нимб, не надо ему этого статуса христианского святого!

Он так и заявил императору Николаю и за одним жене Насте, что не желает быть святым и не хочет что-то менять. Ему и так хорошо на белом свете.

На это Николай загадочно улыбнулся:

— Умеренности у нынешней молодежи можно только приветствовать. И если бы твоя святость была закрыта и спрятана...

Он позвонил в колокольчик и попросил появившегося слугу прийти санкт-петербургскому обер-полицмейстеру.

— Я попросил его прийти в Зимний дворец с последними известиями, — пояснил император.

Вот как, все уже увязано заранее! — насторожился Макурин, имея огромный опыт попаданца, — по-моему, кто-то пытается за нас счет решить свои проблемы. Что же, с императором мы, конечно, бороться не будем, хотя приглядим, чтобы он, стремясь по старой отечественной привычке бороться за пользу государства, опять, как и многие повелители, не прошелся по головам поданных, в данном случае меня с Настей.

Он вольготно сел, приобняв и немного защитив жену. Напротив так же вольготно и даже по-хозяйски уселся монарх. Впрочем, они расположились в парадном императорском кабинете. Еще бы тот не чувствовал себя, как дома!

Вошел обер-полицмейстер. Седоватый такой дяденька, хотя чувствовалось, еще крепок и полон сил. С достоинством поклонился, заговорил. По-видимому, у них уже был разговор, и Николай конкретизировал интересующие его темы. Во всяком случае, говорил тот уверенно, твердо и не ждал наводящих вопросов.

Андрей Игоревич, разумеется, не собирался идти у главного силовика столицы и обрисовывать именно его картину положения Санкт-Петербурга. Но одно он выяснил точно и в этом не усомнился — столичное население уже узнало о новом святом и заметно волновалось. Ха, а он бы не волновался?

Что же это Бог, хотя бы предупредил о таком чуде в его лице, он бы приготовился... как-то с кем-то. Впрочем, в любом случае ему придется частично приоткрыться, хотя бы с Николаем I. Про попаданца он ни за что не будет говорить, тогда он точно будет жить в положении почетного заключенного, в лучшем варианте. Или просто будет объявлен сумасшедшим, как Чаадаев. А вот поболтать о ментальном визите на Небеса, или, как сейчас говорят, полете души, ему, с небольшими корректировками не только можно, но и нужно.

Макурин огляделся. Обер-полицмейстер после короткого доклада был отпущен. Настю он, после некоторого сопротивления, сам отправил «по месту работы» — в покои императрицы Александры Федоровны. Они остались одни — он и государь. Самое время как бы раскрыться, раз уж так «по небесному велению» получилось. Заодно надежно закрыть его положение попаданца, которое вот-вот окажется раскрытым. Сумеешь?

Ха, за две-то активные жизни, особенно в XXI веке!

— Мне надо перед вами повиниться, государь, — с виноватой мордашкой, ее еще в таком случае называют моськой, обратился Макурин к императору, — я очень перед вами виноват.

— Ну-ка, молодой человек, — с интересом произнес Николай, понимая, что о государственном преступлении здесь точно идти не будет.

И он не ошибся. Сделав глазки, как у кота в мультфильме о Шреке (или, хотя бы, попытавшись) он грустно повел свое повествование, сочиняя на ходу.

Рассказ получился грустно — ностальгическим. Однажды ночью в юные годы, перекрестившись и помолясь Господу перед сном, он уснул и увидел яркий и почти реалистичный сон о путешествии души на Небо...

Жизнь в юности была, естественно, в теории, а вот ментальный поход к Богу вполне реальным. Хотя, в любом другом случае было бы наоборот.

Император внимательно слушал, и по его лицу было видно — он и хочет верить и не может полностью поверить. Очень уж не сходился его рассказ с библейскими повествованиями. С другой стороны, если бы был похож, его можно было обвинить, всего лишь, в копировании Библии. А так...

Чтобы окончательно снять с него малейшее подозрение во лжи, он перекрестился на иконостас в красном угле кабинете и поклялся, что рассказанное им чистая правда! И ведь действительно правда о путешествии души на Небо до последнего слова?

Он так был убедителен в своем рассказе о Боге, что император не стал сомневаться. В самом деле, в XIX веке так убедительно врать о Боге мог только воинствующий атеист, каковых было еще не очень много и уж, во всяком случае, не в окружении Николая I.

Монарх лишь поинтересовался его эмоциям и после этого.

— Во сне я был строго трезв и холоден, словно кто-то держал меня, — сообщил Макурин, — но после сна душа моя расцвела и вся пропахла ладаном. Будто бы я был в Божьем Саду.

— А почерк твой появился? — спросил император актуальный для него вопрос.

— Я думаю да, и этот вдруг явившийся нимб только подтверждает. Хотя Святитель в беседе с ним ничего не сказал, но на вся Воля его, — Макурин перекрестился совершенно искренне, — не Нам его судить.

Николай тоже перекрестился и как-то задумчиво. Спросил:

— Что делать теперь будем? С одной стороны, я благодарен Нашему Небесному Повелителю, за появление в моем правление такого святого. С другой стороны, сколько проблем будет, — а дальше не сказал, но почти послышалось: «лучше бы тебя не было вообще».

Андрей Игоревич перекрестился, пожал плечами, — мол, я то что сделаю. Твердо сказал:

— Я, прежде всего, ваш земной поданный, ваше императорское величество и буду делать то, что соизволено Вами.

Главное было сказано и мужчины глубокомысленно переглянулись, предвидя нелегкий будущий день. В конце концов, Богу — Богову, а им еще тащить свои земные обязанности, очень трудные и хлопотливые, между прочим.

Когда мужчины бывают обоюдно кровно заинтересованы, то разговор бывает эффективным, деловым и очень коротким. Не прошло и пяти минут, как они договорились, так что, с учетом Божьей Воли и жизненной ситуации, положение Андрея Игоревича Макурина резко изменилось в лучшую сторону и Николай I никак не будет этому мешать, а даже всемерно помогать.

Андрей Игоревич со своей стороны твердо обещал, что он повсюду и везде станет помогать династии Романовых в целом и правящего монарху в частности. И если в России или в мире начнется революция (бунт) или война, то новопреставленный святой немедленно выступит на стороне государства.

Конкретно же на сей момент, попаданец со своей стороны обязывался обязательно участвовать во всех религиозных празднествах, при необходимости прославляя Бога и правящего императора. Арии этом император гарантировал, что святой будет всегда ПЕРЕД всеми свитскими вне зависимости от их класса и должности и ПОСЛЕ императора Николая I, где-то на уровне цесаревича Александра Николаевича.

То есть положение династии Романовых в целом и правящего монарха в частности укреплялось, но за счет ухудшения статуса цесаревича. Это можно было назвать минипереворотом, если бы Александр Николаевич не сидел здесь же и даже активно не участвовал в разговоре, вдруг появившийся в кабинете. Будущий император Александр II Освободитель был человек умным и дальновидным, понимая, что цесаревичем он будет недолго, а вот Романовым всегда и императором в будущем.

Тем более самым пострадавшим в этой ситуации был Андрей Игоревич, который в глазах современников становился из потенциального посланника Божьего в обычного поданного императора. Пусть и высокопоставленного, но все же подчиненного россиянина. И ведь однажды зафиксировав такой статус, он, скорее всего, уже не изменит его. Или подвигнет свое место, но только путем кровавого бунта. Оно ему надо?

Это понимал не только Макурин, но и сам император Николай, который для хотя бы легкого смягчения горечи собеседника тут же даровал ему различные милости, от финансовых до политических. Он не Бог, но все-таки император и у него достаточно земной власти.

Андрей Игоревич становился членом Святейшего Синода с правами его председателя. При чем, если надо, он мог единовластно решать, пусть даже остальные члены Синода были против. В финансовом вопросе Макурин получал отдельную статью расходов. Часть денег он получал при помощи механического разделения бюджета Синода. Святой получал треть доходов. Часть ж из отчисления от удельных доходов..

Николай I клятвенно обещал, что статья эта никогда не будет ревизоваться и комментироваться. А все расходы будут идти только на личное материальное положение святого.

— Что касается светского статуса вашего преподобия, — уточнил император и замолчал, размышляя. Потом сказал: — пожалуй, я дам тебе здесь права члена династии. То есть, ты можешь получать все ордена и чины в рамках законодательного поля.

Получалось, в общем-то, двусмысленно, поскольку сами законы как раз многое воспрещали, что по орденам, что по чинам и должностям. Поэтому монарх продолжил:

— При этом учитывая, что ты будешь иметь статус высокопоставленного сановника первых классов. То есть все ордена, придворные должности и прочие чины и должности ты будешь получать без всяких имеющихся ограничений.

— Да уж, — довольно поддакнул цесаревич, глядя на Макурина. Тот с разрешения государя переместил на свой стол чернильницу с чернилами, ненароком приблизившись к иконостасу и, видимо, перейдя какую-то границу. Во всяком случае, на голове его немедленно появился нимб. Господь Вседержитель четко и недвусмысленно показывал, что Андрей Игоревич является святым и это надо учитывать. А как иначе?

Сам Николай I ничего не сказал, только дружелюбно кивнул, поинтересовавшись у Макурина:

— Андрей Игоревич, угодно ли вам получить все имеющиеся классы и ордена или приобрести их постепенно?

Попаданец только хмыкнул. Деньги и высокое положение он имел и без этого, а получать все отличия скопом зачем? Сделать еще один прообраз престарелого генерального секретаря КПСС образца XX века? Боже упаси! Хватит нам одного Л.И. Брежнева.

И самое главное, сам он ни как себя не ассоциировал со святым. Ну, появился нимб, ну, люди, та же Настя или император Николай I, объявили его святым. Но ни физически, ни морально он себя не почувствовал ни святым или хотя бы необычайным.

Внутренне он даже опасался, что это массовое помешательство и вскоре оно пройдет. И тогда ему мало не покажется. Да и вообще, зачем ему? Он и так почти хорошо жил.

Короче говоря, он совсем согласился с Николаем и все одобрил. Единственно, попросил продолжить им его хозяйственные затеи, уже не ради денег, а так, для интереса. Император, разумеется, не возражал, но с замечанием, пусть внешне коммерцией занимаются его крестьяне, а не он сам.

И то ладно, крестьяне-то его. Да и вообще, деньги его с некоторых пор особо и интересовали. Сколько хочешь, столько и будет, зачем еще?

Что же касаясь коммерции, то решил Макурин все же образовать многочисленную сеть общепита XIX века. Хоть не заработает, так хорошенько сам поест и других накормит. Опять же императору он уже должен, что соль, что соленые огурцы, что мед. Нехорошо это, так резко оборвать, отказав в товарах.

А конкретно Макурин решил создать по итогам глубоких, еще дорожных размышлений по пути в Санкт-Петербург, так сказать, образцовый учебный трактир. Общее назначение которого будет назначаться, во-вторых, уточнение замыслов самого попаданца. Ведь планов у него была прорва, громадье по Маяковскому, но как-то больше пока теоретических, аморфных, не подведенных к конкретным условиям России XIX века. Самому будет страшновато проводить их в массовом порядке и прилюдно.

Но самое главное, этот трактир именно в Санкт-Петербурге, а не рядом с поместьем, будет создавать как бы между прочим будущие кадры — от трактирщиков до швейцаров. При этом брать кандидатов на эти места он будет из поместья лишь частично, а большая доля будет забрана в самой столице. Задача эта будет архисложная, — как заранее предполагал Макурин, — и как бы не вообще неподъемная. Но ведь дело такое — не возьмешься, так и не узнаешь.

Этот трактир он решил поставить на границе благополучного центра и довольно-таки бедной окраины, на Невском проспекте, но там, где она давно уже перестает быть красивым и роскошным, а оказывается невзрачным, грязным переулком.

Посмотрел сначала бегло, когда был, если говорить прямо, в бегах от жены и от всяческих забот. Потом уже уточнил внимательно, пробуя с разных сторон и с разных проблем и хозяйственных, и административных, и даже культурных.

Там, кстати, уже было некое невзрачное здание с очень неприглядной харизмой — пьяное, драчливое, даже кровавое. Местные жители охотно рассказывали после первых же вопросов, что прежний хозяин сделал ставку (термин в пересказе попаданца) на дешевое спиртное. Бухло ему продавать удавалось, по крайней мере, на первых порах. Но с дешевым спиртным практически со всей столицы поползли нищие, калеки, всякие отморозки. А потом уже и авторитеты нынешнего воровского мира. Социальные связи здесь были еще слабенькие, но весьма четкие и неприглядные.

Эта грязная всеохватывающая волна хозяина трактира очень быстро захлестнула с головой, и он счел, будучи смышленным, хотя и вороватым, разумным побыстрее удрать, бросив вложенные в неприглядное дело деньги.

Сказывали, впрочем, и другое. Местный хозяин был, оказывается, представителем от воровской сходки и в данном трактире, таким образом, попросту отмывали воровские деньги. Но, то ли он залез в воровскую казну через чур сильно, то ли перессорился со своими авторитетами, но итог в целом был такой же печальный — хозяин бесследно исчез, как его и не бывало. Даже само трактирное здание Андрей Георгиевич покупал уже у местного исправника за налоговые долги.

Воровская сходка, кстати, проявилась уже и при нем. Незаметные люди в скромной одежде оказались около нового хозяина и, пользуясь его минутным одиночеством, шепотом заявили, что прежний деляга задолжал не только государству, но и сходке. И теперь, беря у государства здание себе, он должен взять на себя и долги воровскому миру. Но если он будет с пониманием, то и заимодатели пойдут к нему жалеючи...

Больше он их не слушал, повелительно махнув рукой — брысь! Макурин еще в XXI веке усвоил, что с преступниками можно только быть наравне, если ты тоже преступник, а, еще лучше, авторитет. В противном случае разуют и разденут, да еще похвастаются на весь мир, какого лоха они обдурили.

К счастью, в XIX веке между ворами и действительным статским советником были огромное расстояние с непреодолимыми барьерами социального, политического, экономического толка. Так что распрощался господин Макурин с низами российского общества навсегда и дальнейшем мог спокойно жить. Не по зубам еще!

Трактир же свой будущий он решил организовать самый обычный, но со вкусами всех социальных слоев тогдашней столицы, от изысканного высшего света (они тоже любят вкусно покушать) до представителей бедных и беднейших слоев. Пусть тоже несут свои медяки. Деньги, как говорится, совсем не пахнут и нечего тут кочевряжиться.

Соответственно, перестроившись по его планам, здание имело три зала — два небольших, для высших и, наоборот, низших слоев, и одно просторное, для более многочисленных средних слоев. Этих посетителей было весьма количественно, и они тоже были очень разными — чиновники средних и младших классов и даже без оных, купцы второй и первой гильдии, зажиточные квалифицированные ремесленники и проч. Здесь официанты строго были проинструктированы, где, куда и зачем. Блюда были, в общем-то, и одинаковые, но разные по цене, а, значит, и по качеству. И садили посетителей по-разному. Была чиновничья часть, была купеческая, а была просто городская. Ссоры и драки все равно были, особенно по пьяному делу, но умеренно, не перерастая в массовые беспорядки.

Был еще и четвертый, так сказать специфический зал, в который, между прочим, пускали вообще без учета сословий, но об этом позже.

Между прочим, были и особые блюда и по залам, и по сословиям. Клиенты быстро это уловили и официанты не раз докладывали, что, имея деньги, бедняки заказывают ботвинью по-купечески, а купцы и среднее чиновничество — закуску «его превосходительства». Это были известный в его мире салат с рачьими шейками. Дорогое блюдо с сомнительным, на взгляд попаданца, вкусом. Но ведь берут, каналы!

Андрей Георгиевич, кстати, в это отношении быстро подсуетился. Ведь если рынок требует, то настоящий коммерсант всегда найдут. Мясо и хлеб, овощи и рыбу ему и так везли с поместья. Можно было и раков, раз требуется. Сложность оказалась только в одном — крестьяне не хотели лезть в городские затеи. То ли замкнулись в деревенскую жизнь, то ли все равно не верили своему помещику, хоть он и не раз клялся и божился.

Не вопрос, Андрей Игоревич быстро нашел добровольца. Федотыч, крестьянин бедный но ушлый, разорившийся за последние годы из-за сибирской язвы, враз уничтоживший весь его скотный двор, с подачи барина развил ферму раков. То есть сам хозяин назвал это явление рачьим хозяйством. Помещик, про себя посмеявшись, не возражал. Раки от этого менее вкусными не будут.

И без того дело это было весьма новое и, надо сказать, даже очень странное, на первых порах община вообще не выгнала любителя раков только из-за его покровителя помещика. А потом крестьяне только чесали затылки. Оказывается, господа очень даже любят эту гадость. Ведь не рыба, не мясо, а как жадно покупают.

Крестьяне и сами на этом деле кое-что поимели, за кровь и внутренности, которые иные ели неохотно, иные просто выбрасывали на дальний угол огорода, помещик Андрей Игоревич щедро платил полновластными копейками. Кто-то за год, имея много скота, заработал по десять — пятнадцать копеек. Имея такую продукцию, которую и назвать-то товаром нельзя, это было много.

В этот-то момент и поняли бедные аборигены, что такое получать деньги из воздуха и что участники его операций будут получать много. Федотыч уже за первый год получил огромные деньги — два четверных билета (50 руб.) ассигнациями. Барин простил его все налоги, кроме государственных. Хотя, вроде бы, наоборот, должен был потребовать больше. Крестьянин денег не имеет, они его только развращают, — все так говорят. А вот поди ж ты!

Благодетель прилюдно вручил ему деньги, задешево продал жеребенка и телку каких-то невиданных зарубежных пород. Крестьяне родителей их видели — кобыла и жеребец, по названию першерон, большие и сильные, не то что местные лошади. А коровы, голландки, изрядно молочные, в три, а то и в четыре давали больше молока, чем крестьянские коровушки.

Местные жители их видели и облизывались. Один такой першерон тащит невероятный груз бревен. Правда, крестьянскую соху он легко сломает, имея такую-то силу, но ведь и плуг есть и барин объявил, что отдаст его и другие орудия бесплатно, в качестве довеска к лошади.

А уж корова была, как мечта хозяйки и дитятей, по несколько ведер за дойку. А дойки-то летом двое-трое. И жрать много больше не требуют, знай только пои.

Самые сметливые имели храбрость приценится к скотинке. Барин, как и обещал, цену задрал. Справедливо, каков товар, такова и цена. Зато своему соратнику по рачьей ферме продал куда дешевле, чем даже обычную. И лошадь с коровой отдал бесплатно. Дескать,

временно, пока заморская скотина не вырастет.

Во как! Крестьяне стояли на сходе и балдели, видя, как бедняк Федотыч за пару часов с ходу превращается в деревенского богатея. А ведь могли бы и они такими стать, барин всех приглашал, объявив, что ныне позволяется богатеть добровольно. Сробели, не решились, вот и страдают теперь.

Андрей Георгиевич и сам на этой «рачьей операции» немало прибогател. Хотя как разбогател? Для действительного статского советника и члена Святейшего Синода три тысячи рублей ассигнациями деньги, разумеется, хоть и большие, но отнюдь не страшные. Как небольшую денежку получил к рождеству. Самое главное, на раках он получил значительный опыт и уверенность, что его навыки торговли и производства XXI века хорошо приходят и к XIX. Специфика, конечно, есть, но терпение и труд все перетрут, да мой дорогой?

Кроме раков, все остальные блюда имели такую же особенность — они изготавливались из свежайшей продукции. Не говоря о том, что она была дешевой и качественной. Это в краткий срок повлекло сюда посетителей.

Была и еще одна особенность, о которой уже писалось, — женский зал, куда, как вы понимаете, пускали только одних женщин с детьми. Семьи тоже пускали, но мужчинам необходимо было иметь не менее тридцати лет и класс не меньше действительного статского советника. Иначе никак! Ну и сообразно кухня здесь была соответствующей, с упором на сладости и фрукты и полным отсутствием всякого вина и водок.

Надо сказать, зал этот он организовывал очень даже нехотя. Не было в планах у него феминистических замашек ни по опыту, ни о каких-либо знаниях. Анна Гавриловна из школы, его прежняя учительница, настояла. И ведь, оказывается, она была очень права! Несмотря на цены, впрочем, невысокие для знати, зал быстро приобрел популярность. Со всего Санкт-Петербурга и даже из Зимнего дворца приезжали полакомиться свежайшими пирожными и тортами, конфетами и повидлом с чаем или соками.

Вот так однажды ему пришлось, к своему совершеннейшему удивлению, сопровождать Александру Федоровну с Татьяной и младшими детьми. Кроме того, разумеется, была фрейлина и, так уже довелось, его жена, Анастасия Макурина.

Дело началось, как всегда, с малейшего пустяка. У одной из малышек был день именин и она, откуда-то зная об особенном зале нового даже не ресторана, а трактира, очень туда захотела. Там были такие вкусные пирожные и конфеты!

Императрица сначала была категорически против, не хватало ей еще по трактирам ездить! Ха, дети по этому случаю всегда имели свое немудреное средство — плач желательно с хныканьем и жалобными криками «ты меня не любишь!»

Андрей Георгиевич и не думал вмешиваться в повседневную ссору отцов и детей. Если Богу так приготовлено, то зачем он будет мучиться и встречать между родственниками, получая шишки от обеих сторон? Вместо этого он невозмутимо сидел, не глядя ни на детей, ни на взрослых. Он и оказался-то здесь случайно, придя к любимой жене.

Настя, ставшая вдруг женой знаменитости, да еще и любящего мужа, всячески его ублажала и хотела уже уйти с ним, но раз такое дело. И он уговорила (ха, умолила!) привести их в этот трактир.

Андрей Игоревич сначала хотел отказать. Вежливо и негромко, без ругательств, все же святой. Но Настя так просительно смотрела на него, что он не выдержал. Женщина — это сосуд греха, тут и даже такой святой человек, как он, хе-хе, не выдержит!

Поехали на двух дворцовых каретах. Его императорское величество с его высочеством Александром Николаевичем по-мужски куда-то слиняли. Это, кстати, объясняло, почему он среди рабочего дня болтался среди дворца и приударивал за своей женой.

Ехали долго. За дорогой он слегка приутих и уже здраво подумал, что визит императрицы с детьми еще и даст трактиру хорошую известность. Не говоря уже о том, что Александра Федоровна принесет ему немало денег.

Поэтому принимали гостей на высшем уровне. Их принимал сам хозяин (зиц-председатель, сам святой не мог иметь какие-либо учреждения общепита), на столы приносили самое свежее и самое оригинальное, до этого не предлагаемое. Например, шоколадные торты с марципанами и лимонад из маринад. Или сладкий фруктовый кефир (иными словами йогурт) с лимонными пирожными.

Откуда они брали цитрусовые? Да без проблем. Санкт-Петербург все же был активный международный порт (45 % всего грузооборота страны). И на иностранных судах было объявлено, что все цитрусовые (апельсины, мандарины, лимоны и проч.) будут обмениваются в пропорции 2 к 1 на поросятину в живом виде вне зависимости от состояния товара, даже несвежие и замшелые. В итоге, уже через несколько месяцев суда специально заходили в столицу России забрать такое выгодное мясо, а в трактире всегда были фрукты. В товарном виде его просто подавали на стол, в нетоварном — давили в лимонад. Наивные иностранцы, похихатывая над простодушными русскими, даже не подозревали, что приносили хорошую прибыль господину Макурину.

Большинство столиков в женском столе, несмотря на кусачие цены, были заняты. Официанты с некоторым трудом сумели найти четыре столика и разместить их в свободном центре зала. А Андрей Игоревич опять с досадою подумал, что, кажется, пришла пора производить российский сахар. XIX век все же, и без него бы производить должны! А то тростниковый сахар довольно-таки весьма дорог для основной части народа, да и объем его недостаточен. То есть такой товар в лавках стоит, пока в цене, но чуть понизится, сметут. Ах, если бы в основу сладости клали чуть более дешевую продукцию, он бы озолотился. И статус святого с деньгами Синода не требовались бы!

Со столиками меж тем зашумели — подали мороженное, очень вкусное, но очень дорогое по той же причине. В XXI веке мировая кухня во многом базировалась на дешевом и доступном сахаре. Даже через чур базировалась, как считали многие медики. Так это или иначе, но с сахаром в кухне произойдет настоящий переворот. А он, попаданец, все это знает и ничего не делает! И даже не от умения, а руки не ходят!

Он попробовал мороженное в небольшой чашечке, обсыпанным кокосовой стружкой и даже замычал от восторга. На этом-то молоке да еще бы сахар! Вот это было б блюдо. Все бы ели да хвалили.

Проглотил мороженное и уже трезво подумал, что сахар на основе свеклы реальном мире придумают где-то в это время. И если он сам не соизволит придумать, то должен обязательно перехватить и популяризировать новинку, а изобретатель должен будет обязательно обогатиться и стать знаменитым. Хотя бы так.

С этим и приехал в Зимний дворец. Около их покоев семьи Макуриных, как он и предполагал, уже нетерпеливо прохаживался флигель-адъютант императора с его строгим приказом — явится в парадный кабинет в обязательном порядке!

Ну вот, а он хотел между делом приголубить милую жену. Обязан, так сказать, по положению. Но раз император требует, то что ж!

Настя, чего-то подобное предлагая, сделала насмешливый книксен. Дескать, вот тебе, новоявленный святой, иди, работай.

«Да уж, — подумал Макурин, немного ерничая, — мы, святые люди, или, хотя бы, святые существа занятые, вечно в труде. Хох! А все-таки, зачем позвал император, не бумагу, надеюсь, писать?»

Андрей Игоревич зря подумал на Николая такую напраслину. Он еще раньше попаданца учел изменившийся статус своего чиновника и «всего лишь» позвал его на секретное совещание. Помимо императора и цесаревича там еще были великие князья, министры и другие высокие чиновники классом не менее тайного советника. Ха, и он единственный действительный статский советник.

Впрочем, на бедного бедолагу Макурин никак не походил. Более того, когда он сел с приглашения Николая в красный угол в опасной близости от иконостаса, как раньше, около его головы появился яркий нимб. И так сильно, что все сидящие даже засмутились — кому в первую очередь кланяться?

— Господь Бог Наш милостивый, — помог им Макурин, перекрестя и благославляя присутствующих: — Вседержитель так сделал, что я уже, одной ногой находясь на Земле, другой нахожусь на Небе. А государем-императором у нас по-прежнему является Николай Павлович, имейте это в виду.

Николай молча кивнул, натянув на лицо каменную надменность. Его можно было понять. С одной стороны, его положение упрочилось хотя бы здесь, в рамках совещания. С другой стороны, кто его благословил — чиновник в чине действительного статского советника? Или какого-то непонятого святого? Он по всем православным канонам должен по жизни страдать, а еще лучше мучительно умереть, на то он и святой. А тут, какой-то почти юноша, где он страдал? Хотя опять же, вот он нимб святого мученика, не веришь, так посмотри. И благословил, как настоящий святой, аж волна восторга прошла.

И что же нам делать, господа?

Андрей Георгиевич осторожно прижался к теплому, мягкому плечу любимой жены. Не из кошмарной боязни, что та прогонит, а из опасливого опасения, что ненароком задавит или больно тронет. Это теперь его женщина и перед Богом, и перед государством и обществом. И сама Настя это постоянно демонстрирует и наглядно показывает, особенно, когда он, мадрить перемадрить, стал вдруг святым. Вот уж какая доука, хоть стой, хоть падай!

Жена, между прочем, отнюдь не была против таких тесных отношений в бричке. Даже более того, зарылась в его предплечье, заснула, пользуясь тем, что делать в дороге было совершенно нечего. Раннее утро, июньское тепло слегка продвинутое утренней свежестью, так и намекало о сне. Они ехали домой в поместье и теперь несколько часов будут трястись. А что оставалось делать в пути пассажирам? Водку пьянствовать и безобразия нарушать? Или вот легонько приставать к попутчице, благо она и без того жена.

Макурин нагнулся к молодой женщине. Румяная, красивая, она так и просилась хотя бы к поцелуям. Не в силах сдержаться, он чмокнул ее в теплую румяную щечку. Та, казалось бы, беспробудно спавшая, вдруг, не открывая глаз, слегка улыбнулась и показала тоненьким и таким беззащитным пальчиком в губы. Мол, туда целуй.

Попаданец был не против, но вначале его жаждущие губы поцеловали каждый пальчик пойманной руки. А уже потом он поцеловал ее в губы.

Настя, разбуженная таким образом, но не обозленная, лишь поинтересовалась ненароком, можно ли благоверному святому так низко падать и приставать к падшим женщинам с греховными намерениями?

Ха, подумаешь, он тоже может сказать эдакое саркастическое:

— Бог в своей святости и благодетели создал все живое на свете, в том числе женщину. Ты хочешь теперь критиковать Всевышнего?

— Ого! — удивилась Настя подобному истолкованию ее слов. Она и не хотела поминать Всевышнего... хотя может и немного хотела, святой же рядом.

— Бог создал человека по своему подобию! — нравоучительно произнес Макурин, — и мужчину и женщину. Потом, правда, Сатана заполнил женщину грехом, — он легонько щелкнул жену по прелестному носику, намекая, кого он имеет в виду, — но мужчина не должен позабыть свою хотя бы супругу и понижать грех в ней, что я и делаю.

Он снова поцеловал ее, не обращая внимания на сопротивление женщины, все-таки обозленной его словами.

— Ты! — воскликнула Настя и замолчала, не зная, как продолжать — обвинять святого в грехе, говорить, что муж не имеет целовать жену? Что за чертовщина!

В результате, только обняла Андрея Георгиевича обеими руками за шею, поделилась с ним своим теплом. Жена, все-таки, хоть и норовистая и надменная. А женщина и не может быть другой, потому как женщина. Не зря есть народная пословица — баба дура не потому, что дура, а потому что баба. И больше ведь уже не скажешь. Все и так сказано, пусть и немного обидно для прекрасного пола..

Но, с другой стороны, моя женщина хоть и дура, скажем только про себя (!), но такая прелестница, красивая и добрая. И даже умничка, как это не странно будет сказано.

Макурин хохотнул, немало удивив Настю, зевнул нешироко, перекрестившись от

нечестной силы и посоветовав жене поспать еще немного, пока Бог позволяет. Это никак не было связано с предыдущим спором, почти ссорой, но она ничего не сказала. И потом, зачем им ругаться зазря, все-таки муж и жена, а он у нее еще и святой.

Настя опять прильнула к плечу, досыпая, а Андрей Георгиевич посмотрел на окружающую почти летнюю природу. Хорошо-то так, Господи! По-иному и не скажешь, благо и благодаря Богу он здесь и оказался.

Вчера после так называемого секретного совещания, император Николай невзначай попросил Макурина остаться. Он да сын — цесаревич, накоротке поговорили втроем. Андрей Георгиевич, насторожившись, было подумал, что речь пройдет о написании документов или, на крайняк, его деятельности святого, но нет, немного о другом, хотя и почти рядом.

Император мягко так почти порекомендовал, точнее покомандовал, немного отдохнуть в своем поместье, заодно провести остаток медового месяца с молодой женой, пока он здесь наведет порядок и с его положением и с мятущимся народом. А?

Николай посмотрел на своего бывшего письмоводителя. Тот сидел также под иконостасом и нимб предупредительно сиял на голове, четко показывая, что перед ними не просто так человек, а полновластный святой. И поэтому монарх заметно смягчил свой тон. Мало ли кем он был на земном существовании по Воле Бога, на Небе Он сразу же показывает у него другие любимцы и избранники.

Макурин был, в общем-то, согласен и по первому предложению и по второму. После событий в Исаакиевском Соборе он стал неведомо кем — письмоводителем уже не был, а членом Святейшего Синода, по сути, еще не стал, хотя формально был направлен. НАПРАВЛЕН ПО ПРИКАЗУ, а не ИЗБРАН, значит, стал не законно. Хотя, скажи об этом императору, пожалуй, и побьет и уж точно отругает. Вот и болтается он в Зимнем дворце, как некая субстанция в проруби. Пусть и несколько часов еще, а все же.

И ведь, самое главное, он и не хочет быть этим самым. Н-ИЗ-А Ч-Т-О!

Ой, он-то не хочет. А все остальные очень даже хотят. Начиная от жены Насти и императора Николая I и заканчивая мятущими толпами народа.

Кстати, на счет последних. Если бы не XIX век, то точно был бы расстрел 9 января, или, наоборот, разгром царской резиденции. Тысячи людей, еще не бунтующих, но уже не мирных жителей, ходили по городу, не раз походили к Зимнему дворцу даже не с требованиями, с просьбами показать им новопоставленного святого.

А, попробуй, не покажи! И сам бестолковый попаданец, и его несчастный император Николай зримо понимали, что в религиозном экстазе народ легко перейдет от мирного шествия к кровавому бунту. Под теми, кстати же, иконами и священными хоругвями.

И ведь не раз выходил августейший император Николай I к народу и мстительно показывал святого. Мол, вот он, православные, хотите — ешьте, хотите — играйте. Он весь ваш, любезные.

А почему вдруг попаданец стал не только святым, но и бестолковым, а император стал не только добрым, но и сугубо мстительным? Сам Андрея Георгиевича оказался и виноват, причем не косвенно, самим своим существованием, а прямой деятельностью, поднимающую народ на восстание. И ведь не только нимбом, появляющимся уже не только в церквях, но и около них. Дурак, прости Господи!

Один раз, без всякого злого умысла, остановился он на паперти Исаакия, где было очень много разных калек и больных. Приходилось, а куда деваться (!), и креститься, и

благословлять, и молиться со всеми, прося перед Богом за страждущих. Не известно уж, помогал ли Макурин больным своими действиями, но морально он был спокоен — на все сто процентов наработался. Спокоен был и народ — святой ведет себя, как святой, а остальное все в руце Божьей.

Один только остановился попаданец. У одной больной нищенки, грязной и неухоженной копошилась малютка. Тоже грязная и, видимо, голодная, но такая прелестная и чудесная, что Макурин не мог просто пройти мимо.

— Твоя дочь? — строго, но спокойно спросил он у нищенки.

— Моя, — безнадежно согласилась женщина. Спросила, как обругала: — ноги у ней, болезной, совсем не шевелятся. За что же, святитель, она ведь не сделала еще, ни хорошего, ни плохого?!

Андрея Георгиевича внимательно посмотрелся. В сумерках большого здания ему все время казалось, что на по людям ходили какие-то непонятные тени. И только теперь он понял — это не тени, а меняются людские ауры, или как там они называются. Вот и этой женщины и у ее дочери ауры волнуются и меняют цвет и вид. Ха, а нищенка права и не права. Малютка сама действительно ничего плохого не сделала, но из ауры матери наглядно переходили негативные последствия на дочь, и от этого ее аура заметно темнела и дурнела. С такой-то аурой не может быть хорошего здоровья.

Но нельзя же так младенцев наказывать! Он перекрестил ее, искренне жалея и стремясь перенести хотя бы часть плохой скорби и негатива на себя. Он сможет пережить, Бог вещь! Эти его действия подействовали, аура девочки не просто очистилась, но и стала яркой, красочной, как и почти всех младенцев.

— Во имя и Бога, и Сына и Святого Духа, — еще раз перекрестил малютку Макурин, — встань дочь моя, ты не можешь так страдать!

Народ ахнул. Маленькая девочка, которая не то что ходить, шевелилась еле-еле, улыбнулась и довольно смело поднялась на колени и на руки. А потом, при помощи святого и на ноги.

Зато народ, окружающий их, рухнул на колени.

— Чудо, Чудо Божественное! — послышалось вокруг, — помилуй нас, грешных и убогих, пресвятой человек!

На этой волне Андрей Георгиевич, сам того не желая, строго сказал бестолковой и даже просто плохой матери:

— Дщерь твоя действительно ни в чем не виновата, а вот сама ты грешна. Очень сильно виновата перед Господом нашим Всемиловитым и людьми. Прелюбодеянием занималась, воровала, погубила немало душ. Не сама, правда, но очень, больше помогала проклятым душегубам. Господь такое не терпит и потому наказал и тебе саму и твою несчастную малолетнюю дочь!

— Позволь, святой отец, за эти грехи я ей здесь же оторву голову! — какой-то здоровенный мужик с фанатичным огнем в глазах решительно подошел к Макурину, чтобы убить не его, конечно, а глупую женщину, погрязшую в грехах.

«Такие вот и убивают с именем Бога в устах, — мелькнуло в голове у попаданца, — и ведь еще правдолюбом будет себя считать».

— Э-э-э, нет, — поспешил он отказаться, — такая смерть будет слишком легкой и не смеет все ее грехи. Ваше преподобие, — обратился он к стоящему рядом священнику — сотруднику Синода, — будет ли бедной женщине место в одном из дальних монастырей,

чтобы там она отмолила все вины свои непотребные?

— Боюсь, что нет, — отрицательно покачал головой священник, брезгливо глядя на грязную нищенку.

«Явно не нравится, как женщина и как человек, — понял Макурин, — и денег у ней нет совершенно. Саму придется кормить».

Посмотрел на грешницу. Сломленная тяжелой жизнью и суровыми словами святого, она была готова ко всему — хоть к смерти, хоть к губельной тяжелой жизни. Нет уж, ему это было не нужно. Он только хотел помочь маленькой девочке!

— Встань, дочь моя, — торжественно провозгласил Макурин, — дабы дочь твоя больше не болела и так не страдала, налагаю на тебя епитимью — шестьсот шестьдесят шесть месяцев ты будешь начинать день с молитвой Господу нашего, и оканчивать день ею же. И в промежуток между ними делать самую тяжелую, самую грязную работу. Жить и работать ты будешь в трактире, что у конца на Невском проспекте. И дочь свою возьмешь пока с собою. Потом посмотрю на тебя, как ты там и с Божьей помощью обратим тебя на истинный путь.

Андрей Георгиевич глянул на нее предостерегающе, напоследок перекрестил еще раз, как сказал «до свидания» и пошел дальше, в Собор.

Там-то и окончательно произошло событие, из-за которого император простого человека назвал бы дураком, а святого лишь пробуравил гневным взглядом.

У одного из действительных тайных советников Ртищевых, дальних родственников Романовых, умер единственный взрослый уже сын Петр. Зрелище это печальное, но обыденное и от этого никуда не денешься. Грустный родитель сей Аристарх Александрович погоревал немного, но решил отпеть в церкви и похоронить. А, коли родитель такого высокого класса, от отпевали умершего сына в самом Исаакиевском Соборе и вед процессу митрополит Санкт-Петербургский.

А тут и Андрей Георгиевич подошел со «свитой» сановников во главе императором Николаем I и кое-кого из Романовых. Макурин посмотрел на лежащее тело во гробу то ли как попаданец XXI века, то ли как святой, то есть представитель потусторонней силы. В всяком случае, ему сразу стало ясно, что это не еще не хладный труп, а вполне живой человек, просто в некоторой прострации. И хоронить его никак нельзя, поскольку в могиле, похороненный, он останется без воздуха и тогда точно умрет.

— Встань, сын мой, как новый Лазарь! — громко провозгласил Макурин, — Христом Богом прошу и требую!

И к удивлению окружающих (к ужасу некоторых) Петр Ртищев, принесенный в Собор для отпевания, встал, как живой человек, правда, немного очумелый от большого количества людей и от своего вдруг нахождения в гробу.

А Андрей Георгиевич с этого дня стал для народа настоящим святым. Ведь помимо этого, он еще и проводил «по мелочи» разные дела: лечил от массовых инфекционных болезней типа холеры и дизентерии, предугадывал ужасных погодных явлений, например, наводнений и так далее.

Моментами ему казалось, что, пожалуй, он сможет легко сменить Николая I в качестве монарха. Раз и все, еще один государственный переворот. Николай I будет сменен Андреем I (или каким другим, имя при коронации можно было сменить). И даже формально династию можно будет не менять. Жениться, например, на дочери последнего правящего императора и все. И никому не будет никакого дела, Макурин был четко в этом уверен. Ведь и последние правящие императоры, начиная с Павла I и матери его Екатерины II, не очень были

легитимны. Последняя, кстати, на престол пришла только через мужа, убитого, надо сказать, в ходе переворота. И отцовство его Павла историками очень было признано относительно. Екатерина, между нами говоря, была женщиной весьма нечестной и мужчин меняла чаще, чем перчатки.

Только вот самому Андрею Георгиевичу этот престол был нужен, как телеге пятое колесо. Он в XIX век пришел с твердым намерением прожить жизнь простого жителя этой эпохи и только лишь. И хотя не очень-то выполнил задачу, став штатским генералом и придворным, но в монархи он НЕ ХОТЕЛ НИ ЗА ЧТО! Потому и уехал после с первого ж предложения императора, ибо ну его к Богу, извиняюсь. Ведь, как говорится, Богу — Богу, Кесарю — Кесарево, а ему, пожалуйста, вот это сладкое место у своей жены красавицы Насти. И к помещичьими проблемами, которые, как оказывается, так приятны и хороши!

В порыве чувств он смачно поцеловал Настюшку в обе щеки. Хотя муж ее уже второй раз будил, но она опять не рассердилась, а только сладко почмокала во сне, как бы намекая, куда надо целовать ее мужчине. Или видела приятный сон?

Вот это райская жизнь, а монархом пусть будет другой, даже хоть Николай I. И цесаревич подрастает Александр Николаевич, законный на данный момент наследник. Пусть так будет во веки веков, нечего менять хорошее на лучшее. Как показывает история, ничего приятного в этом в случае не произойдет.

Подъезжая к поместью, Макурин окончательно решил не сворачивать со своего магистрального жизненного пути. Ни к Богу, ни к Престолу он пойдет, будет обычным помещиком и чиновником, пусть уж необычайным в статусе святого, но все же одним из многих, искренних слугимператора и России. И все, нечего его соблазнять и подталкивать. Женился вон, дети сейчас будут. Хорошо ведь, Господи!

А тут и Настя зашевелилась после сна, так сказать «ожилась». И так уж почти все утро проспала! Обняла его за шею, явно ластясь, и шепотом сказала, как это умеют женщины, вроде бы спрашивая, а на самом деле подталкивая к единственно правильному, то есть единственно ей нужному варианту:

— Скажи, мой дорогой, ты ведь останешься тем, кем был — помещиком и действительным статским советником?

Что он на это ответит? Конечно, ДА с некоторыми изменениями:

— Да, разумеется, милая, все, как раньше. Единственно, класс будет старше и милости монарха, чувствую, прирастут. А так, больше ничего.

Сказал и почувствовал, как расслабилось тело дорогой и любимой жены. Тоже, видимо, боится, как бы не удрал от нее. Благо, есть куда и как. Уверил ее искренне:

— Настенька, я могу быть жестоким и опасным, несправедливым и скупым. Но дураком я никогда не был, поняла, солнышко?

— Да? — как бы очень с открытой душой удивилась его ненаглядная жена, — и в чем же проявляется эта твоя дурость?

Вот ведь зараза такая, радуется, что все по его варианту идет, а все не сдержалась, пошутила над мужем. Ах, ну тогда и он постарается!

— Не важно в чем. А оставлю я с тобой с одним жестким условием — ты будешь верной и податливой женой, — предупредил ее Андрей Георгиевич, — и никогда не откажешь мне в супружеском долге ни под каким соусом.

Настя так по простодушному наивно удивилась, что точно с мужем игралась, как наивным ребенком:

— Так я вроде бы и никогда ранее и не отказывала в постели и не только моему повелителю, да, мой дорогой?

И часто так заморгала красивыми, но плутоватыми ресничками, словно что-то лукаво за ними прятала. Ой, с мужем хитришь жена!

На этот случай Макурин держал вариант действий еще в XXI веке, заранее сурово предупредив ее о нехороших последствиях. Дескать, я с тобой не спорю, родная, но ты все-таки имей в виду — если обманешь, расправа будет жесткой, например, жена не будет спать в семейной спальне. А то ведь иначе с женщинами разговоришься до икоты.

Настя заметно притихла, видимо предупреждение оказалось действенным. Потом она, видимо, быстренько прокрутила все это в голове, решила, что это точно переживет и ласково улыбнулась.

На это он ответил заведомо жестоким выражением лица. Мол, ты улыбайся, милая, но не забывай, я рядом!

Так и приехали с некоторой недоговоренностью, как и все молодожены. А в поместье оказалось, как всегда, заведомо много проблем — по количеству живущих здесь жителей. При чем не только по хозяйственным и административным плоскостям, чему он уже привык, но и в религиозной. Местный батюшка, получив от волостных церковных властей об изменившихся положении помещика, заметно активизировался, пытаясь вовлечь и его в дела сельской церкви. И хотя батюшка был довольно робок в своих просьбах, а помещик, наоборот, категоричен в отказах (некогда!), но две-три обедни все же простоял. Благо, и ему самому было очень полезно. Все крестьяне, увидев нимб святого на голове своего помещика, стали к нему предусмотрительно покорны. То есть они и раньше были во всем согласны, куда бы они делись. Но если раньше господин Макурин олицетворял краткую земную власть, то теперь и веяную небесную. Не только тело, но и душа стали ему безвластны. И крестьяне, даже самые агрессивные и злые, стали окончательно покорны своему хозяину. Куды деваться бедному мужику?

Ну и по мелочам пришлось, хочешь — не хочешь, побывать в маленькой больнице, во вновь открытой пока еще крохотной школе. Крестьяне «смирились», отпустили где-то немногим более двадцать детей из трехсот с лишним. Макурин их не неволил. Год — два и сами поймут, что знание — это сила.

Затем, по времени года, ревизовал ягодное хозяйство, что дикое, что домашнее. Оно его порадовало. В соседних лугах было тьма-тьмущая клубники, в лесах — земляники и черники, по берегу реки сколько угодно черемухи и смородины. Около изб поставили большие сады из яблонь, крыжовника и той же смородины.

Только успевай собирать. Для стимулирования повторил бабам и детям, а через них и мужикам — хозяевам, что ягоды он любит и привечает. За ведро товара в зависимости от вида и качества от трех до десяти копеек, в среднем до пяти — семи. Но одно четвертое ведро обязательный налог!

Осмотрел он и заводи по производству повидла, мармелада и варенья, остался доволен. Жители XXI века обалдели бы, если бы знали, как оказывается, много можно готовить сладостей без дорогого и вредного сахара.

Дал хозяевам обязательного аванса по рубль — рубль с полтиной и ушел успокоенный. Зимней порой в трактирах он получит вдесятеро больше, а, главное, крестьяне поймут, что не хлебом единым они будут сыты. И от сладости, от которой серьезные люди получают лишь настойку, а остальное только на радость детям, можно как-то год прожить.

Мед Андрея Игоревича откровенно порадовал. Крестьяне ведь не совсем были дураки, с древней еще поры держали пчел и до мелочи в них знали. Они и сладость приносили, и лекарств всяких, и даже воск для свеч. А отсюда и немалых приработок для их хозяев. И как только помещик показал свою заинтересованность в полосатых мухах, так и сразу стали держать. Опять же, какое сельское хозяйство без пчел, срамota одна!

Одних только крупных пасек по пятьсот ульев и более в сельской общине было где-то десять. И почти в каждом дворе еще держали по пять — десять ульев. Откуда что берется, ведь весной неимоверно тяжело доставили пчел и пасечники, и сам помещик. А тут на тебе, как-то сами размножились!

Хотел было Макурин их посторожить, как бы не сломались с этой затеей. Да не стал, в конце концов. Люди взрослые, опытные, сами должны думать. Но подтвердил, что основную продукцию пчеловодства — мед и воск — после выдачи натуральных налогов будет покупать в большом объеме и по нужной цене.

Но особенно Макурин тщательно посмотрел на свое детище — животноводческие фермы. Здесь ведь не так было просто. Скажем, по першеронам только расти да продавай крестьянам. В основном, конечно, как льготная добавка «передовикам капиталистического труда». Работает трудяга хорошо, чутко прослеживает все нововведения помещика — на тебе сначала жеребенка, потом уже после роста лошадей, взрослых кобыл и лошадей задешево. Радуетса крестьян, смеется втихомолку над дурнеем помещиком, а не понимает, что он будет будет работать более хорошо и на самого хозяина.

А вот по мясному животноводству было труднее. Кроликов, куриц, а потом и свиней надо ведь было не только вырастить, но и подешевле и побыстрее привезти к трактиру или к давкам. То есть, вроде бы необходимо поставить фермы ближе к Санкт-Петербургу. Но там, с другой стороны, и корм дороже и крестьян надо отрывать от своих хозяйств, что тоже нехорошо. Крестьяне в первую очередь должны кормиться сами — первый и главный тезис колхозного помещика.

В итоге подсчитал Макурин на счетах (компьютер XIX века), прикинул, что в поместье выращивать будет все-таки дешевле. И даже большая неудача с транспортом не изменит общую картину.

Оно ведь как — в эту дожелезнодорожную эпоху (а в чем-то и позднее), самый дешевый транспорт был речной. Поэтому главный объем товара возили из поместья в столицу именно на судах. Но вот ведь какое дело — реки работают только в летний сезон, зимой здесь лед. А мясо в основном можно заготавливать зимой, когда холодно. Холодильников ведь нет. Вот и вози мужик в обозах мясо.

И ничего, повезли, особенно, когда першероны стали запрягать. Ха, там такие оказались грузовые сани, аж по судам по весу доходили.

И последнее, молоко. Тут Андрей Игоревич почти сломался, и уже почти планировал было строить ферму КРС на окраине столицы. но ... а как крестьянское молоко и продукция их молочных заводиков ему будут готовить? Опять же, как он будет обходиться с доярками, а они от своих хозяйств и детей никак, лучше даже не намекай, оглушат визгом.

Отступил он от своей затеи, и молочную продукцию стали возить от поместья, а скоропортящееся свежее молоко каждые сутки возили скорые молочные суда (зимой — специальные сани).

Ох, целая мудреная логистика. Зато, когда рабочая цепочка заработала, она стала такой прибыльной, что попаданец аж возгордился. Какой там святой или даже монарх! Видимо, он

все же, прежде всего, аграрник — организатор. При чем, не важно, председатель колхоза или сатрап — помещик. Это всего лишь историческая форма. Главное, он в сельском хозяйстве и им управляет. Вот как!

Когда они еще ехали в поместье, то наивно решили (он решил!), что и на сей раз будут здесь с Настей только пару суток, продумают наибольшие местные проблемы и укатят обратно в столичный город. Ха-ха, как говорится, хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих грядущих планах. Вот, наверное, там так ржали, аж тучи дрожали!

Пробыли первые сутки, немного остались. Настя занемоглась, критические дни у нее. Смех смехом глупым мужчинам, а ведь действительно больно и неудобно. Даже подумал, может построить линию по производству прокладок XXI века? Оказывается, вот оно самое нужное из будущего, а не электроника и различное оружие.

Отлежалась Настя, а там прямой приказ императора — быть в поместье невылазно до следующего приказа монарха. И ведь, гад, даже не сообщил, зачем он кинул такой суровый приказ. То ли в Санкт-Петербурге бунт или новая эпидемия, а, может, Николай просто видеть не желает своего бывшего письмоводителя?

Плюнул Андрей Игоревич на все, и решил сам дотошно планировать фермы, Да еще раз посмотреть на крестьянские, а вместе с тем и помещичьи дела. Перво на перво глянул на конную ферму. Першероны у него явно прижились. На первом году было всего лишь пять голов. А сейчас, даже хоть и давали крестьянам, стало пятнадцать! И пусть было много метисов, а все равно могучая стада вырисовывалась.

То же самое с коровами. Чужеземные голландки совсем вытеснили местных буренок. Лишь самые ленивые и неповоротливые, те, которые всегда и в стоялой воде стоят, по-прежнему держали прежних крестьянских коровушек. Да и то, и среди этих дворов нет-нет и мелькали сентименталки. А все потому? Приказал помещик, подумавши, раз у некоторых своих голов думающих нет, пустить в общественное стадо быков новой породы. А там природа сама потребует, людей не спрашивая.

На свиноферме даже попаданца, не говоря о самих крестьянах, удивили стати хряка Мишки. Экий он, если бы хватило норову, легко ставил бы передние ноги на плечи человеку. Только такой цирк появился крайне редко, поскольку Мишка был тяжел, весом где-то под десять пудов! И сам себя не поднимешь и человека уронишь. А Мишка хряк был очень умным, понимал, кто его кормит и чистит. Даже в субординации разбирался. Уж как не редко бывал тут Макурин, свиньи аж удирали от него, как от чужака, а все равно Мишка его помнил и дружелюбно хрюкал при встрече. Поросята от него были крепкие, большие, благо вскоре помещик приказал от каждого помета оставлять только пять первенцев. Остальные же продавали своим крестьянам подешевле, чужим подороже. А то и совсем немного откармливали и везли втрактир под лакомое блюдо — жареный поросенок под хреном. У-у вкуснотища!

Свиноферма позволила Андрею Игоревичу выполнить давнишний иезуитский план. Больно уж любил он по привычке XXI века картофель. Прямо-таки до спазмов в животе. А крестьяне садили его немножко, да и то по приказу сверху. Все вроде бы было — земля есть, технологии в деревне выработали, тяга по нему существовала, что на рынке, что в крестьянском подворье. И все равно, садили немного, бабы в основном в приусадебном огорожке.

Уж и Макурин потребовал садить побольше, ан нет, как только отвернется, крестьяне сокращают площади. А вот со свиньями поехало, ведь по-настоящему кормить больше

нечем, объедки со стола, да привычная репа и перемолотое зерно. Но без картошки все равно не прокормишь, особенно если не одна свинья в подворье.

Глядишь и стали крестьяне выращивать картофель по сотни пудов на двор, заметно потеснив привычную рожь. И скот кормили и сами потихоньку стали есть. Не зря в XX веке, когда картофель уже прочно воцарился в российском сельском хозяйстве, о нем заговорили, как о втором хлебе.

Но пока все же был век XIX и «передовому помещику» приходилось исхитряться, чтобы иметь каждый день на столе картофель — жареный, вареный, печеный, в салате, в супе, в жарком и пюре.

Подумал о прошлом, посмотрел, как свиньи споро съедают свой «суп» — мятую картошку с мелко порубленной крапивой и грубой мукой, поблагодарил свинарников, пошел дальше. То, что работники нередко объедают своих питомцев, попаданец смотрел сквозь пальцы. Картофеля хватит, а будет недостаток, так еще купит. Денег, слава КПСС, тьфу, Богу, хватает. Зато население начинает питаться этой культурой с детства и помногу, будет в поле картофель!

На кроликоферме, как он и представлял, его встречало множество кроликов. Зверьки по природе размножались быстро, таков был их механизм выживания. Ну а человек лишь использовал это чудо — больше десяти голов в год на самку.

Андрей Игоревич выкармливал белых великанов — относительно больших кроликов с белой шубкой. От шерсти он, после долгого размышления, все же отказался. Хватит и двух плодов с одного стебля — мясо и шкурка. И ведь еще что больше даст прибыли!

А вот курицу он, как не сжимал зубы от вожделения, все же нацелил на три задачи: во-первых, мясо, во-вторых, яйца, в-третьих, пух и перья. Бройлеров еще не было, но все равно приходилось выворачиваться — кого-то молодыми под нож на мясо, кого-то на яйца. А потом, всех на вытербление и на мясо. Такова уж судьба птицы.

Для помещика в любом случае будет важно количество. И тут уж, по технологиям будущего, но учитывая примитивизм настоящего, он расстарался и имел в своем пользовании по несколько ферм и на кроликов и на птицу. Ешьте, православные и платите, благо все дешево.

Едва разделался с фермами, пришла другая тягость — выросли огурцы. Нет, сам он, конечно, собирать, а потом солить не стал. Однако побегать по недостатку емкостей, соли, трав всякой пришлось. А ведь, казалось бы, не раз и не два вспоминал и тревожился именно по этому поводу. Ан нет, как пошли плоды в массовом количестве, хоть чего-то да не хватает.

А там и обозначилась одна важная причина его остановки в поместье. Один из вечеров, изрядно встревожив самого Макурина, а через него и все крепостное население, прискакал сам Николай I с небольшим количеством людей.

— Вот, обещал и арибыл, — ответил он в ответ на тревожный взгляд хозяина, — в Санкт-Петербурге, слава Богу, все уже в порядке, кого-то приутихли словами, кого-то силой, народ и примолк. Главная-то причина исчезла!

Андрей Игоревич смущенно потупился, а про себя подумал, что зря он так поторопил историю. В России в XIX веке революция не было и не будет, объективных причин точно нет, а субъективных он постарается (хм!) не допускать. Так что только в начале следующего века Россия вздрогнет, но там его уже не будет в живых, как и Настеньки.

— Ваше императорское величество! — вслух воскликнул Макурин, — а ведь я только на

днесь вспоминал, дескать, огурцы стали солить, государя только нету!

— Да? — заинтересовано спросил Николай, — это я вовремя оказался. Посмотрим, давай и огурцы соленые и мастерицу искусную.

Помещик только наклонился. В прошлом году он уж было хотел ее познакомить с императором и даже говорил с ним по этому поводу. И Николай, кстати, ничуть не был против. Но вот как-то не сошлось все. Что же, не Магомет подойдет к горе, так гора к Магомету, когда-нибудь встретятся.

Поселили Николая с небольшой свитой в гостевых покоях. Андрей Игоревич вначале хотел совсем было поселить на свое место, но Настя отговорила. Гостевые покои были куда просторнее, гости оказались более свободные, хоть по природе, «хоть по девкам», — додумал про себя Макурин. Сам-то Николай I был морально стоек и жене не изменял. Но вот его слуги и близкие имеют желание побегать по бабам. Да и сами они не против, кто из денег, а то и из-за детей. Хорошо ведь вспомнить неграмотной крестьянке, что один из ее сыновей от какого-то графа. Почетно-то как. А уж если и он вспомнит, то это манна небесная с небес.

В общем, все оставались в помещичьем доме на своих законных местах — и хозяева, и гости. Император был не привередлив, а прочие гости Макурина как-то и не беспокоили. Император вообще был совсем непривередлив, и его вроде бы по-настоящему интересовало только местное хозяйство помещика. Попаданец, поначалу думающий, что Николай попросту сбежал из столицы или, не дай Бог, его вообще оттуда выбили, на третий день догадался, что собственная судьба августейшего монарха тут не причем, а идет, наоборот, судьбоносный поиск жизни самого Андрея Игоревича. Проще говоря, император захотел посмотреть итог поиска его хозяйственной деятельности. С учетом того, что он теперь стал святым, вряд ли бы в случае негатива он далеко рухнул сверху вниз. Но в любом случае, кем бы ты не был, но ссориться с российским императором не стоило, особенно, если ты его поданный. Декабристы в этом отношении были блестящим примером, как не надо себя вести.

Поэтому в последующие дни помещик уже не только жалел своего августейшего гостя, пытаясь его заинтересовать, но и, главным образом, стал показывать свое просторное хозяйство.

Не известно, на каком периоде экскурсии монарху было интересно, но сам Макурин отрабатывал на все сто процентов и даже сам увидел то, что никогда не обращал внимание.

Полномасштабную экскурсию поместья с третьего дня для Николая и Ко он начал, конечно же, с участков ржи. Эта культура в первой половине XIX века для тогдашней России означала все. Это и младенец понимал. Так же, как и наиболее большую массу товарного зерна приносит помещичий участок. Исключений было немного.

У него об этом и спросили, буквально ткнули, потребовав привезти к помещичьей земле. Хорошо хоть не император заговорил, а одним из полузнакомых сановников, Макурин, как специально, позабыл его фамилию.

Впрочем, гостям уже было все равно, так их удивил ответ хозяина. Помещичьего участка у него не было вообще, а все товарное зерно и помещику из налогов и государству через рынок получают сами крестьяне.

— Как это? — обалдел немного седой, но в целом крепкий чиновник, — они что же сами все делают? А потом и решать начнут, что им делать и как сеять в поле — рожь или, скажем, пшеницу какую?

Князь Орлов, — а Макурин наконец-то знал его, — негодуяюще поджал губы. Ему, дворянину в каком-то там поколении, очень коробило возможное равенство с мужиками. И позиция хозяина ему весьма и весьма не нравилась.

Еще полгода назад в таком положении сердце от ужаса стало бы биться через такт. Как же, такой высокий чиновник и против него! Но сейчас по положению у императора он, пожалуй, был ближе. А Орлов известный консерватор и Бог с ним. Ему с ним детей не крестить и бургундское не пить.

— Милостивый государь Алексей Федорович, — нарочито вежливо ответил он Орлову, — мне понятна ваша позиция, но становится на нее я не смогу, потому как я считаю низким дворянину стоять во главе крестьян.

— М-гм, — закашлялся Николай то ли поддерживая, то ли отвергая Макурина. А ведь тот ответил сильно. Если бы он сослался на лень, это тоже бы было принято. Но он подчеркнул, что не дворянское это дело руководить крестьянами. Кажется, святой сделал в целом все правильно, но уж очень жестко. Раздерутся еще. Император поспешил разделить спорщиков: — господа, мне видится, что вы оба зашли слишком далеко. Дворяне в рамках своих поместий, имеют возможность сами создавать свои модели. И, если поместье не разваливается, а, наоборот, развивается, то нечего лезть и критиковать хозяина!

Спорщики замолчали, пытаясь понять, на чьей же стороне оказался монарх. Получалось как-то склизко. С одной стороны, Николай явно не согласился с князем Орловым, но с другой стороны, и Макурину было нечего радоваться, ибо и с ним он никак не соотносился. Вот ведь как!

Впрочем, кажется, он и не стремился подойти к одной стороне. Оба были его ближайшие соратники, и с обоими он не собирался пока расходиться. Помолчав немного и убедившись, что накал спора понизился, он спокойно спросил:

— Скажите, Андрей Игоревич, а теперь, при новом хозяйстве, больше или меньше вы получаете зерна? Вообще, как лучше создавать свою деревню помещику?

Все-таки молодец наш император, умничка. Сразу зрит в корень. А вот он также ответит:

— Ваше императорское величество, страна ваша огромная, с очень разной погодой и географией. Поэтому и единым стилем обо всем и не напишешь. Скажем, например, в черноземной полосе деятельный помещик заработает больше со своей землей на барщине. А вот в нечерноземье, безусловно, надо ставить на оброк. Потом, надо ведь иметь в виду, — он обратился слегка к Орлову, — большинство наших дворян откровенно бестолковы и не могут тянуть никакое поместье.

Князь Орлов напыжился и явно был готов ответить Макурину нелицеприятно. Мол, вот тебе, Цицерон Тамбовский, я тебе как ща дам! Но глянул на своего августейшего монарха, не увидел одобрения и промолчал. Орлов ведь не меньше, чем полновластный барин, еще и, скажем так мягко, вежливый придворный.

— И все же, — нетерпеливо повторил вопрос Николай, — вот даже по твоему поместью, как больше?

Что же, коли государь хочет, он ответит правдиво и бескомпромиссно, как и положено своему повелителю:

— Ваше императорское величество, если под таким углом, то безусловно при оброке больше. Крестьяне как бы на своей земле. Как бы, потому как земля все равно моя, — пояснил он, — но теперь мужики мои гораздо старательнее работают, не как раньше кое-как

— помещицью потому как чужая, а свою просто не успевают. Так что, в зависимости от старательности и умелости мужики получают больше зерна на треть, а то и наполовину. Да вы сами посмотрите, зримо все видно.

Они как раз выехали на границу между двух поместий — Макурина и его соседа, ведущего хозяйство по-старинке. Видно было, что поле Макурина, то есть, конечно, мужика Макурина, но все равно его, хорошо заросло рожью. А вот соседнее гораздо хуже. А значит и получит тот зерна куда меньше.

— Посчитали мы с соседом — на одинаковых по площади полям я получу раза полтора, если не больше, чем он.

— Но ведь он получит все от барщины, а ты только часть урожая от оброка, заметил император мудро.

— Совершенно верно, ваше императорское величество, — согласился Андрей Георгиевич, но тут же, перечисляя сам себе, добавил: — но надо отметить, что с учетом гораздо большей оброчной земли и хорошего урожая, и крестьянин, и я получаем больше.

— Ну да, — вспомнил давний их разговор Николай, — пострадает лишь земля. Как, кстати, она?

Макурин, в общем, уже мог и не отвечать, поскольку они выехали на поле, отведенное в этом году под пар. Старательный хозяин еще и хорошо его удобрял торфом, перегноем и навозом. На глазах благородных гостей першерон привез большую телегу торфа.

— Эх у тебя, так, пожалуй, ты чернозем сделаешь? — с откровенной завистью спросил доселе молчавший сановник.

— Да, еще известь надо положить для понижения кислотности и почва готова для урожая, — свободно подтвердил Макурин. А что, пусть завидуют передовой агротехнике. Так, глядишь и сами поднимут свои поместья.

— А лошади-то у тебя такие здоровенные, только и в артиллерию брать, — увел Николай в другую тему, более для него актуальную.

— Сам выращиваю, ваше императорское величество, — пояснил Макурин, — а там и на свои нужды, и крестьянам выделяю. В этот месяц, наверное, и на рынок отправлю.

Такие заветные слова заметно заинтересовали всех гостей. Все они были помещиками и тоже нуждались в сильных лошадях. Не говоря уже об императоре с его государственными нуждами. Одна армия чего стоила!

Как-то невзначай подошли к конеферме, где как раз прогуливали лошадей. Им, как благородным зрителям, как бы показали и взрослых лошадей — могучих жеребцов, от шагов которых вроде бы дрожала земля, и не менее сильных кобыл, и многочисленных жеребчиков — однолеток и двухлеток.

Чувствовалось, что ферма находится в хорошей рабочей формы. Хозяин получит заметную прибыль, а хозяйство — эффективных производителей.

— Вот что, друг мой! — в приказном порядке объявил Николай, — всю продукцию конефермы я у тебя покупаю для армейской артиллерии.

Макурин ему не возразил, наоборот, молча обрадовался. Прибыль, разумеется, будет немного меньше, зато не придется искать покупателей. С учетом численности российской артиллерии устойчивый спрос будет десятки лет. Конкурентом-то в России у него нет, а заграничный товар заметно дороже.

Возразили, однако, другие. Ну как возразили...

= Ваше императорское величество, — жалобно попросил молчаливый сановник, — а

можно нам хотя бы несколько голов? На племя

Император только улыбнулся. Сельское хозяйство тоже нельзя оставлять, кормилица все же. Прокрутил мысленно поголовье, спросил вопросительно:

— Десятую долю хватит?

Десятую долю с учетом относительной малочисленности фермы было, конечно, маловато. Но ведь не будешь же торговаться с монархом. Николай этого не любит, еще не будет допускать в свиту.

Поболтали, пошли заодно дальше. Третьего дня Андрей Георгиевич уже им все показывал, но быстро и не дотошно. Так, как интересную игрушку. Сейчас же не торопясь, со всеми деталями. Заметил, что в летний сезон самые удоиные коровы дает за день почти за полста литров.

Большинству это ничего не говорило, но седоватый чиновник поразился:

— Они что же, дают молока как несколько обычных коровушек? Быть не может!

Да, это так, ваше превосходительство, — подтвердил Макурин, — при этом кормить их заметно больше не приходится, в основном поить. Удоиные коровушки. И в крестьянских дворах они тоже приносят много молока. Крестьян перерабатывают его в масло и творог и сдают мне. А уж я везу в столичный рынок. Летом бывает сдают на деньги до полтины продукции.

— За лето? — спросил Николай, чтобы спросить хоть что-то.

— Ну, ваше императорское величество, — укоризненно ответил Макурин, — конечно же, за летний день. Не зря же он говорят, что день год кормит.

— Да у тебя крестьяне получают как у меня чиновники! — поразился Николай.

— Да, ваше императорское величество, — с достоинством ответил Макурин, — зато они все налоги платят без недоимок!

— Скажи, — спросил без прежнего сарказма Орлов — достало его местное хозяйство помещика, — а дотошно, поди, приходится за крестьянами следить при сдаче оброков.

— Нет, ваше сиятельство, — свободно ответил Макурин, — буду я еще за ними следить!

— Но ведь как? — невольно поразился Орлов, — украдут ведь, каланьи такие, как есть утащат хоть пару копеек!

— Нет ваше сиятельство, — возразил Макурин, — во-первых, не проверяют не у всех, а тем, кому я доверяю. Чуть что — отправлю приказчиков, будут проверять за их же деньги. Так что моим крестьянам самим выгодно. Не говоря уж о том, что они Богом клянутся не лукавить.

— Да что им Бог, — не подумав, буркнул Орлов и замолчал, искоса глядя за помещика. Тот ведь как есть святой, все видели, какая у него благодать.

— Во-вторых, — хмыкнул Андрей Георгиевич, не акцентировав на этом вопросе. А зря, он ведь не только может благодать насыпать, но и проклятье. Попробуй-ка, обмани Бога и его святого! Это тебе не с амвона молитвенно ругаться, ссылаясь на Бога, которого никто не видел. Тут есть грозный и конкретный мститель за Небожителя, — во-вторых, — повторил он. Крестьянскую продукцию продаю я же через приказчиков. И получается, сколько ты сдаешь оброк, столько же и получаешь денег за свою продукцию. Попробуй, обмани, а затем получи штраф и много вкусных и здоровых... розог.

— И что были такие, — поинтересовался, улыбаясь, Николай.

— Ни одного! — отрапортовал Макурин, — сама община бы его разорвала на клочья за такое лукавство. Они уже так разбогатели, что с меня пушинку боятся сдуть, как бы чего не

ВЫШЛО.

— Да уж! — крикнул император, — давай, дальше показывай, тут чем удивишь, рачительный хозяин?

— Да чего уж, все, — вздохнул нехотя Андрей Георгиевич, — не чем уже, честно говоря, самое интересное прошли.

Они прошли к кроликоферме. Сотни, тысячи зверьков, суетливых, невесть о чем говорящихся, а то и дерущихся. Может только поразить количеством? Тут ведь уже не сотни, а сотни тысяч голов. Летом забивают только на текущий прокорм, а большую часть кормятся и размножаются в так называемым гаремах — огороженных подвижных устройствах на лугу.

— Ни чего себе! — действительно удивился картине местных зообогатств Орлов, — сколько же здесь зайцев?

Зайцами большинство несведущих жителей XIX века называли кроликов. Иногда уточняли — домашние зайцы. Это, естественно, было неправильно, но Макурин к ним не придирался. Сам еще тот биолог. Вы, главное, ешьте да не придирайтесь. А то ведь некоторые в Европе в XXI жмутся, им де то, им де не это. Жрите мясо, сволочи, да не забудьте заплатить за него!

— Много, — сделал он на лице размышление умудренного философа, — считать будем зимой, когда начнем забивать на продажу. А сейчас трудно очень, размножаются быстро.

— Хм! — отреагировал Орлов и задумался. Кролики удивили его, как новый вид скота на мясо. Или вегетарианство замучило?

— Позвольте вам презентовать небольшие подарки в честь приезда сюда! — сменил тему Макурин, — качественно выделанные шкурки кроликов позволяют вам сшить различные виды одежды. Я, например, под мундиром почти всегда ношу безрукавку. Санкт-Петербург славится ветрами, даже прохладные могут охладить тело, не говоря уж о зимних ураганах.

Большинство гостей были люди старые или, хотя бы, арок немподолодыми. Тема оказалась очень даже актуальной и даже император после некоторого раздумья взял. Видимо, были неприятные моменты.

Уж на птицеферму Андрей Георгиевич заворачивать не хотел. Только заглянули быстренько и домой, к обильному и вкусному обеду. По случаю гостей — с вином. Да и без того все было очень интересным. Мясо, птица, рыба, перемешанные с овощами и картофелем в неожиданной пропорции и вкусно приготовленные. А тут курицы...

Но почти все гости заинтересовались и даже император Николай с любопытством посмотрел. Курицу они, разумеется, регулярно ели и любили это мясо. Но чтобы так они выращивались, ха! Обычно в поместьях куриц держали в крестьянских дворах, нередко при помещичьих усадьбах для собственного пользования, если, конечно, барин не лентяй и не бестолков. А то и такие есть, в большом количестве и вариабельности. Гоголь как раз с этого времени взял примеры в свои «Мертвые души».

Но вот чтобы так в промышленном варианте они в России в XIX веке еще не встречали Куриц растили и утилизировали как бы в общем строю (о конвейере люди этого времени еще не знали).

Местные птичницы, бабы простые, хоть и работающие, при виде его императорского величества в обрамлении его сиятельств и «простых» его превосходительств, попросту разбежались по углам и сараям. Пришлось Андрею Георгиевичу, мысленно матерясь, самому проводить экскурсию по ферме. Показал «цыплятник», «яичный цех», «мясной цех»,

сушильню по пуху и перьям. Гости увидели все и даже попробовали только что вылупившиеся яйца.

Напоследок Николай I провел давно уж ведомый Макуриным разговор. После птицефабрики они, наконец-то, пошли к помещицкому дому — обедать. Однако император вдруг замедлился, заявив, что хотелось бы немного посекретничать с хозяином по поводу будущего его поместья.

Вы же, господа, пока обедайте, — посоветовал (точнее, громогласно приказал), — мы скоро подойдем.

Вот оно, — насторожился довольно-таки опытный попаданец, — император, наверняка, заговорит о своей судьбе, а, значит, о моей тоже.

Он не ошибся. Начал монарх, как он и обещал, о здешнем поместье, но очень скоро перешел о судьбе престола.

— Да, Андрей Георгиевич, удивили вы даже меня, — задумчиво сказал Николай, — я, конечно, помню ваши разговоры о настоящем и будущем поместье, но въяве оказалось еще интереснее. Да что я, даже Алексей Федорович, известный консерватор в крестьянском вопросе, немного задумался.

И сразу, как топором, обрубил:

— Но давай пока о другом, об императорском престоле. Ты внезапно оказался к нему неприятно самым близким. Будешь императором? Мы с тобой уже раз говорили, но как-то не закончили.

Николай очевидно сильно волновался. Руки его постоянно передвигались, лицо то и дело гримасничало, а голос неожиданно в конце речи дало петуха.

Что же, попаданец, а теперь еще и святой был готов дать твердый ответ:

— Ваше императорское величество, — оптимистично для Николая начал он, — я помню тот разговор. И в отличие от вас, я помню его по-другому. Я уже тогда отказался от короны. Откажусь и сейчас. Господь мне показал явную дорогу на Небе, но ничего не отметил в земном пути. Я же в своей стороны и не думал даже никогда. Ваше императорское величество, по наследству и по Божье воле вы пришли к императорскому престолу и блестяще правите. И я не считаю себя вправе мешать вам. Потребуйте, я дам вам любую клятву, что не стану российским императором!

Отдохнувшие лошади, которым крайне надоело стоять столько летних дней в конюшне, почти весь путь задорно скакали. Впрочем, хозяин на все это не обращал внимания. Он не спешил, как и не медлил. Какая ему разница, за сколько доедет. У него другая грусть, человеческая.

Вроде бы и с карьерой чиновника все хорошо, и жена красавица его любит и как-то все чаще ненароком сообщает о возможном пополнении в семье, и денег много, хоть закидайся ими. А вот по пути вдруг взгрустнулось. И ведь не понятно от чего и зачем и явно кажется эта грусть не его, а откуда-то внешне, а вот как-то нехорошо.

А потому, то ли грустно пой «утро туманное, утро седое», то ли вспоминая полуприличный анекдот на тему «что-то ты лошадка серая — взгрустнулась что ли, что-то ты белая — эх!»

На Небе (оттуда?) явно видели, что жизнь переломилась, и как-то грустили. А вот попаданец в душе даже как-то радовался, видя, что впереди у него десятилетия спокойной счастливой жизни в окружении семьи. А потому прочь серая грусть!

Император Николай после того памятного разговора уехал в тот же день. Ему, видимо, уже все было понятно. И ведь зачем, спрашивается, приезжал — поместье ли посмотреть, свою ли судьбу до конца узнать.

Обед в этот день был веселым. Много блюд, вкусных и неожиданных. Николай, в частности, был поражен изобилию картофеля. Ну, мяса понятно, хотя и его разнообразие радовало.

Рекой лилось вино. Андрей Георгиевич, как чувствовал, погребок прошлого хозяина не только не уничтожил, а, наоборот, по мере возможности пополнял изысканными винами, хотя ни он сам, ни, тем более, его жена особо не пили. А вот теперь пригодилось. В гостях были, страшно сказать, три генерала (из них два военных из гвардии), князь и сам император, куда уж более!

А хозяйева не осрамились, посетителей напоили различными винами и шампанским. Пили дружно, даже Николай вопреки обычаю, попросил бокал бургундского. Подливали, веселились, вспоминали истории из гвардейского прошлого, хотя по случаю наличия хозяйки более приличные.

Поэтому было очень неожиданно, когда после небольшого, с час, отдыха, Николай объявил об отъезде. Всех, кроме Макурина. Он-то понимал, что императору здесь больше делать нечего. Правда, ожидал отъезда завтрашним утром, ну да хозяин-барин. Император все же, при нынешнем монархе — первом чиновнике, замыкающем всю лестницу, явно очень некогда.

Уехали. И император, и его свита, оставив хозяина успокаивать крестьян и устраивать поместье. Сам Макурин с разрешения государя уехал только с неделю по позже. Сельским хозяйством занимался, молодую жену любил до беспамятства. А потом вот поехал, и в дороге какая-то хандра приключилась. Благо Настя на этот раз почему-то решила ехать одна. Феминистка что ли какая, независимость решила показать, или дело какое невесть пришлось?

Эта мысль Андрею Георгиевичу взбрела в голову невзначай и так же легко исчезла. Женщин он любил и даже говорил ласково, но уже давно наотрез отказался их понимать.

При чем он подозревал, что и сами они себя вряд ли понимают, действуя наугад.

Больше он тревожился о другом. Производство выросло, логистика идет почти на отлично. Пока развивать сеть, прежде всего, трактиров и ресторанов в понимании попаданца. Прямым собственником он их не станет, не положено, но создавать только ему, больше некому. Да и имущество он рано или поздно все равно возьмет, кто откажет святому?

Пока проблема не в этом, а чтобы в момент строительства данной структуры не наделать ошибок. Сам потом будет разгребать, воя на луну от бессилия и злобы. А как ты хотел, господин первопроходец?

Сперва, пока все было очень в теории, ему проходило в голову что попало, вплоть до чудной фантазии волшебника с всемогущей палочкой. Потом, с постепенной близостью к созданию сети учреждений общепита, и пониманием реальности XIX века, планы выкристаллизовались и становилась четче.

Теперь Макурин понимал, что база будет должна попроще, типа, как у всех — трактиры для простого народа и рестораны для верхушки. А вот дальше специализировать он будет сколько угодно и как угодно, без какой-либо опасности для себя. Так же могут быть всякие эксперименты с поставками, кадрами, ассортиментами блюд и так далее. Главное, не перебдеть, но это естественно и в любом веке.

Вот и сейчас, на основе, так сказать, учебного комбината, решил он сделать несколько трактиров (сколько сможет) и опять же несколько ресторанов. А там, как будет, так и случится. Опасение левой пятки, что может не получиться, в данность была не принята. Макурин решил, что по его положению и по уровню богатства он уже не должен бояться ни мнения общества, ни решения государства в лице Николая.

И вот теперь он сначала провел собрание с избранными трактирщиками — глав трактиров, потом ресторанными — управляющих ресторанов. Будучи еще в этом мире новиком, он старался все делать сам. И денег не хватало, и смелости. Теперь иначе, дал приказ, подготовил планы, и работайте, ребята! Не можете — научим, не хотите — заставим. А будете упрямы — отлущуем шпицрутенами. Это XIX век, детка!

В Зимний дворец он прибыл только к вечеру, на всякий случай именно в это время. Как раз в теперешний час суток письмоводитель Макурин обычно приезжал из поместья. День, правда, уже совсем другой, график перепутал абсолютно. Но ведь с разрешения самого императора, так ведь? Не бунтарь еще и не самоволец.

Николай I, видимо, имел такое же мнение. Коротко поздоровался с ним, как будто только вчера и встретились, и сразу пожаловался на его подчиненных, что никак не научатся писать его бумаги.

Ха, — подумал Макурин, — ну а что он хотел, не все;т встречаются с Богом и получают как-то особенные способности. Как это не плохо (вариант — очень хорошо), но он такой один, прекрасный — распрекрасный или, хотя бы, способный.

Император, по-видимому, про себя считал также, при чем большего он уже и не хотел. Одного святого и так мало. Мягко попросил его всего лишь написать своих подчиненных писать хотя бы разборчиво. Красиво уж он как-нибудь обойдется.

Пришлось несколько часов возиться с писарями. К его удивлению, писали они чуть хорошо, чем думалось. Не прекрасно все же, но явно выделялись из общего ряда. Еще бы немного, и будут похожи на его хороших чиновников. Поработал с ними, разработал и почерк в целом и отдельные буквы. А потом с сожалением ушел, все-таки его строго предупредили — вечером во дворце будет придворный бал. Не Николай, кстати, а кто-то их

чиновников.

«Настя его точно убьет, — весело подумал Андрей Георгиевич, — будет такое празднество, а ее нет во дворце. Ужас какой!»

Но по-настоящему он сильно удивился, просто обалдел, когда к нему лег вко подлетела еликая княгиня Татьяна, любимица и первенец детей Романовых этого поколения. Цесаревичем ее Николай ставить не решился, благо потом родилось несколько сыновей и острота вопроса наследия была снята, но дочь он сильно любил вплоть до своей смерти.

Отношения Татьяны с Андреем Георгиевичем было ровным и почти спокойным, как дочери правящего монарха с поданным. То есть она отвечала на его приветствия, иногда (но очень редко) танцевала с ним на придворном балу. А когда он женился, их отношения стали еще реже. Слишком мало было точек соприкосновения.

Поэтому он крайне удивился, но, конечно же, не отказал ей. Как он может?

Была легкая кадриль, и не надо было следить за сложными фигурами. Они всего лишь болтали. То есть, как болтали? Она говорила, а он отвечал в основном междометиями. Ей было этого достаточно, его мнением почему-то совсем никто не интересовался. Не по Сеньке шапка вышла, поди ж ты, дорогой!

Ну ничего, он-то хоть чином мал, но все равно, если что, скажет прямо. Как-никак дворянин, белая кость, голубая кровь. Хотя голубая как-то не смотрится. Хоть до этого времени, когда такой цвет становится неприглядно — сексуальным, останется два века, но ведь он-то как раз оттуда.

— Вы такой интересный и весьма красивый, — между тем щебетала великая княгиня (княжна?), — жаль, что вы уже женаты, вы бы могли жениться на мне, правда ведь, дорогой? Попробуйте развестись. Так, конечно нельзя делать, ведь таинства, проведенные в церкви, считается, сразу доводятся до Бога. Но ведь вам можно, вы святой? Бог вам простит мелкий грех. Зато я буду вся ваша, ведь так ли?

Девушка ласково журчала, так соблазнительно прижималась то грудью, то бедром, отчего у любого парня в любую эпоху должны разлететься мозги в клочья и он послушно обязан пойти за представительницей прекрасного пола, соизволившей выбрать именно его, сермяжного. Только он-то уже давно в душе не молод! Да, внешне выглядит сравнительно молодым, кажется, одни гормоны и чувства, но внутри больше чем зрелый, даже почти старый. И эта его опытная немолодая частица Андрея Георгиевича Макурина сравнительно быстро, хотя и в прострации от большого удивления, вычислила, что его лишь элементарно пытаются соблазнить! Его, уже женатого, святого и, между прочим, действительного статского советника, то есть целого штатского генерал-майора, хочет поставить буквально на колени какая-то пигалица, пусть и высоком положении великой княгини. Не стыдно, сударь?

И даже это нехорошо, а он просто не хочет расставаться с Настей. Проблема не в том, что у нее высокая грудь, длинные ноги и смазливая мордашка, что всегда характеризуют молодых женщин и девушек. Он просто ее любит и не хочет с ней расставаться! Или Настя ее купила какими-то безделушками и она легкомысленно побежала в амурные дела? Вот еще!

Макурин пережил вдруг бурный приступ злобы на этих вертихвосток, решивших непонятно почему, что им все позволено. Эмоции, видимо, отразились и на его лице, поскольку Татьяна вдруг испугалась и резко сбросила натиск.

«Эх, какая ты все-таки молодая и зеленая, — сожалея, подумал про себя Макурин, —

только куда ты понеслась так напропалую по большим колдобинам и ямам? Думаешь, титьки выросли, так все сразу можно? Молодежь!»

— Ваше императорское высочество, — сказал попаданец прямо, поскольку его положение святого много чего позволял много чего свободного, как в возрасте, так и в статусе, — а ваш августейший отец хоть догадывается о том, какие разговоры здесь ведутся за его спиной?

— Н-нет, никак не знает, — густо покраснев, ответила великая княгиня. Не известно, знала ли она о тактике великого Наполеона, но делала так же, как он — сначала ввяжемся в бой, а потом посмотрим. Но поскольку в юной головке содержалась совсем немного гениальности, больше приходилось на красоту, то происходившее сражение развивалось не так, как она думала, и девушка откровенно растерялась.

— Я бы на вашем месте все же осмелился подойти и поговорить, — спокойно посоветовал Макурин, — вдруг его императорское величество Николай Павлович имеет на вас другие планы. А вы тут крутите, извините, шашни с его поданными. Нехорошо получается.

Пока он сочинял ей педагогическую нотацию, его собеседница немножечко пришла в себя и напомнила:

— Хорошо, я поговорю с отцом, но вы все-таки подумайте. Не каждый день вам предлагают породниться с девушкой правящейся династии.

Кадриль закончилась, они невольно разошлись. Но попаданец все же успел увидеть, что великая княгиня довольно усмехнулась. Как же, последнее слово оказалось за ней. Милая девочка, в феодальном обществе вообще не важно, кто начнет и кто закончит говорить. Все зависит от того, кем является собеседники. Вот и тебе, родная, прежде всего, надо думать об отце, а уже потом об собственных амурах.

Он смешался с праздной толпой, которая разговаривая, смеясь и споря, создавала общий праздничный тон. А вот ему как-то было невесело. Остро не хватало любимой жены, которая на балах обычно нагло прямо-таки висела на левой руке, щебеча и веселясь себя, а заодно радуясь и конфузя своего мужа. Он почему-то считал, что бал это не семейная кровать, чтобы вот так прижиматься.

Ворчал и даже гневался, а теперь вот хотел, чтобы ненаглядная Настенька вдруг оказалась на придворном балу и заняла законное место на его левой руке.

— А, может, и нет у Татьяны к никакой любви? Коли уж искать кого, то и другие есть свободные, более смазливые, знатные и богатые. А он то чего? — он немного подумал и чуть ли воскликнул, — святой, вот оно что! Как бы она к нему и не из собственной инициативе пришла к проситься в постель?

Он сейчас в невероятной силе и могуществе. И хотя они с императором вроде бы договорились к обоюдному согласию и на пользу Николаю, а вдруг тот решил подстраховаться? Макурин подумал еще раз, представил императора и отрицательно покачал головой: — хотя, может, не станет, очень уж это на него не похоже.

В любом случае, информация о шаткости положения императора Николая и большой роли Макурина все более распространяется и явно приведет к волнению в обществе и слабости государства. Надо ему императора подтолкнуть. Некогда, буквально в прошлом месяце, в его поместье, когда августейший монарх специально туда приезжал, они уже договаривались, как завершить эту проблему. Оба решили, что монарх и святой, являющийся одновременно чиновником и помещиком, должны прилюдно объявить о своем хорошем

положении и не желаний его менять. При этом оба понимали, что заявлять об этом должен будет Макурин, говорить о подобном Николаю будет, по крайней мере, смешно и непонятно. Однако, император обязательно должен начать такой разговор, на то он и монарх. В любом другом случае святой окажется на месте государя. Ну, или бунтовщика.

А император как то и не думает искать случая и ставить обязательную точку. Испугался, успокоился? Смирился? Чтобы там не было, но он стал до нельзя пассивен. То есть, от одного берега он отошел, а к другому не торопиться. Но, ваше императорское величество, а утонуть не боитесь?

Впрочем, Андрей Георгиевич, по-видимому, много надумал нехорошего. В Санкт-Петербург он приехал только сегодня, должен же он немного отдохнуть. А на балу все мешали. Николай как бы невзначай несколько раз пытался подойти к Макурину, но придворные тут же толпились рядом. И ведь не наорешь же на людишек, не скажешь им, что ему надо поговорить тет-а-тет с одним из чиновников.

Наконец, Николай I ухитрился создать ситуацию для нужного разговора. К Макурину подошел флигель-адъютант и негромко сообщил, что император ненадолго уединился в личном рабочем кабинете и просит, — флигель-адъютант тоном подчеркнул это слово, — подойти к нему для небольшой работы над секретным документом.

Ага, если он правильно понял, то этот тот случай — попаданец изо всех стараясь сделать вид ленивого, праздного человека, которого внезапно вызвал к себе государь, вышел из бального зала и направился к рабочему кабинету.

Император ходил по небольшому помещению, заполненному мебелью, и ему, очевидно, было неудобно. Впрочем, монарх на это не обращал особого внимания.

— О? вот и ты, — обрадовался он святому, — у меня к тебе неприятная новость — слухи о моем, — он помедлил, подбирая более нейтральное слово, — неудобном положении, ширятся и вскоре разойдутся в массы. Мы должны их опередить, иначе будет катастрофа.

— Я готов, ваше императорское величество, — даже с облегчением сказал попаданец, — готов к любому варианту, — а то люди уже говорят обо всем, даже ваши родственники. Буквально час назад на идущем балу подошла ваша дочь Татьяна с невероятным предложением.

— Да? — искренне удивился император, — чего же оно такого могла такое сказать? Девчонка еще...

Удивление его было настолько чистосердечно, что Макурин понял — Николай тут не при чем и сам только что узнал о выходке дочери. И вот что здесь скажешь? Можно и гордится девушкой, решившей, так сказать, защитить отца своим телом и досадовать на ее деятельность, умудрившей осложнить и без того сложную обстановку.

— Мне понятно одно — ситуация расплзлась до крайней степени и мы должны действовать без промедления, — решительно сказал монарх.

Честно говоря, Андрей Георгиевич хотел бы увидеть более энергичную реакцию августейшего отца на выходку Татьяны, но хотя бы таким образом. Если они сами сумеют снизить остроту, то тогда Андрей Георгиевич и сам мягко, но твердо откажет великой княгине. Все-таки женат уже, а она не совсем юная девчонка, должна понять!

Кроме того, он все-таки надеялся на монарха, который специально не отреагировал бурно в присутствии чужого человека — а Макурин понимал, что он по большому счету им не близок — чтобы потом наедине или в присутствии матери императрицы Александры Федоровны устроить дочери выволочку.

— Я могу провести беседу в церкви и объявить о своих планах, — предложил Андрей Георгиевич, — твердая позиция святого образумит многих и смутьянов и просто пока нейтральных зрителей.

— Хорошо, мой друг, — одобрительно ответил император, — но перед этим ты проведешь мою интронизацию. Пусть я уже давно взошел на трон, но такой святой человек, как ты, не может не укрепить мою императорскую власть. Особенно, если мы еще окажемся хорошими актерами, — он откровенно подмигнул, чем подвигнул Макурину в немалое замешательство. Что это он? Решил, что святой стал откровенным другом или предположил, что от такого человека прятаться в эмоциях не имеет нужды? Хм!

Но следующий день начался, чего совершенно не ждали ни император, ни сам Андрей Георгиевич — гневной выволочки Настя. Его любезная жена приехала уже в раннее утро. Присмотрелась к постели — муж был один и никаких признаков какой-то соперницы. Одобрительно угукнула.

Поскольку утро было еще раннее, ну, хотя бы, относительно раннее, то она, как сама сказала, решила освежить супружеские отношения. Дальновидная дамочка! После пары часов амурных занятий, мужа было можно смело пускать к любым женщинам, все равно он был дееспособен.

Но вместо этого он попал на грандиозный семейный скандал. Настя в первую половину дня отправилась «на работу» — пока еще фрейлиной при императоре. Выйдя замуж, она почти автоматически должна была лишиться этой должности. Однако, как-то ни Николай I, ни его жена Александра Федоровна разговора не поднимали, а сама она была вполне довольна и по-прежнему была при штате.

И вот там, «как бы нечаянно», а с точки зрения мужа, очень даже целенаправленно, она подслушала, как император Николай I сделал своей дочери августейший выговор. Разговор, по-видимому, был очень неприятный, поскольку даже «невольная» участница его была на взводе. Какой уж тут прием у императрицы! Она пришла в их покои, нашла ни о чем не подозревающего супруга, и гневным голосом поинтересовалось, что все это такое может быть и как ей себе вести?

При чем главным виновником этой ситуации она назначила именно мужа. Ха! Как и все женщины, она решила, что обвиняемым является мужчина, а несчастная девушка, в данном случае великая княгиня Татьяна, только лишь жертва жизненных обстоятельств и она ни а чем не виновата.

Будь он в душе тем же, то есть чисто внешне молодым человеком двадцати с чем-то лет, он немедленно бы ответил и гневная проповедь жены обернулась бы громким семейным скандалом. Но он уже был где-то опытным стариком, прожившим две жизни, и позволил прелестной, но очень уж глупенькой Насте выпустить свой пар. И лишь после этого спокойно сказал:

— Да, моя дорогая, твой муж очень красив и умен, и представительницы прекрасного пола не выдерживают и падают ниц. Тут ничего не сделаешь.

Это было правдою только частично относительно красоты и совсем глупостью на счет падения ниц, но Настя вдруг немного притихла и даже пустила горькую слезу, украдкой посмотрев на мужа. Ему, кстати, она совсем возразила, чем ввела его в веселое настроение. Он красив? Ха-ха!

Он, однако, неспешно продолжил:

— В тоже время, моя разлюбленная супруга, как бы ты не стараясь нас развести, тебе это

не удастся. Я все равно останусь твоим мужем на веки веков, как нас обвенчали в церкви!

Кивок на Господа был значительным и точным. Настя сразу сдулась, уже, в общем-то, не понимая, о чем она гневается.

— Но ты оставил девушку несчастной! — попыталась она ввести разговор к прежнюю тему, — это очень нехорошо.

Однако ее муж также был упертым:

— Милая, что ты там не говорила, я не брошу тебя. И, кстати, на двух дамах тоже не женюсь, как ты не старайся.

И в доказательство этого он благоговейно поцеловал руку своей жены. Настя, порозовев, как девушка-девственница, уже и совсем притихла. Вот как утихомиривают гневную жену!

По сравнению с этим церковная процедура вторичной интрпонизации была спокойной, хотя и многолюдной. Никто не возмутился, что Андрей Георгиевич взял на себя такую почетную роль, как опасался Макурин и даже не удивился, что Николай вторично стал монархом, чего боялся император.

Нет, все было спокойно и мило, так же, как и его проповедь, которая очень быстро перешла от объяснения, зачем он именно так сделал, в доказательство, почему надо повиноваться законному государю.

И в семействе стало все спокойно, словно это Настю он успокаивал несколько часов подряд. Зато ему пришла долгожданная радость. Как оказалось, она имела большую причину не ехать вчера с мужем. Настя подошла в уезде к знаменитому врачу по женским болезням, гинекологом, как сказали бы в XXI веке. И тот подтвердил, что она беременна.

И если она не раз только намекала, что ее муж может стать отцом, то теперь твердо подтвердила — ты родитель, Андрей Георгиевич, милый! Ты же доволен?

И она посмотрела на тебя таким лучезарным и светлым взглядом, что на этот раз Макурин сдался сразу и безоговорочно. Если и для него существует рай, то он в XIX веке и рядом с этой девчонкой, прелестной и веселой.

Эпилог

Обычно днем он не спал, все некогда, да и не стар еще, что бы выглядеть старой песочницей и не тянуться за постелью. Но сегодня как-то после бурной первой половине дня Макурин как-то вдруг срочно заснул, иначе и не скажешь. Сил хватило только дотащиться в своих покоях до обозначенной постели, и он уже ничего не помнил, отдавшись во власть древнего Морфея.

И уже во сне, прочувствовавшись и авторизовавшись, как Андрей Георгиевич Макурин, он понял, что этот древнегреческий божок тут совсем не при чем. Его вызвал к себе всемогущий Господь

Да, это был их Иисус Христос Назаретянин, единый во всех трех существах — Отец Сын и Святой Дух. Вызвал, понятно, не физически, ментально, На Небе оказалась только его душа, а тело как бы спит. Хотя вряд ли кто-то может его сейчас разбудить.

Ведь душа его оказалась совсем в другом месте, в чем-то вроде дворце. Почему вроде? Во втором своем визите он уже не был таким растерянным и несобраным, и почувствовал, что как бы каменные стены таяли маревом, исчезали, как только взгляд уползал в сторону и снова готовно поднимались, если глаза возвращались. Он вообще в каком-то строении? Может быть, вошкается на одном месте в сомнамбулическом сне в каком-то космосе?

А ведь Андрей Георгиевич и не думал, что его обманывают, не то это место, чтобы так

греховодить. Скорее, каждый человек или существо видит и представляет то, что ему ощущается. И комната за прошедшим поворотом исчезает только лишь потому, что он ее уже не видит. Как говорится, весь мир — это лишь плод деяний органов чувств. И как только они перестают там существовать, то и эта часть мира исчезает.

В парадный зал он вошел там, где представлял. Еще бы, ведь это голова все придумала!

Господь Наш милосердный и Всемогуший сидел там, где он должен был. Только вот ни лица, ни тела у него четкого не было. И Макурин вдруг понял, что это не Бог многолик и многообразен, а просто он не в состоянии его зафиксировать и как бы увидеть и потому не может видеть.

Бог зашевелился, увидев его, негромко удовлетворенно рассмеялся, заговорив, как будто они виделись только что:

— Понял-таки кто я и где я. Но немного все же поправлю тебя. Я и плод своего воображения и независимый от тебя итог жизненных сил. Понимаешь, каждый Бог любого человека и не человека тоже с одной стороны, результат его воображения, деятельности его мозга, чувств, эмоций и всего, что его существует. С другой стороны, я итог многообразия многих людей. И не только их, но пока не будем уходить за пределы Земли. Поэтому я — каждый как бы составляю из двух частей — я-единый и я-многообразный. Это как компьютерная программа — в каждом устройства своя единоличная, но в целом единая. Понял ли?

— Да, Господь Наш Всемогуший и Могучий, — скромно потупился Макурин, стоя у дверей в это помещение.

— И проходи уже, сядь напротив меня, — сказал Бог, усмехаясь — смелее немного, ведь это твой сон!

«М-гм, а что делать? — пристыжено подумал Макурин, — не уподобляться же беспомощному младенцу?»

Он уже смелее, хотя и не переступая грань вежливости, прошелся в зал, где никак не виднелись стены (он не видел их!). Сел на вдруг оказавшееся рядом неким подобием одновременно стульчика и скамейки, положил на колени руки, готовясь слушать и понимать Господа.

А тот смотрел на него, не пытаясь ни как бы возгордиться над человеком, ни стать таким же, как он. Он был тем же Богом, и этого было достаточно.

— Однако пойдем дальше, — заговорил Господь, — из моих слов у тебя не должно появиться чувство какой-то моей слабости или пассивности. Бог не только результат массовой разумной деятельности человека. Со своей стороны, вся имеющаяся Вселенная, все существующее человечество — это итог моих размышлений, мое почти творчества.

— Так это, люди появились нечаянно? — удивился Макурин. Небо, а тем более нечто вроде резиденция Бога, не то место, где можно было показывать гордость и чванство, но все-таки эмоции тоже имеют какие-то границы!

— М-м, нет, конечно, — отказался от такого категорического тезиса Бог, — давай так, я отвечу тебе на этот вопрос, и потом мы будем говорить только о тебе. Ато через чур сложно тебе. Ты хоть и из толерантного XXI века, но все же человек и тебе трудно работать с такими категориями многогранных и многозначимых понятий.

Вообще-то Макурин легко понимал нить разговора и знал приводимые философские термины, но спорить с Господом он не решился. Пусть другие дураки лезут в драку, он лучше постоит в стороне. По крайней мере, целее будет.

Его божественный собеседник одобрительно кивнул головой, что-то почувствовав в олове. Ха, может ему просто не хочется говорить с человеком? Диалог бога и человека, по меньшей мере, выглядит смешно. Или оскорбительно для Господа. Это как для людей говорить с муравьями. Хочется сразу же отправить такого познавателя в сумасшедший дом и запереть его там покрепче.

— Говоря в общем ракурсе, создание человечества в целом и даже отдельного человека в частности требует очень много времени и усилий. Лично я не готов просто так удалить их в корзину.

Макурин на миг подумал, что будет со всеми людьми и ему откровенно поплохело. Раз и уничтожить все человечество? Нет, только не это!

— И потом, мой маленький друг, ты хорошенько подумал, почему люди появились на свете и почему они не могут исчезнуть?

— А-а? — вопросительно посмотрел Макурин на Господа. То есть не то, что у него не было совсем ответа, наоборот, даже несколько, но пусть он лучше сам ответит. А то будет его вариант неправильный, или даже оскорбительный. Интересно, а за оскорбление Иисуса Христа много дают тюремного срока? Или просто отправят в крошечный ад после смерти и мучайся, сколько хочешь?

— Я ведь общий итог умственной деятельности людей, — продолжил Господь, — и хоть без них я не исчезну, но значительно ослабну. Да и потом, а моральный подтекст? Не могу уничтожить своих же детей, не сатана же.

Господь быстро перекрестился, лицо его исказилось, словно он перешел на нечестивую тему.

Однако сдержался. Одобрительно посмотрел на человека:

— А ты умненький, не стал сам отвечать, понял, что мне это неприятно, переложил на мои плечи. Мне и самому говорить тяжело, а уж от другого такое оскорбительно. Любой бы обиделся, даже я.

Теперь о тебе персонально. Живешь ты в XIX веке положительно, нравно, по православному канону. Ничего нехорошего сказать не стану. Твой отказ от монаршего престола могу только одобрить. Император Николай I оказался государем средним, не очень хорошим, но и не плохим. Добрый, нравственный, с поданными добрый, заботливый, но строгий. И главное, православная церковь его одобрила. Пусть правит, потом, после смерти, я его привечу.

По глазам твоим вижу, есть у тебя вопрос, — Бог немного лукаво посмотрел на Макурина, чувствуя его невысказанное томление.

— Да, Господь, — замялся Андрей Георгиевич, — я вдруг стал..., вернее, меня вдруг все окружающие стали верить...

— Ты превратился в святого? — закончил занего Бог трудное признание в высоком статусе.

— Да, — облегченно и даже почти радостно сказал Макурин, — снимите с меня, пожалуйста эту... — он замялся, не зная, как ее охарактеризовать. Потом робко предположил: — должность?

Бог к этой крохотной просьбе отнесся холодно.

— Не имею никакого желания чего-то снимать, сам это, в общем-то, ничего не навешивая, — сказал он, — ты хоть понимаешь, что такое святость?

Андрей, понимая, что влез в сферу очень деликатных отношений и его Всемогущий

повелитель точно может рассердиться, и тогда ему так или иначе может нехорошо перепасть по шее, осторожно ответил:

— Святость — это для меня, прежде всего, быть добрым христианином, соблюдать моральные нормы человеческих приличий, быть приличным семьянином, патриотом и честным российским поданным.

Макурин остановился, судорожно подыскивая, не просмотрел ли чего. Нет, кажется, основные черты назвал. А если и опустил чего, то извините, не ходячий умный ноутбук, не сказал сразу. Он молча посмотрел на Господа, мол, я все. Что мог, то произнес, а больше и не знаю ничего.

Бог тоже помолчал, давая еще сказать. Не дождался, Макурин говорил очень аккуратно, понимая, что лучше не все договорить, чем ляпнуть невзначай. У него здесь, если что, кроме земного пути, есть еще две дороги — в ад и рай. И он хорошо помнил, что благими намерениями выстлана как раз дорога в страшный ад.

— Что же, это черты доброго среднего христианина, — сказал в ответ Бог, — так можно честно прожить недолгую жизнь, а потом на другом свете отдыхая в раю. И все же, Андрюшенька, а почему ты стал святым, а не другой хотя бы россиянин. Если ты не отличаешься от остальных православных, то и в остальном тоже не можешь быть, а?

— Не знаю, — недоуменно пожал Макурин. Он действительно не знал и даже не предполагал ни чуточку.

— Случайным образом? — предположил Андрей Георгиевич, — методом отбора случайных чисел?

Сказал и сразу понял — не то ляпнул. Не зря в народе говорят, что молчание золото. Бог с разочарованием вздохнул, еще раз попытался подвигнуть собеседника:

— Вот смотри, гигантское большинство населения, миллионы, а потом уже и миллиарды никогда здесь не были и не будут. Многие простачки даже не верят в меня, ругая и сквернословя в мой адрес до той поры, когда не умрут и не окажутся передо мной на том, то есть сейчас в данном случае, на этом свете. А ты почему-то уже второй раз здесь оказываешься. Почему?

Действительно, почему, смазливая мордочка, поди, понравилась?

Нет, не надо так думать, здесь все мысли как на виду, мысли конструктивно, рискни! А что делать, раз не получается быть белым пушистым зверьком, наверное, поняли уже каким, будем тяжелым танком.

— Если так, то остается только один вариант — у меня есть такая характерная черта, которой нет у других, — предположил Макурин и замолчал, ожидая реакцию Бога — позитивную или негативную. С его-то возможностями, да чего угодно!

— Ну, наконец-то, ты начал думать, а не пытаться угадать мои мысли. Ты, Андрюша, в своем роде уникам, таких среди людей не больше пяти — шести, а среди вообще разумных существ — не больше десятка.

— Да?! — искренне удивился Андрей Георгиевич. Это, пожалуй, была искренняя и «звучная» его эмоция на Небе и Бог даже причмокнул от удовольствия, сказав:

— Вот теперь у тебя пошла такая яркая и красочная аура, что просто не воскликнешь! Ладно. Я ведь уже пытался тебе сказать, сейчас скажу прямо. Вся история и человечества и всей Вселенной мне уже известна с того времени, когда я появился. И я ее как бы переживаю вновь, словно смотрю второй раз один и тот же фильм.

М-да. С другой стороны, жизнь ведь это не фильм, она гораздо сложнее и

многообразнее. Судьбу несколько существ, в том числе и мою, я никак не вижу. Из людей на сегодняшний день проживающих земную жизнь, я не могу прочесть только у тебя. Понял, чадушко? — Бог ласково посмотрел на него.

— М-м-м, это хорошо или плохо? — решил рискнуть Макурин, кляня свое гремучее любопытство.

— Это не хорошо и не плохо, — равнодушно ответил Бог, — ты ведь есть, значит, зачем-то существуешь?

Что же, в мире наличествует еще один Бог, такой же, как минимум, могущественный и сильный, раз его собеседник так говорит?

Макурин попытался спросить, но Бог, видя по ауре мысли собеседника, опередил его:

— Ты куда-то не туда помыслил, дитя мое. Бог только один и это Я. Оговорюсь сразу, что б не было недоразумений — я всемогущ и силен, я все знаю и все могу. Но в том-то и вся проблема. Когда я Святой Дух, я знаю все и вся. Но тогда я не человек в широком смысле слова. И стремлюсь не делать ничего, потому как уже понял, ничего из этого хорошего не получается.

Но когда принимаю человеческий облик, то имеющейся мощности моей головы информационных каналов уже не хватает. И потому я не знаю, что я же сделал. Я уже отправил импульс по поводу тебя. И он, конечно же, придет с ответом... через пару тысяч лет, когда ты уже давно закончишь свое земное существование будешь в раю и займешь подобающее тебе место святого. Понял ли?

— Понял, Господь, — пристыжено ответил Макурин.

— И кстати, на данный момент я не могу тебе сказать, как и когда ты стал святым и почему ты уже два раза живым попал на небо. Это совсем не означает о моей слабости, а только лишь о других вселенских масштабах. Смирись с этим!

Бог по-доброму посмотрел на него, кивнув напоследок, и Андрей Георгиевич снова оказался в своей комнате, в покоях в Зимнем дворце, дарованных ему императором Николаем I. Около него хлопотала милая, родная жена и ему было так приятно и расслаблено. Земная жизнь его все еще идет и Господь подтвердил, что он все делает правильно.

Ура!

Больше книг на сайте - Knigoed.net